

ВОКРУГ ГЛОБУСА

3 1981
МАРТ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 3 МАРТ 1981

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЦН ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Журнал основан в 1861 году

Л. ФИЛИМОНОВ — КАРОС — поле золотое. . . 2-я стр. обл.	
Ю. КОРОЛЕВ — Тысячи ароматов Крита	5
С. БАРСОВ — Вторая жизнь Карадага	11
В. МАЛЫШЕВ — Черный след червеллоне	17
ЕВГ. БУЗНИ — Улыбка Манджулы	21
А. ЛЕВИНА — Петля за петлей	23
А. ВАЩЕНКО — Тропы, скрытые бетоном	24
В. НИКИТИН — Приглашение в будущее	29
В. ОПАРИН — Эхо таежного дерева	30
Л. МАРТЫНОВ — С согласия эйпо	34
АЛЕКСАНДР МИЛОВСКИЙ — Когда-то на караванном пути	37
С. ПОМЕРАНЦЕВ — Продолжение диалога с шимпанзе	40
Ю. ФЕЙГИН — От Земли Пири до залива Скорсби	42
В. БУДЬКО — Бурый медведь?	43
ИГОРЬ ЗОТИКОВ — Я искал не птицу киви	44
Л. ЧЕШКОВА — Праздник зеленого стекла	50
МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЕ — В тупике	54
В. РИВОШ — Кёрлинг	61
Новости экологии	61
Пестрый мир	62
«Вокруг света» 50 лет назад	63
АНДРЕЙ КАЛИНИН — Что непонятно в сказке	64
В. БАБЕНКО — Сарай-небоскребы	64

На первой странице обложки: США. Танец горных духов племени апачей. Родина индейцев-апачей — Белые горы. Дом Ветров. Раз в год собираются соплеменники, чтобы почтить память предков. (Очерк А. Ващенко «Тропы, скрытые бетоном» читайте на странице 24).

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, Р. Ф. ИТС, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. А. СЕНКЕВИЧ, О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Дорога шла правобережьем Волги — с юга на север, от Астрахани к Волгограду. Гладкая бесконечная асфальтовая лента, сопровождаемая чередой быстро мелькающих столбов линии электропередачи.

Справа и слева от шоссе лежала степь, безостановочно несущаяся у обочин и неподвижная у горизонта. Время от времени поодаль от дороги она взбухала невысокими песчаными буграми со скудной порослью сожженных солнцем трав, с барханной рябью на желтеющих проплевшинах. Ветер, которому здесь не было преград, нес из степи полынный запах, гнал по асфальту невесомые шары перекати-поля.

Мигали фарами в сгущающихся сумерках редкие встречные машины и пролетали, взвив мгновенный смерч. Иногда по степи неожиданно рассыпалась отара, в поднятой сотнями копыт пыли смутно маячила фигура чабана на низкорослой лошаденке. И один раз на горизонте, на фоне рдеющей закатной полосы неспешной поступью прошли верблюды — черными силуэтами, цепочкой друг за другом, четкие, как в мультипликации.

Когда спидометр отщелкал двести семидесятый километр от Астрахани, в ночи всплыла гирлянда разноцветных огоньков.

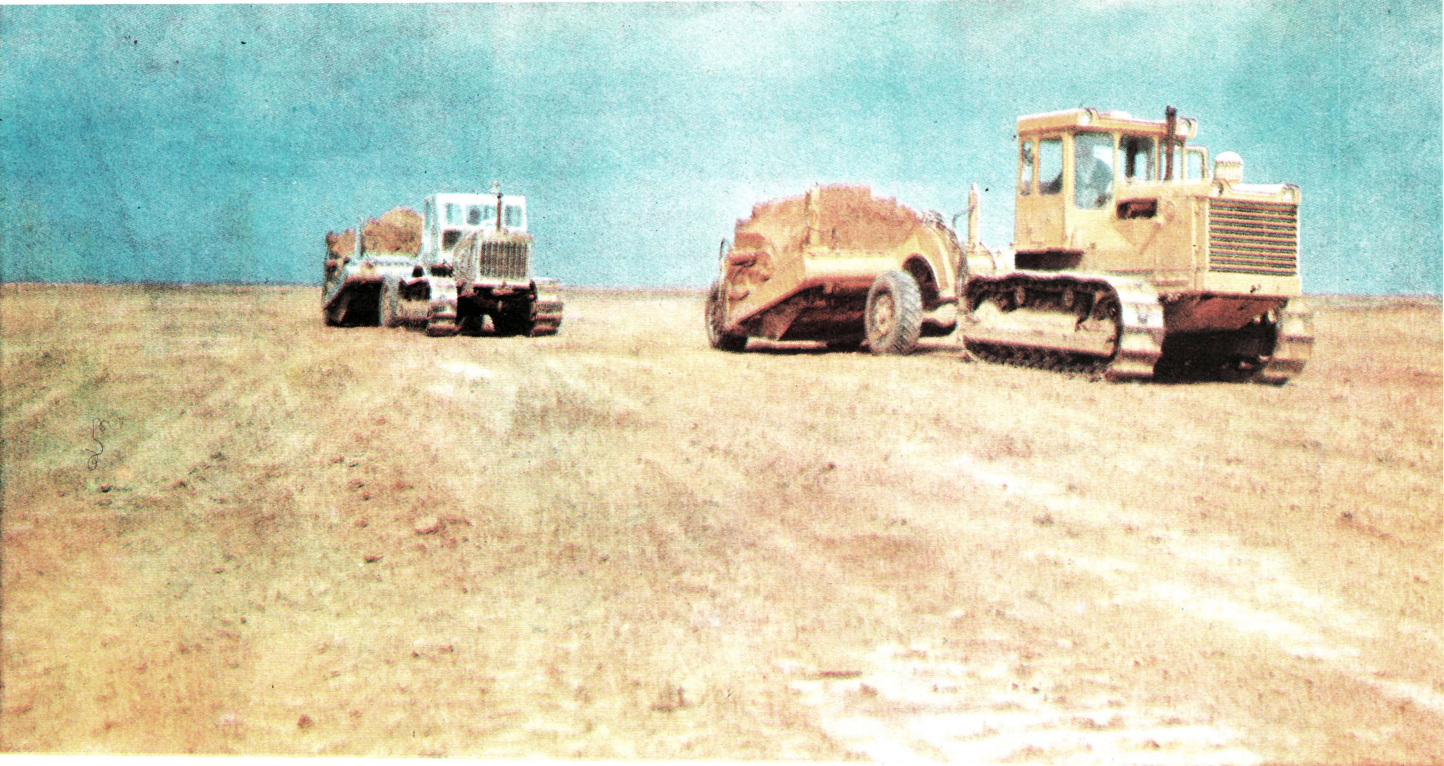
— Приехали, — сказал шофер. — Это и есть Черный Яр.

...Черному Яру около трехсот пятидесяти лет. Бывший острог, бывшая крепость, бывший уездный городок. А ныне крупное село, районный центр. Никакими яркими событиями в истории не отмечен. Кроме, пожалуй, одного: в 1670 году казачья вольница Степана Разина разбила на этих землях войско астраханских воевод.

И все-таки, как мне кажется, Черному Яру забвение не грозит. Вскоре он станет настоящим городом. Здесь, в древней иссохшей кочевой степи, сейчас раскинулся один из основных объектов ударной комсомольской стройки «Главастраханрестроя» коротко называемый КАРОС. А полностью — Калмыцко-Астраханская рисовая оросительная система.

Когда Доронину вручили диплом об окончании Куйбышевского инженерно-строительного института и направление на работу в Астрахань, он решил выяснить, что его ждет. В библиотеке института Саша нашел «Путеводитель по Астраханской области», а в нем скудную информацию о том, что место будущей работы не курорт:

«Астраханская область расположена

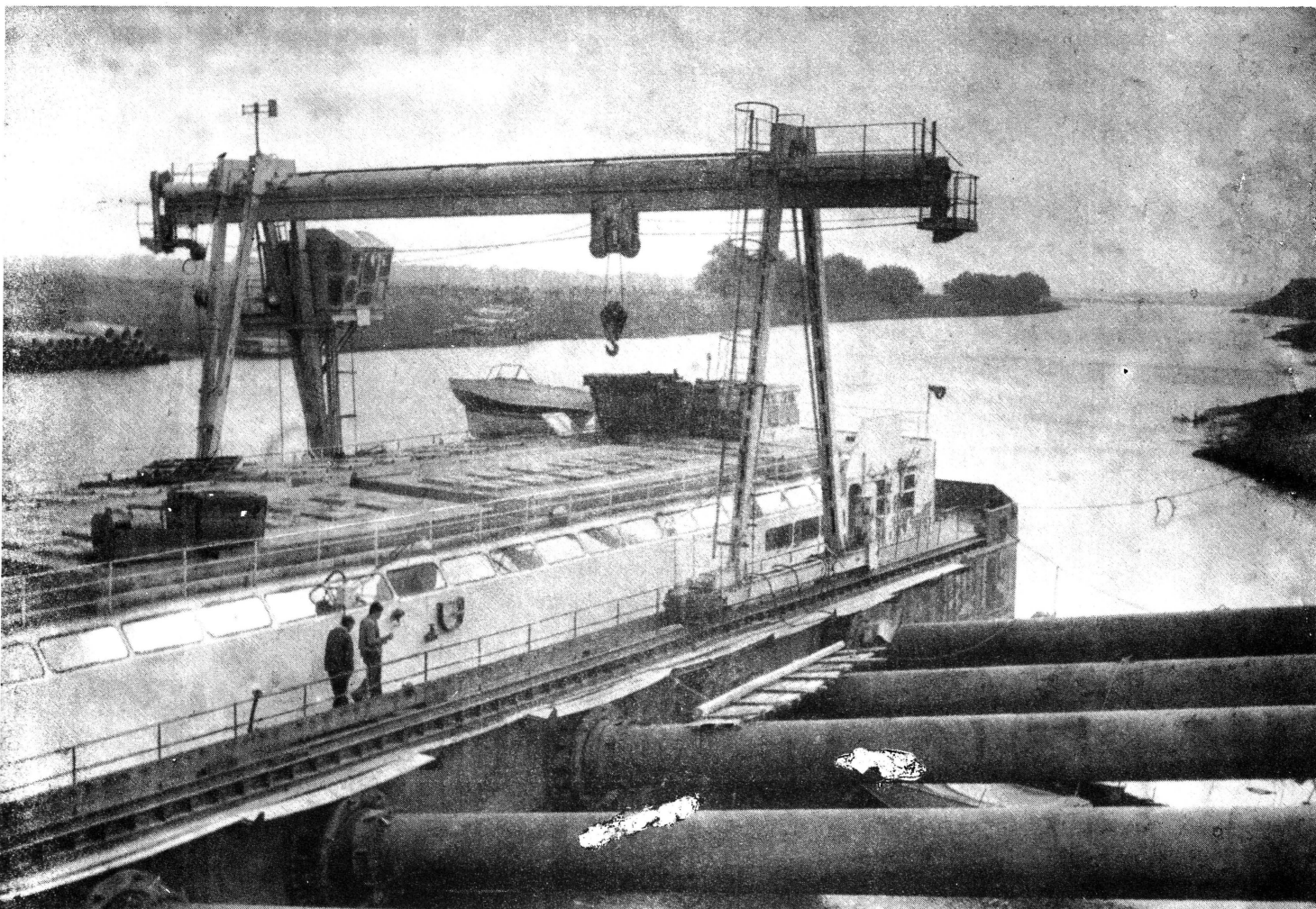

Л. ФИЛИМОНОВ,
наш спец. корр.

Фото автора

КАРОС — ПОЛЕ ЗОЛОТОЕ

в зонах полупустыни и пустыни... Летний зной с губительными горячими суховеями и пыльными бурями, зимние морозы с сильными ветрами, резкая смена температур — вот отличительные черты климата низовьев Волги. Летом в отдельные годы температура повышается до $+44^{\circ}$, зимой понижается до -41° .

Это звучало предостерегающе, но отвлеченно, не вызывая никаких конкретных чувств и ощущений, — кому бывает жарко от жары, набранной типографским шрифтом?

Как это выглядит на деле, молодой гидростроитель узнал позднее, когда приехал в Черный Яр, где находился один из трестов Главстраханрестроя, и был назначен мастером двадцать второй передвижной механизированной колонны — ПМК-22.

Жара давила с рассвета до заката; сорок градусов в летние месяцы было нормой, а не исключением. Вечерами до иступления доводили несметные полчища комаров и мизерной, почти невидной невооруженным глазом мошкары — лица и руки от ее укусов были покрыты волдырями и расчесами.

На участках, где работали скреперы и бульдозеры, с утра до вечера клубилась желто-коричневая мгла, настолько плотная, что даже яростное солнце сквозь нее светилось бледно и расплывчато. Тонкая глиняная пыль на потных лицах застывала жесткой коркой, неподвижной, как маска, когда человек молчал, и странно трескавшейся, когда он улыбался.

Люди мечтали о дожде и ветре — чтобы хоть чуть прибило вездливую пыль, чтобы хоть несколько минут в воздухе пахло грозовой озонной свежестью, чтобы снесло куда-нибудь к чертям кровососущую ораву гнуса. Саша вглядывался в выцветшую голубизну жаркого, опрокинутого над степью купола и вспоминал астраханский «Путеводитель»: «Круглый год здесь резко ощущается недостаток осадков, а испаряется влаги в три-пять раз больше, чем выпадает...» Здесь, если уж и бывает ветер, то не влагу он несет, а лютый зной и тучи пыли от земли до неба.

Пыльные бури, случалось, бушевали неделями. Черный буран гулял в степи — обжигающий, непроглядный, обдирающий кожу мириадами колких

песчинок. Работать на участке было невозможно. Стояли час, и два, и три, слушая буйный посвист суховея, тщетно тарасили глаза, силясь увидеть сквозь мятущуюся пыль силуэт скрепера, отъехавшего на пять метров в сторону... И возвращались домой, включив среди «бела дня» слепые фары. Разбредались по домикам-вагончикам, содрогавшимся под ударами ветра. В щели снаружи прорывалась пыль и оседала толстым слоем на столах, на книгах, на постелях. Попробовали как-то раз заткнуть все щели — в домике стало душно, как в парной.

В этих вагончиках им приходилось жить пять дней в неделю. Их ПМК базировалась в селе Солодники, в ста двадцати километрах от объекта, и там же жили все рабочие и инженеры. Старый автобус ковылял два-три часа в один конец — каждый день не ездишься. Дома бывали только в выходные.

Жена встречала Сашу с дочкой на руках и со слезами в голосе говорила:

— Катенька, квартирантик наш приехал...

Он понимал жену — ведь все хозяйство, вплоть до сугубо мужских дел, лежало на ее плечах. Много ли успевал он сделать за два дня? В субботу хоть немного отоспаться да сбегать в баню, отпарить ввешшуюся в кожу пыль, а в воскресенье снова сборы на неделю. Два дня, коротких, как два часа. А зачастую и двух дней не выпадало. Прошлой зимой работали почти без выходных — нужно было помочь скотоводам.

Полупустыня к западу от нижней Волги издревле служит естественным пастбищем. В ней и сейчас, как в море островки, разбросаны «скотоводческие точки» (маленький домик чабана, сарай, овечья кошара), принадлежащие колхозам и совхозам. Здешняя зима крепка морозами, но малоснежна: сильные ветры гонят снег и не дают ему слезаться. Степь пестрит черными прогалинами, где до весны находится в достатке подножный корм — сухие травы, «сено на корню», источник жизни для зимующих отар.

В прошлую зиму степь до горизонта светилась ровной мертвой белизной. Сто лет невиданные щедрые метели покрыли пастбища метровым слоем снега, наглухо замели дороги к «точкам», остановили транспорт, подвозивший чабанам корм для овец, продовольствие и топливо. Распоряжением райкома автомашины, скреперы, бульдозеры со строительства КАРОСа были в срочном порядке переброшены на расчистку дорог и подвозку кормов в голодающие отары.

Буран свирепствовал: расчищенную утром колею к вечеру напроць заносило снегом, к утру не видно было той, что пробивали с вечера. Работа шла круглыми сутками, ночью при тусклом свете фар. Спали урывками в чабанских домиках или в кабинах тракторов под рев моторов. Сколько Доронин не был дома, он не помнит. Погода спутала привычный календарь, перемешала воскресенье с четвергами. Но, заглянув домой однажды ночью, не выдержал, пообещал жене: — Ладно, поступим по закону. Три года после института отработаю, и баста. Уедем в Куйбышев, к родителям.

«Газик» притормозил у полевого стана двадцать второго ПМК. Шофер открыл дверцу кабины, крикнул копавшимся в моторе трактора рабочим:

— Парни, Доронина не видели?

— Доронин в поле, — прозвучал ответ.

В поле... Так говорят обычно о колхозниках — о хлеборобах и овощеводах, о полеводах и комбайнерах. О строителях принято говорить: на участке, на корпусе, на плотине, на створе.

Но на КАРОСе говорят: строитель в поле. И даже лагерь, образованный фанерными вагончиками, зовут не лагерь, а временным поселком, а

полевым станом, как у колхозной полеводческой бригады. Может быть, потому, что строят здесь не город, не завод, не гидростанцию и не железную дорогу. Здесь строят поле.

Стройка огромна: восемь тысяч гектаров только первая ее очередь. На половине территории работа уже закончена, объекты приняты заказчиком. Что же построено? Именно поле и построено...

Поле КАРОСа начинается на воде — на одной из проток дельты Волги, где пришвартованы к причалу две баржи, в трюмах которых смонтированы двенадцать могучих насосов. Это так называемая ГНС — головная насосная станция КАРОСа. Работая на полной мощности, ГНС может перекачивать фантастическое количество воды — около полутора миллионов кубометров в час. Цифра дает представление о масштабах строительства.

По двенадцати трубам большого диаметра вода из Волги поднимается на высоту берегового откоса и низвергается в магистральный канал, прямой, как синяя линейка, разрезающая рыжую степь на два гигантских полукруга.

Здесь обжитая часть КАРОСа — канал введен в эксплуатацию несколько лет назад. Его суглинистые берега уже успели зарости травой, пышной от близости воды. Над водой со сварливыми криками мечутся чайки, время от времени им удается поживиться мелкой рыбешкой, расплодившейся в канале. А из травы с тяжеловесной грациозностью взлетают цапли.

Длина канала десять километров. Если их проехать — распахнется необозримая водная гладь, еле заметно окаймленная у горизонта темной полоской западного берега. Это степное море тоже Волга. Но рукотворная. Точнее, возрожденная.

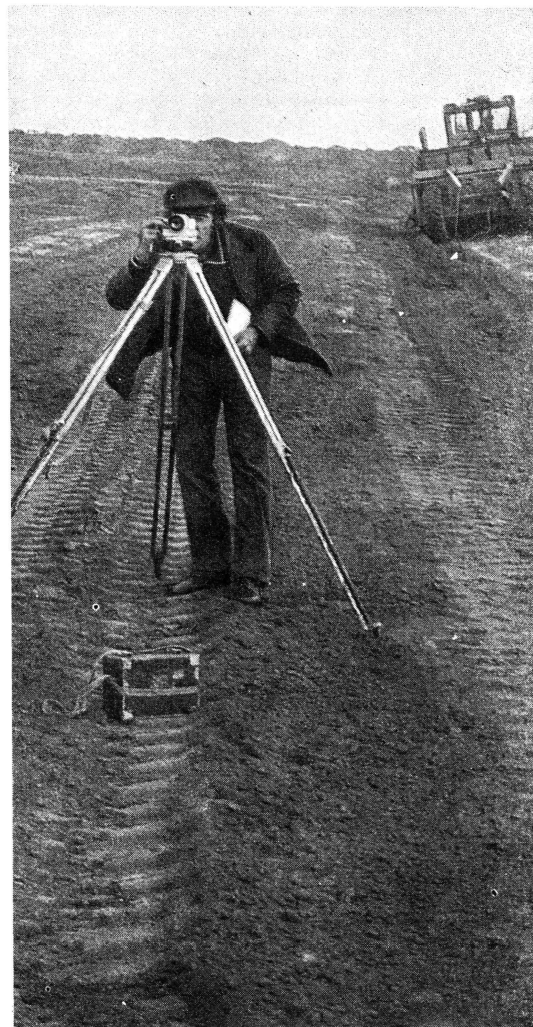
Когда проектировщики КАРОСа искали место для водохранилища, чтобы создать запас воды на случай засухи, они наткнулись на естественное углубление в степи — русло высохшей протоки, называвшейся Кривой Лукой. Степь поднесла строителям подарок — почти готовый котлован, который нужно было оградить водонепроницаемыми дамбами. Дамбы отсыпали, подвели канал, пустили воду, и очень быстро, прямо на глазах, образовалось колоссальное водохранилище с площадью зеркала в 4560 гектаров, длиной в 42 километра и запасом воды в 96 миллионов кубических метров. По берегам его уже закладываются лесопосадки. В будущем здесь возникнет уникальный природный объект — лесное озеро.

Дамбы канала и водохранилища, соединяясь, ограничивают северо-западный угол территории КАРОСа. Отсюда открывается желто-зеленое бескрайнее пространство, четко расчерченное на прямоугольники тонкими голубыми линиями. Эти прямоугольники, так называемые рисовые чеки,

окантованы по краям каналами-оросителями и каналами сброса.

Переходя от чеки к чеке, можно увидеть, как растет рис. Поле-озеро, над которым золотыми волнами переливается на ветру созревающее зерно. Поле, где уже спущена вода, топкое, как болотная трясина, — рис здесь поспел, но убирать его начнут дней через десять, когда по высохшей земле смогут пройти тяжелые машины. Поле, где ломаной шеренгой движутся ярко-красные комбайны и выстилают изумрудное жнивье длинными ровными валками скошенного риса. У комбайна, поставленного на обмолот, можно сойти с дороги перед ревущими грузовиками, уходящими на элеватор, и набрать горсть тяжелого шершавого темно-желтого рисового зерна...

Рис — культура чрезвычайно выгодная. При умелом и старательном возделывании он дает поразительные урожаи. Но, с другой стороны, он требует труда и опыта побольше, чем другие зерновые. Рисовое поле недостаточно просто вспахать и засеять. После посева забороненное поле не-

обходимо прокатать катком, уплотнить землю, чтобы вода, которой заливают чеку, не вымывала из земли семян — на радость птичьему народу в голодную весеннюю пору. А потом неусыпно следить за водой, вовремя доливать ее и вовремя спускать, учитывая испарение на жгучем здешнем солнце и пусть несчастые, но тем не менее случающиеся дожди. Рисовое поле очень капризно реагирует на влагу: не долешь или перельешь на два-три сантиметра — недоберешь десяток центнеров зерна.

Ну а прежде всего поле нужно построить: выровнять, выгладить его поверхность, сделать его горизонтальным, как бильярдный стол, окружить водонепроницаемыми дамбами, подвести несколько каналов и оборудовать их устройствами для залива и спуска воды.

Саша Доронин находился в поле — в самом прямом и точном смысле этого слова. Шел по автомобильной колее, накатанной грузовиками и автоскреперами. Нес на плече легкий штатив, а под мышкой — небольшой серый ящичек с нивелиром. Рядом с ним техник-геодезист Наташа Ефимова несла полосатую длинную рейку — основную ее инструмент. Шли они на строительство поля.

Стоял сентябрь — самое лучшее в низовьях Волги время. Дул легкий ветер, было прохладно, солнечно, сухо, и не зудели комары. И, что приятнее всего, не было пыли. Правда, это длилось до тех пор, пока они не подошли к участку, где скреперисты строили поле под очередную рисовую чеку.

Ножи работавших с рассвета скреперов срезали тонкий слой почвы, обнажали плотный и сухой суглинок, и он пылил, как в знойную сушь в разгаре лета. Для работы с нивелиром пыли, пожалуй, было много. Ее несло по ветру, как дымовую завесу, она поскрипывала на зубах и оседала на ресницах.

Остановившись на краю участка, мастер и техник ждали, когда их заметят.

А их заметили издали, в степи не спрячешься, здесь человека видно за десяток километров. Скрепер, подъехавший вплотную, резко затормозил. С капота трактора потоком хлынула бежевая пыль. Лязгнув, открылась дверца. С гусеницы на землю прыгнул бригадир Анатолий Солодилов.

— Здравствуйте, Саша и Наташа! — улыбнулся бригадир.

Девушка охнула от железного рукопожатия. Саша напрягся, чтобы не сморщиться от боли в пальцах, и ответил с почтением:

— Добрый день, Анатолий Григорьевич.

Впрочем, почтение в голосе мастера было отнюдь не мимолетным. К этому

бригадиру и ко всем его ребятам Саша испытывал почтение искреннее и постоянное — эта бригада была гордостью не только их прорабского участка и не только ПМК-22, но всего главка «Астраханрострой». Пятеро солодиловцев, четыре скрепериста и один бульдозерист, могли в любое время года спокойно и без лишнего слов дать полторы-две нормы выработки и постоянно занимали первое место в соревновании скреперных бригад. Проигравшие говорили полшутя, но не без досады, что у Солодилова есть какой-то «секрет».

— Конечно, есть, — смеялся Солодилов. — И не один, а целых пять. Мы же «бригада бригадиров».

Дело в том, что все солодиловцы — Юрий Осипов, Леонид Селезнев, Вениамин Филиппович Бармин и сын его Юрий — возглавляли в свое время бригады. Каждый имел свои причины на то, чтобы оставить эти должности и перейти в рядовые механизаторы.

Каждый знал свое дело не хуже бригадира и работать умел не хуже его. Это были профессионалы высокого класса, и не случайно именно им доверили испытание сложной технической новинки — лазерной установки «Калина-1».

Постройка рисовой чеки — дело тонкое. Легко сказать: выровнять кочковатую поверхность закаменевшего от зноя поля, сделать ее такой горизонтально-гладкой, чтобы сравнение с крышкой бильярдного стола звучало бы вполне обоснованно. Однако «крышка» рисовой чеки занимает, как правило, десять-пятнадцать гектаров, а допустимые понижения и возвышения на ней в силу непрерываемых агротехнических условий ограничены жесткой величиной — пять сантиметров. От скрепериста требуются снайперский глазомер и аптекарская скрупулезность, колоссальное трудолюбие и поистине ангельское терпение, чтобы управлять сразу двумя могучими машинами — трактором и идущим на прицепе скрепером — с той внешней легкостью, с какой хороший плотник или столяр работает отточенным до звона, пригнанным по руке рубанком. И что еще немаловажно — незаурядная физическая выносливость. Учеными подсчитано, что даже на простом бульдозере при планировке рисовых полей водитель должен выполнять около двух тысяч операций в час — это нагрузка для штангиста-рекордсмена. А на скрепере она еще больше.

И вот теперь у скрепериста есть помощник, резко снижающий физическую нагрузку человека и обеспечивающий заданную точность планировки. Он берет на себя половину работы — управление скрепером, оставляя механизатору управление трактором-тягачом.

Электронно-механический робот «Калина» представляет собой «семейство» приборов, работающих в рит-

ме единой системы. Мозг и сердце системы — гелий-неоновый лазер, укрепленный на регулирующейся по высоте подставке. Все остальные члены этого «семейства» — фотоприемные устройства, комплекты фотоэлементов, установленные на тракторах или скреперах. Лазер вращается, и луч его скользит по воображаемой плоскости, параллельной проектному профилю строящегося поля. Пойманный фотоприемником лазерный луч, превратившись в электрический сигнал, чутко и бдительно «руководит» работой скрепера: на возвышениях заглубляет нож, чтобы он срезал лишний пласт земли, на понижениях же высypает из ковша необходимое количество грунта.

На этот раз «Калина» временно не работала. Погасший лазер маячил на подставке-треноге в дальнем конце поля.

— Сел питающий аккумулятор. Доводим чеку вручную, — объяснил Солодилов Доронину. — Все будет в норме, ты не беспокойся.

— Сейчас увидим, — строго сказал мастер, устанавливая нивелир. — Уводи скрепера, пыль мешает.

Первые же замеры показали, что бригадир не тратил слов впустую. Великолепные мастера своего дела, солодиловцы и вручную работали с точностью лазерного луча. Придаться было абсолютно не к чему, и, проводя нивелировку чеки, Саша испытывал удовлетворение. Что-то, а уж эту работу он способен оценить — как-никак и сам виртуоз в своем деле. Мельком поглядывая в нивелир, Доронин брал отчет на расстоянии, доступном редкому геодезисту, и брал мгновенно. Его помощница Наташа с рейкой в руках ходила по полю, почти не останавливаясь. Не в первый раз работая с Дорониным, девушка знала, что на каждой точке она должна стоять секунду-две, больше мастеру не требовалось.

Работа у Саши шла автоматически и не мешала размышлять о разном. Однако сейчас ему думалось о том, о чем не очень-то хотелось думать.

Будущим летом кончатся три года его работы на КАРОСе. Он обещал жене уехать в Куйбышев, под отчий кров. Но что там, в Куйбышеве, кроме крова? Контора треста, институт, проектное бюро?

Да, он, конечно, понимает важность и значимость работы проектировщиков, администраторов, хозяйственников. Только ему, Саше Доронину, это едва ли подойдет. Ибо по складу своего характера он — производственник. Он знает цену мыслям и идеям, изложенным на ватмане и кальке. Но идеи и мысли, воплощенные здесь, в поле, ему гораздо больше по душе.

А пыль опять несло по ветру желто-коричневой стеной. Солодилов, дождавшись сигнала Доронина, снова вывел на чеку скреперы.

Астраханская область

ТЫСЯЧИ АРОМАТОВ КРИТА

НЕУЛЫБЧИВОЕ РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Мокрое после дождя шоссе блестящей черной лентой вьется среди изумрудных склонов пологих холмов. Темно-зеленые кипарисы, выстроившиеся вдоль дороги, сливаются в сплошную стену. На поворотах, когда Георгиос притормаживает, в просветах между деревьями видны уступы террас, огороженных желтыми камнями, ровные ряды оливковых деревьев.

— Через десять минут будем на месте. Константинос уже ждет нас, — говорит Георгиос. — Если у него ничего не изменилось, сразу же выйдем в море.

— Вы часто рыбачите вместе? — спрашиваю я.

— Нет, в последнее время редко. Когда жил в деревне, я помогал ему — мы ведь были соседями. А сейчас я окончательно перебрался в Ираклион. Вожу туристов на автобусе по Криту. Вся жизнь, можно сказать, в дороге. В деревне у меня остался брат.

— Он тоже рыбак?

— Пока еще выходит в море, но дела с каждым годом идут хуже. Брат собирается последовать моему примеру: отправится в город и попробует найти там работу. Все зависит от везения: по нынешним временам устроиться — дело нелегкое.

Георгиос тормозит и останавливает машину на узкой обочине.

— Дальше пойдем пешком. Тут грунтовка, да такая, что по ней на машине лучше не ездить.

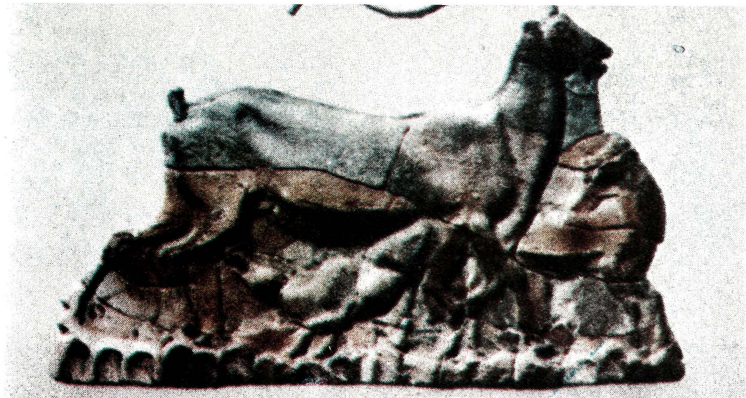
К рыбацкой деревушке, куда мы с Георгиосом направляемся, ведет даже не дорога, а широкая тропа. Спускаться приходится медленно, обходя огромные камни, преграждающие путь.

В ярких лучах солнца, разгоняющих остатки утреннего тумана, валуны желто-белые. Серебристая листва оливы дрожит от легкого морского ветерка. Тропинка становится все круче, свиваясь словно пружина. Георгиос не сбавляет шага. Ему уже шестой десяток, но он легко сбегает вниз, и я стараюсь не отставать от него.

Слышен глухой рокот прибоя. Пробравшись через покрытые росой колючие кусты, входим в деревню. Снежно-белые домики лепятся на пологом склоне горы. Поставлены они так тесно, что селение напоминает лабиринт.

По узкой улочке — раскинь руки и коснешься стен — мы спустились к мо-

Шедевры керамики из сокровищниц Кносса.

Прежде чем отправить урожай перца на рынок, надо его хорошенько просушить.

рю. Из песка торчали шесты, на которых колыхались развешанные рыбацкие сети. Константинос ждал нас у крохотной пристани. На камнях мола, едва выступающего из воды, скользким ковром лежали зеленые водоросли.

Здесь был пришвартован баркас Константиноса, который и размерами и конструкцией более всего напоминал спасательную шлюпку.

Через четверть часа Георгиос отталкивается багром от пристани, Константинос запускает двигатель, и баркас словно нехотя отходит от берега. Маленькое суденышко сначала тяжело переваливается через бегущие ему навстречу волны, потом медленно набирает скорость. Спустя час мы в открытом море. Сбросив сеть, устраиваемся на пустых деревянных ящиках передохнуть.

— Константинос, у тебя, по-моему, мотор стучит, — замечает Георгиос.

— Еще бы ему не стучать. Совсем старая машинка, только и ремонтирую ее. Купить бы новый мотор, но... не по деньгам.

— Здесь мало рыбы? — спрашиваю я.

— Да нет, рыбы хватает. Вот только цены на нее устанавливают не рыбаки. Улов у нас скупают оптовики, владельцы ресторанов и гостиниц. А платят они сколько считают нужным. Нам же ездить в город торговать на рынке накладно, да и не на чем: транспорта нет. Так что на рыбе сейчас не разбогатеешь.

— Все дорожает... Все дорожает... — размышляет вслух Константинос. — То горячее, то хлеб. А оптовые цены на рыбу не повышаются...

...В этот день рыбацкое счастье нам не улыбнулось. За полдня в сеть попало лишь несколько мелких рыбешек. Порывы крепкого ветра подняли крутые пенящиеся волны.

— Начинает штормить, — сказал Константинос. — Пора возвращаться.

Развернув баркас, он закрепил руль. Судно, несколько раз зачерпнув носом воду, направилось к невидимому берегу, с трудом рассекая упругие волны.

— Как вы ориентируетесь в море? — спросил я Константиноса. — Вы не пользуетесь даже компасом.

— Обоняние хорошее. Наш друг по запаху ориентируется, — пошутил Георгиос. — Ведь ветер несет в море ароматы диких цветов и трав.

— Нет, обоняние у меня обыкновенное, — не принял шутку Константинос. — Просто с годами появляется чутье. Дорогу домой я всегда найду без карты — рыбаку-то уже тридцать лет. А насчет запахов Георгиос прав. Сейчас подойдем ближе к берегу, и вы сами его почувствуете. Это аромат Крита. Его ни с чем не спутаешь и никогда не забудешь...

Обратный путь занял немного времени. Впереди показались деревенские домики. На пристани мы простились с Константиносом, Георгиос, извинившись, побежал разыскивать своего брата, а я медленно направился по лабиринту узких улочек к тропе, по которой мы спускались с шоссе. Поселок маленький, но я в нем все же умудрился заблудиться. Наконец, вышел на крохотную деревенскую площадь и остановился. В центре стоял небольшой, сложенный из обтесанных камней обелиск...

ДВА РАБОЧИХ ДНЯ В СУТКИ

Почти в каждой критской деревне, в каждом городе стоят подобные монументы в честь жителей острова, сражавшихся во время второй мировой войны с гитлеровскими захватчиками «Смелый, как критянин», «стойкий, как критянин» — эти выражения давно уже стали поговорками в Греции.

Весной 1941 года началась известная «битва за Крит». Остров стал последним опорным пунктом греческих и английских войск, которые пытались сдержать натиск итальянских и немецких армий, вторгшихся в Грецию.

К концу мая захватчики высадились в различных районах острова. Английские и греческие войска сдали Крит. Тогда на борьбу поднялись жители острова. Все население — практически без оружия и боеприпасов — в течение десяти дней отбивало ожесточенные атаки гитлеровцев. Бои шли за каждую деревню. Фашисты начали еще один штурм Крита, армады самолетов ежедневно вели массированные бомбардировки. В портах высаживались все новые и новые немецкие части.

«Битва за Крит» продолжалась и

Между выходами в море рыбаки заняты прозаическим, но очень нужным делом — починкой сетей.

после того, как остров оккупировали фашистские войска. На Крите развернулось мощное партизанское движение. Отряды патриотов, укрывшихся в лесных массивах, в горах, действовали во всех районах острова. Вооруженной борьбой народа руководили критские коммунисты.

Вместе с греками в партизанских отрядах сражались советские люди — военнопленные, бежавшие из гитлеровских лагерей смерти. Здесь, на критской земле, вырвавшись из плена, советские солдаты и моряки вновь вступали в бой против фашизма. Тридцать три

Мельник — почетнейшая профессия у критских крестьян.

советских партизана отдали жизнь за освобождение Крита. Они похоронены на городском кладбище в Ханье.

Три раза я побывал в этом городе и всякий раз, подходя к памятнику советским воинам, еще издали видел у его подножия живые цветы — на Крите помнят подвиги героев.

Помнят павших и в городке Анойя, на улицах которого всегда можно встретить пожилых женщин в траурной

одежде. Гитлеровцы истребили большинство местных жителей, помогавших партизанам, а деревню взорвали. Лишь немногим семьям удалось спастись в горах. Те, кто выжил, и сегодня носят траур по погибшим друзьям и близким.

...В Ираклион мы с Георгиосом возвращались после полудня. При въезде в город мой спутник свернул с шоссе и погнал машину по узеньким пустынным улочкам, следуя каким-то запутанным маршрутом.

— Так будет быстрее, а то на шоссе наверняка попадем в пробку, — объяснил он мне.

Замелькали невысокие — совсем не городского вида — двухэтажные белые дома с глухими ставнями. Почти не снижая скорости, мы неслись по переулкам, где на тротуарах, а то и прямо на мостовой, тут и там стояли ветхие фанерные ларьки. На каждом повороте мне казалось, что авария неизбежна.

— Уверяю: здесь сейчас нет ни одной машины и ни одного прохожего, — сказал Георгиос, заметив мою нервозность. — Вот утром другое дело: улицы в этом районе запружены. Тут вовсю идет торговля — настоящий восточный базар. Тогда не то что проехать, а пройти-то трудно. После половины третьего Ираклион замирает. Работа заканчивается, все отправляются по домам — обедают и спят часа два-три — в Греции это время дня называется «мизмери», в Испании — «сиеста». А в половине седьмого город опять оживает. День словно начинается сначала. Для многих это второй рабочий день, а для кого-то — время отдыха и развлечения. Лишь к двум часам ночи Ираклион засыпает вторично — уже до утра. Этого графика придерживаются по всей Греции, да, впрочем, и в большинстве южных стран.

Я не заметил, как за разговором мы выскочили на одну из центральных площадей города. Здесь я и расстался с Георгиосом — ему нужно было немного отдохнуть перед вторым рабочим днем.

Принятый по всей Греции «график» не соблюдали одни лишь туристы: даже в этот послеобеденный час они неумоимо фотографировались на фоне огромных пальм, которыми обсажена площадь. Молодой ираклионец, смуглый черноволосый парень в потертых джинсах и голубой майке с надписью «Крит», расхаживал по тротуару и настойчиво, громко зазывал на экскурсию в Кносс, расположенный недалеко от города. Я подошел и купил билет, чем вызвал у парня искреннюю и бурную радость. Можно было подумать, что именно он был одним из создателей знаменитого Лабиринта и теперь приглашает публику полюбоваться плодами своих трудов — вернее, остатками былого великолепия.

Греческие мифы утверждают, что

дворец Лабиринт в Кноссе принадлежал царю Миносу, сыну Зевса и Европы. По легендам, именно при Миносе — «герое на троне» — Крит достиг вершины своего расцвета. Царь Минос был участником, а в большинстве случаев и виновником событий, происходивших в мифах о Дедале, Икаре, Тезее, Ариадне, Минотавре. В настоящее время не существует единого мнения, был ли царь исторической личностью или это легендарный персонаж. А вот дворец Миноса, который, как утверждают мифы, построил Дедал и в запутанных переходах которого обитал Минотавр, из легендарного жилища легендарных героев давно уже превратился во вполне конкретный объект историко-археологических исследований. Случилось это в 1900 году, когда англичанин Артур Эванс открыл развалины древнего дворца.

Неширокая лента дороги течет среди возделанных полей и виноградников. Плавные, округлые очертания невысоких зеленеющих холмов придают пейзажу умиротворенный вид. Холм, на котором расположен Кносс, как и полагается «дворцовому холму», занимает господствующее положение в долине.

...Брожу среди массивных плит и остатков стен, отмечающих границы залов Лабиринта. Сегодня в Кноссе продолжают археологические работы. Реставраторы укрепляют сохранившиеся участки каменной кладки. Любая находка — будь то миниатюрная фаянсовая скульптура, фрагменты настенной росписи или обнаруженные в подвалах кувшины, украшенные простым и вместе с тем необыкновенно красивым орнаментом, — тщательно изучается. Многие из этих реликвий хранятся в музее Ираклиона.

Впрочем, на Крите до сих пор держат оливковое масло и воду в кувшинах, очень похожих на амфоры из подвалов Кносса. На одной из улиц Ираклиона в мастерской я видел гончара, создающего современных амфоры. Курчавый мальчишка-подмастерье шлепал на гончарный круг большой ком темно-красной глины. Мастер нажимал на педаль, ускоряя обороты круга (кстати, по некоторым данным, именно древние жители Крита первыми в восточном Средиземноморье использовали этот в полном смысле слова революционный инструмент), затем очень буднично накладывал на глину руки, обжимая упругий эластичный комок, и перед ним вырастал классической формы сосуд метровой высоты. Оставалось приделать ручки — одну или две, в зависимости от заказа. Рядом подсушивалась на солнце уже готовая к обжигу продукция.

...Жгучие лучи солнца вонзаются в камни древнего Лабиринта. Долина застыла, словно залитая жидким стеклом раскаленного воздуха. Снизу раздаются резкие гудки. Это шофер созывает пассажиров, чтобы ехать в

Ираклион. Снова проносятся за окнами виноградники, на горизонте встает гора Ида — самая высокая вершина Крита.

На центральной площади города выхожу из автобуса. Площадь именуется Элефтерас — в переводе с греческого «Свобода». В названиях улиц Ираклиона слышатся звуки истории острова, веками боровшегося с завоевателями. Улица Гази — в имени ее — «Победитель» — след арабского нашествия. Улицы Смирны и 1821 года — горькая память о резне, учиненной турками над греками...

История Крита изобилвала бурными событиями, которые имели значение для развития не только критской, но, возможно, и всей европейской цивилизации. Достаточно вспомнить высокоразвитую крито-микенскую культуру, процветавшую в течение пятнадцати веков, соперничавшую с культурами Древнего Египта и Вавилона, и ее трагически неожиданное, в историческом масштабе почти мгновенное падение. Высказывались предположения, что причиной гибели минойского государства послужило либо необычайное по силе извержение вулкана на острове Санторин, либо нашествие завоевателей.

Много перемен власти видел Крит за долгие века. Римские захватчики пришли и ушли, их сменило византийское владычество. Затем на Крите появились арабы. Более четырех столетий владели островом венецианцы, которых впоследствии вытеснила войска Османской империи. К Греции Крит был присоединен в 1913 году.

В облике Ираклиона много общего с другими средиземноморскими городами. Те же неизбежные пальмы, которые стоят, не шелхнутся, в горячем воздухе и сообщают улицам, площадям законсервированный вид театральных декораций, та же мощная кладка венецианских крепостей. Впрочем, венецианцы оставили в Ираклионе не только крепость — когда-то ее стены протянулись через город почти на 20 километров, а сейчас от мощного укрепления осталось лишь несколько полуразрушенных фрагментов, — но и дома, в которых по сей день живут люди, и даже бассейны, расположенный на одной из центральных площадей города.

Впрочем, не так все благостно в Ираклионе. В начале этого года министр по делам освоения природы и окружающей среды Греции Г. Плитас совершил поездку по Криту и, вернувшись в Афины, выступил перед журналистами с сенсационным заявлением. Оказывается, у северных границ Ираклиона — и частично на его официальной территории — за последние десять лет вырос... «незаконный» город: огромный массив из пяти тысяч административных и жилых зданий, возведенных в обход всех законов и архитектурных норм. Жилья не хватает, и строительные фирмы — своего рода «гангстеры» — широко используют ситуацию себе во благо. И министр

В горных долинах десятки, сотни ветряков качают на поля воду.

Плитас и префектура Ираклиона настроены решительно: нелегальный город предполагается снести. Однако от административного решения до выполнения его путь далекий, и здания пока стоят, ветшая буквально на глазах. Не исключено, что часть «карточных домиков», слепленных на скорую руку, развалится — как это уже не раз бывало в Греции — сами по себе, не дожидаясь бульдозеров и кранов с чугунными ядрами...

С наступлением вечера город страивает оцепенение жарких послеполуденных часов. На улицах становится многолюдно. Из дверей кофейен и маленьких ресторанчиков доносится резкий запах кофейных зерен, слышатся обрывки мелодий. Подростки в полотняных штанах и блузах помешивают в уличных жаровнях каленые орехи и пронзительными голосами предлагают их прохожим.

В Ираклионе начинается второй рабочий день...

«ДИПЛОМАТЫ» ОТ ПЕНТАГОНА

Пока плутаем по темным узким улочкам, Леонидос рассказывает о себе. Ему 21 год. Живет с матерью в деревне. Часто приезжает в Ираклион: привозит знакомым лавочникам оливковое масло на продажу. Бывая в городе, всегда заходит к дяде по матери — Георгиосу.

Вечера на Крите всегда — даже в самую жаркую пору года — прохладны. Ярко освещенные уличными фонарями набережные Ираклиона заполняют разноцветные толпы туристов.

— Зайдем? — полуспрашивает-полутверждает Леонидос, указывая на вынесенные на тротуар столики кофейни. Таких заведений на набережных десятки, если не сотни.

Горячий крепкий кофе, который мы, как это принято здесь, запиваем ледяной водой, снимает усталость. Мимо нашего столика бодрым, быстрым шагом проходят двое здоровенных парней в американской военной форме.

— Опять разгуливают по городу... — говорит Леонидос, недобро поглядывая на них. — Не сидится им на своих базах. Все ищут развлечений. А развлечения их заканчиваются драками.

— Я смотрю, у вас не очень-то жалуют американских солдат?

— Не то слово! Тут, в Ираклионе, мы с ними наплакались: то наркотики продают, то порнографию, то дерутся. Американцы понастроили здесь базы на самых плодородных землях. Да дело не только в этом. У них своя политика. Делают, что хотят. Привозят и испытывают на своем полигоне ракеты. Натовские и американские корабли базируются в Суде, крейсируют в наших водах. НАТО постоянно твердит о нашей «безопасности». Я, может, и не силен в военных премудростях, но в

одном твердо уверен: натовские базы нашу безопасность не обеспечивают. Вот сами базы для нас — серьезная угроза. Генералы могут в любой момент втянуть Грецию в безрассудную авантюру.

Я лишний раз убедился в справедливости слов Леонидоса, когда — по дороге в Ханью проезжал мимо залива Суда, где расположена американская военноморская база. Близлежащие холмы опутаны рядами колючей проволоки.

Вдоль шоссе расставлены огромные щиты с надписями на греческом и английских языках: «Запретная зона», «Фотографировать строго запрещается».

Здесь «владения» Североатлантического блока. Натовские вояки для жителей Крита действительно опасные соседи. Не случайно остров сегодня — один из главных центров борьбы за ликвидацию иностранных баз, расположенных на территории Греции.

Эта борьба продолжается уже много лет. В 1974 году, после свержения диктатуры «черных полковников», Крит стал ареной массовых антинатовских выступлений. Во время одной из многочисленных манифестаций демонстранты — молодые жители Ираклиона, крестьяне, рыбаки из окрестных деревень — под лозунгами «Долой базы смерти!» направились к ближайшему объекту НАТО. Прорвав ряды колючей проволоки, они разогнали охрану, ворвались на территорию. Здесь же состоялся массовый антивоенный митинг.

В прошлом году на Крите проходила международная конференция за ликвидацию иностранных баз на Средиземноморье. Она вновь подтвердила решимость миролюбивых сил сделать все возможное, чтобы Средиземное море стало зоной мира, безопасности и сотрудничества народов.

Уступив нажиму США и натовской верхушки, греческое правительство в прошлом году одобрило план возвращения страны в военную организацию Североатлантического блока. По всей Греции прокатились массовые демонстрации протеста.

Выступления под лозунгами «НАТО — вон!», «Нет — ядерному оружию!» состоялись и на Крите. К какой бы социальной категории ни принадлежали жители острова, они отчетливо представляют, чем грозит Греции участие в НАТО. Ведь в штабах военного блока уже давно разрабатываются планы дальнейшего расширения и модернизации расположенных на Крите баз.

Антивоенное движение ширится, но пока... пока на Крите, как и в других районах страны, американские солдаты считают себя если не хозяевами, то уж по крайней мере «почетными гостями». Ведь соглашение о базах, заключенное в 1947 году между Грецией и США, включает, в частности, и такой пункт: персонал, занятый на американских военных объектах, пользуется теми же льготами, что и персонал посольства США. Другой документ предусматривает, что американские военнослужащие не могут быть привлечены к суду в Греции, даже если они совершат уголовное преступление. Так что у американских солдат есть все основания считать себя своего рода «дипломатами» от Пентагона.

МАТЬ-ОЛИВА

...Крит недаром называют оливковым островом. Большую часть плодородной земли здесь занимают рощи маслин. Деревья сажают обычно довольно далеко друг от друга — на острове мало воды, и поэтому, как объясняют крестьяне, чем реже посадки, тем больше влаги собирают мощные корни олив.

Тысячи людей на острове заняты выращиванием, сбором и переработкой маслин. Каждый урожай требует многих месяцев упорного, изнурительного крестьянского труда. Специалисты

считают, что человек культивирует оливы уже четыре тысячи лет.

Собранные плоды на Крите дважды отжимают под прессом. После первого отжима получают знаменитое во всем мире оливковое масло, а после второго — густую темноватую жидкость, которая используется и как топливо, и как смазочный материал.

Стволы у оливковых деревьев, особенно тех, что «в возрасте», узловатые, словно натруженные руки глубокого старца, но древесина плотная, по цвету напоминающая слоновую кость, — ценится очень высоко. А главное, конечно, это сами оливки, которых только на Крите выращивают 15 видов. Часть урожая перерабатывается на острове — плоды здесь маринуют в огромных деревянных бадьях. И тысячи тонн критских оливок отправляются на консервные заводы страны.

Мы приехали в родную деревню Леонидоса около полудня. Заглянув к нему домой и убедившись, что там никого нет — в это время и мать, и все соседи были заняты сбором оливок, — пошли к оливковой роще. Десятка два пожилых мужчин и женщин вручную укладывали оливки в большие плетеные корзины. Четверо подростков грузили корзины на ослы и отправляли в деревню.

Когда мы подошли к роще, крестьяне как раз собрали последнюю партию оливок: солнце пекло невыносимо, и «первый рабочий день» кончался. Все расселись на траве в тени, достали из узелков хлеб и белый козий сыр. Мать Леонидоса налила в глиняные кружки прохладного козьего молока. Нас пригласили к обеду. И вот уже крестьяне улыбаются, приветливо машут руками, отчаянно спорят — разговор, как водится, идет о маслинах, о земле и о мировой политике.

Когда мы с Леонидосом вновь остались одни, мой спутник, будто продолжая начатый разговор, сказал:

— Единственное, что меня здесь удерживает, — это мать. Ты сам видишь: без меня она не справится. Да и вдвоем здесь не разбогатеешь. Хорошо еще, что брат присылает деньги. Он работает в ФРГ на автомобильном заводе. Ему повезло. Никому больше из нашей деревни — я имею в виду тех, кто уехал на заработки в Афины или за границу, — не удалось так устроиться...

С вершины холма, куда мы поднялись, открылась долина, разделенная на маленькие зеленые и желтые квадратики крестьянских полей. На этом фоне ярко выделялись белые крылья бесчисленных ветряных мельниц. Впрочем, в данном случае, слово «мельница» — лишь, как говорят этимологи, номинация. Эти ветряки не мелют муку, а качают подземную влагу на поля. Без подобной оросительной системы на Крите не обойтись. К тому же это, пожалуй, самое крупное «техническое усовершенствование», которое по карману

критскому крестьянину. В основном все сельскохозяйственные работы ведутся здесь дедовскими способами. Хлеб до сих пор жнут серпами, а зерно обмолачивают, прогоняя по снопам упряжку волов.

Я спросил у Леонидоса: есть ли у кого-нибудь в деревне трактор? Он даже рассмеялся — до того несусветным показался ему мой вопрос.

— Никто из нас за всю жизнь никогда не заработает столько денег! Помолчал и добавил:

— Да и как тут можно что-нибудь заработать? Одни только удобрения каждый год дорожают, а без них хорошего урожая не вырастишь...

— А что-нибудь изменилось в вашей жизни после вступления Греции в «Общий рынок»? — спросил я, в общем-то не надеясь на подробный и откровенный ответ.

— Еще бы не измениться! — взорвался Леонидос. — Наша деревня наполовину опустела. Про моего брата вы уже знаете. А сколько крестьян — целые семьи — отправилось в город искать работу?! Сейчас богатеют только владельцы крупных земельных угодий, которые могут нанимать все больше и больше батраков. А эти батраки те же крестьяне, только вконец разорившиеся... Конечно, у нас тут все меняется. Вот только больницы и школы в округе как не было, так и нет!..

...Предрабачные сумерки окутывают Ираклион темно-голубой мглой. Вдали над бухтой, омываемые бледно-розовым светом, вырисовываются очертания горы Хуктас. Если смотреть на нее со стороны моря, она напоминает спящего исполина. Кажется, что гаснущие звезды бросают последний свет на его лицо. Кстати, критская легенда утверждает, что эта гора вовсе не спящий исполин, а мертвый бог Зевс. Только смерть его сродни сну. Легенда гласит, что рано или поздно владыка воскреснет, и тогда к Криту вернется былое могущество. Среди критян нет язычников, они — как и все греки — христиане, но легенда пользуется на острове большой популярностью.

Рассвет, набирая силу, очертил на востоке контуры вздымающихся, словно волны, далеких холмов. Теплый ветер несет к морю из долины, где во тьме лежит Кносс, тысячи ароматов Крита: запахи оливок, нежной лаванды, терпких кипарисов, жасмина, гиацинтов. К ним примешиваются запахи моря, рыбы, острого маринада, в котором консервируют маслины, — и все это рождает тот неповторимый аромат, по которому рыбаки узнают свой «оливковый остров» за многие километры от берега.

Пронзительные крики чаек спугнули ночную тишину. Слово дождавшихся их сигнала, природа ожила. Начался новый рабочий день Крита.

Остров Крит — Москва

С. БАРСОВ,
наш спец. корр.
Фото Ю. МАЛЬКОВА

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ КАРАДАГА

В ТУ ДЕКАБРЬСКУЮ НОЧЬ

Вопреки уверениям путеводителей по Крыму, что сентябрь в Коктебеле солнечный и сухой, а осеннее море ласковее летнего, погода, словно назло их составителям, решила вычеркнуть бархатный сезон из своего календаря. Озябнув под рез-

кими порывами холодного ветра, ссутулившаяся громада Святой горы каждый день с утра куталась в тяжелый плащ густо-серых облаков, предвещающая ненастье.

Накануне я намечал полазать с Виктором Нестеренко, егерем Карадагского заповедника, по Кок-Кая, Магнитному хребту, Хоба-Тепе и Карагачу.

Эти скалистые гряды носят общее название Берегового хребта и вместе со Святой горой образуют Карадаг, единственный в европейской части СССР вулканический массив юрского периода. Однако, взглянув утром в окно на клячья сизой ваты, зацепившиеся за пики и зубрины черных скал, понял, что поход придется отложить: в кедах,

моей единственной «альпинистской» обуви, по горным тропинкам и каменистым осыпям в такую погоду не пройдешь. Чтобы день не пропал даром, я решил сходить на «Верблюда», двугорбый холм Эгер-Оба, отделяющий Планерское от долины реки Арматлук, на западном склоне которого похоронены погибшие во время фашистской оккупации коктебельские стухановцы.

Время приближалось к обеду. Изрядно промокший и продрогший, скользя по поросшему редкой щетиной траве склону, я спускался в седловину «Верблюда». Конечно, можно было вернуться и по найденной тропинке, но меня заинтересовал какой-то чужак, который уже третий час, не разгибаясь, копал там одну ямку за другой. Если бы дело происходило в Сибири, я бы решил, что это старатель бьет шурфы. Однако, хотя Карадаг и насчитывает более трехсот видов минералов, в том числе розовый агат, лимонный цитрин, фиолетовый аметист, красный сердолик, зеленую яшму, льдистый горный хрусталь, геологи речутся, что золота в его окрестностях нет. Но не будет же человек просто так, за здорово живешь, долбить каменистую землю!

Когда я подошел поближе, мужчи-

на, стоя по колено в узкой яме, извлек оттуда продолговатый предмет и принялся осторожно скалывать ножом облепившую его окаменевшую глину. Вскоре можно было разглядеть, что это унитарный патрон от легкого зенитного орудия.

— Никогда бы не подумал, что возле Коктебеля есть месторождение снарядов от «эрликонов». Как он сюда попал? — Находка была настолько неожиданной, что я не смог сдержать удивления.

— Во время войны здесь стояла немецкая зенитная батарея.

— Но почему именно здесь? До поселка отсюда слишком далеко, а эти две кочки, по-моему, отнюдь не господствующие высоты...

Мужчина бережно положил снаряд на землю, выпрыгнул из ямы, и, отряхнув ладони, протянул руку:

— Будем знакомы, Рюрик Михайлович.

Я назвал себя.

— Если располагаете временем, покажу, для чего здесь стояли «эрликоны».

Когда мы оказались на южной вершине Эгер-Оба, он остановился и показал рукой вниз:

— Что вы там видите?

На первый взгляд пологий склон, покрытый чахлой травой и редкими

кустарниками, ни о чем не говорил. Лишь приглядевшись повнимательнее, я различил у подошвы какие-то размытые полукружья, похожие на давно заброшенные грядки.

— Неужели там были орудийные дворики?

— А вы молодец, не забыли, чему учили в армии, — похвалил Рюрик Михайлович. — О Коктебельском десанте, конечно, слышали?

Вопрос не требовал ответа, поскольку каждый, кто приезжает в Планерское, в первый же день видит на набережной перед пансионатом «Голубой залив» памятник участникам героического десанта: четыре суровых мужественных лица матросов и красноармейцев. Позднее, когда мы познакомились поближе, Рюрик Михайлович прочитал одно из своих стихотворений, посвященное тем, кто в штормовую декабрьскую ночь сорок первого высаживался на коктебельский берег. Меня поразило, как точно он сумел выразить непреклонную решимость безымянных героев, увековеченных в красном граните: «Я занял круговую оборону. Отсюда мне, живому, не уйти».

— Коктебель штурмовал отвлекающий десант с задачей оттянуть на себя подвижные резервы немцев от основного — Феодосийского, который был частью Керченско-Феодосийской операции, — продолжал Рюрик Михайлович. — О ней написано много. А вот о Коктебельском почти ничего не известно. Сейчас удалось установить фамилии двадцати моряков из его состава.

— Но при чем тут орудийные дворики и «эрликоны» на «Верблюде»?

Мой знакомый пылливо посмотрел мне в лицо, видимо, решая, стоит ли посвящать случайного человека в свои исторические изыскания. А в том, что он ими занимается, я не сомневался.

— Маловероятно, чтобы зимой 41-го, когда немцы бросали все силы под Севастополь, они поставили тяжелую артиллерию для прикрытия заштатной Коктебельской бухты. Скорее всего артиллерийские позиции у Эгер-Оба были оборудованы гораздо позднее, весной 44-го, когда Отдельная Приморская армия развивала наступление вдоль Крымского побережья.

Вместо ответа Рюрик Михайлович поскреб ножом унитарный патрон. Под лезвием золотом заблестела латунь.

— Гильзы из латуни немцы делали лишь в начале войны. Потом из сплава, по цвету он почти черный. Дальнобойный артиллерийский дивизион, а то и два — дворики совсем оплыли, точно сосчитать теперь невозможно, — бросили сюда потому, что Коктебельский десант выполнил свою задачу: его восприняли всерьез. Видимо, считали, что отсюда будет наноситься удар с тыла по Феодосии. Вы даже представить не можете, какой подвиг со-

Памятник участникам Коктебельского десанта в поселке Планерское.

вершили наши ребята, приплывшие на мотоботах. Когда немцы подтянули тяжелую артиллерию — ее-то и прикрывали зенитки в седловине — и стало ясно, что развязка близка, десантники не ушли на Карадаг, хотя там легко могли бы спрятаться, а потом пробраться в горы к партизанам. Они дрались до последнего на береговом пятачке. Естественно, немцы были уверены, что горстка русских с таким упорством обороняет этот плацдарм, потому что ожидает высадки там значительных сил.

Рюрик Михайлович умолк и взглянул на часы.

— Задержал я вас...

Мы спустились с «Верблюда» и зашагали к видневшимся вдали у моря домикам поселка.

— Вы где отдыхаете, на турбазе или в «Голубом заливе»?

— Да нет, не отдыхаю, по делам здесь.

Пришлось признаться, что приехал в Планерское, чтобы написать о Карадаге.

— Не завидую вам, трудное это дело писать о нем после такого корифея, как Волошин. Помните у Максимилиана:

«Над зыбкой рябью вод встает из глубины пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней, обрывы черные, потоки красных щебней...» Три строчки, а весь Карадаг как на ладони.

— По-моему, слишком уж геологично. Мне у Волошина больше нравится другое описание: «Преградой волнам и ветрам стена размытого вулкана, как воздымающийся храм, встает из сизого тумана». И дальше: «И над живыми зеркалами возникнет темная гора, как разметавшееся пламя окаменелого костра».

Вслед за Волошиным последовали отрывки из Вересаева, Ферсмана, Всеволода Иванова, Нагибина. Память этого человека поразила меня. Сам он был явно доволен произведенным впечатлением и, когда мы наконец вышли на улицу Ленина, задумчиво сказал:

— Значит, вас интересует Карадагский заповедник. Тогда дело другое. О нем писать нужно, чтобы помочь ему. А то столько шишек набьет, пока подрастет, что потом жалеть будем. Если найдется время, заходите как-нибудь вечером, потолкуем, — Рюрик Михайлович назвал свой адрес — по стечению обстоятельств он жил на улице Десантников, и я еще подумал,

нет ли тут связи с его «раскопками» на Эгер-Оба. — Только для начала советую вам поехать на биостанцию — пешком через Карадаг теперь проход запрещен — и найти там Леонида Григорьевича Коваленко, директора заповедника. Он пока и папа, и мама, и нянька — все в одном лице.

— Спасибо за совет, Рюрик Михайлович, но с Леонидом Григорьевичем я уже знаком.

У КОЛЫБЕЛИ НОВОРОЖДЕННОГО

Застать Коваленко оказалось делом далеко не простым. На биостанции, куда я неоднократно звонил по телефону из Планерского, мне любезно отвечали, что Леонид Григорьевич уехал в Феодосию, Судак, Симферополь, Севастополь... Коктебельская журналистка Наташа Лесина, которой я посетовал на неудачу, подсказала весьма оригинальный выход:

— Выберите укромный уголок и пройдите на территорию заповедника. Ручаюсь, что через час, максимум два, попадетесь в руки Коваленко. У него на браконьеров особый нюх, а на своем «газике» он, по-моему, и на Святую гору может забраться.

Однако я предпочел действовать по официальным каналам. Наконец время оговорено, ровно в девять я приехал на биостанцию и... вот уже почти два часа сижу на садовой скамейке в тени старого ясеня. Леонид Григорьевич давно здесь. Его грузящая фигура стремительно проносится из административного корпуса в научный, мелькает среди ветвей на дорожке, ведущей к океанариуму, и вдруг возникает внизу на причале. Причем каждый раз, пробегаая мимо, он, извиняясь, улыбается и заверяет, что «через минуту освободится». А пока мне остается наслаждаться видом угрюмых серо-черных и охристо-красных скал Карагача, последнего звена Берегового хребта. Ближе всех возвышается массивная Шапка Мономаха. За ней сказочной группой, вытянувшись, как солдаты на параде, застыли Король и Королева со Свитой. Позади виднеются два Трона, свой собственный у каждого из венценосцев. Когда-то все здесь было покрыто зарослями карагача или береста, засухоустойчивого дерева из семейства ильмовых, из которого гнули отличные ободья для тележных колес и мастерами разные поделки. Увы, карагач давно вырублен, и теперь пейзаж западной оконечности Карадага напоминает сцену какого-то фантастического экспериментального театра, где отсутствие декораций заставляет зрителя сосредоточить все внимание на монументальных фигурах артистов, изваянных природой.

— Простите, что заставил ждать, теперь я в вашем распоряжении, — прервал мои размышления Леонид

Григорьевич Коваленко, опускаясь рядом на скамейку.— Если не возражаете, поговорим здесь, на свежем воздухе. Вы уже, наверное, знаете, что горное урочище Карадаг было объявлено государственным заповедником постановлением Совета Министров УССР от 9 августа 1979 года,— начал свой рассказ Коваленко.— Территория самого вулканического массива и прилегающая к нему акватория площадью 1370 гектаров взяты под охрану государства и навечно исключаются из хозяйственного пользования. В 1981 году площадь заповедника увеличится до 3 тысяч гектаров, а его граница будет проходить по асфальтовому шоссе из Планерского в Щебетовку. Как и в любом заповеднике, на Карадаге и в прилегающих к нему бухтах запрещены охота, рыбная ловля, рубка леса, сбор камней, цветов, ягод, плодов и лекарственных растений.

Научной и административной базой нашего заповедника стала биостанция, которая является Карадагским отделением Института биологии южных морей Академии наук УССР в Севастополе. В ее лабораториях физиологии водорослей, биохимии рыб и биоакустики ведутся исследования по проблемам биологической продуктивности морей и океанов, морфологии их обитателей...

Коваленко сделал паузу, явно намереваясь перейти к следующему разделу Положения о Карадагском заповеднике, которое, безусловно, знал назубок. Нужно было срочно спасти положение, и я решился на рискованный шаг: попробовать оттеснить на задний план официальное лицо, отвечающее за вверенное ему учреждение, и постараться вызвать на ответственность просто человека. Того самого, который, судя по отзывам знающих его людей, мечтает восстановить в своих правах этот уникальный уголок в царстве природы, отнятый у нее нашествием курортников и туристов.

— Скажите, Леонид Григорьевич, наверное, нелегко делать заповедник?

Мой собеседник глубоко вздохнул, словно собрался нырнуть в сверкающую внизу под нами водную гладь. На лице появилось задумчивое выражение. Когда он заговорил, то изменилась даже его речь: из нее исчезли прежние энергично-напористые интонации.

— Нелегко — не то слово. По профессии я военный летчик, служил в Сибири и на Дальнем Востоке. Природу люблю с детства, да там ее просто нельзя не полюбить. Только никогда не думал, что мне придется эту природу еще и защищать. Да, да, именно защищать форменным образом. Вот вы спрашиваете, легко ли делать заповедник. Смотрите сами. Природа постаралась на славу, содала прекрасные Карадагские горы. Казалось бы,

сохранить их проще простого — скалы не цветы, их не сорвешь и в кармане не унесешь. Но ведь тащат! По камешку, по осколку, а то и мешками. По обрывам карабкаются, скалы дробят, чтобы увезти с собой знаменитые коктейльские самоцветы. Только вдумайтесь, до чего дело дошло: на всем Карадаге в более или менее доступных местах сейчас не найти ни одной хилки розового агата или зеленого халцедона...

В словах Коваленко звучала не просто горечь оттого, что вот так бездумно, походя, годами растаскивались цветные камешки. Казалось бы, сущие пустяки по сравнению с фантастически огромным вулканическим массивом; а в итоге безвозвратно обезображивалось само это редкое творение природы. В них мне почудилась боль человека, которому нанесли личную обиду. Леонид Григорьевич говорил, и я никак не мог отделаться от мысли, что мы, к сожалению, слишком привыкли воспринимать природу как некий бездонный, неиссякающий колодец, откуда знай себе черпай сколько вздумается, на всех хватит. На нужное и не столь уж необходимое, а порой на ошибки и просчеты, ленивое равнодушие и эгоистическую алчность. В двадцатом томе БСЭ, вышедшем в 1953 году, в статье о Карадаге сказано, что вершина его покрыта дубовым лесом, а на склонах ведется разработка трасса — вулканического туфа, который используется как гидравлическая добавка к цементу при строительстве морских сооружений. Слов нет, трасс — вещь в народном хозяйстве весьма нужная, поскольку, затвердевая под водой, увеличивает прочность таких сооружений. Возить его к Черному морю из Закавказья накладно. Но вот вопрос: разве не перевешивала исключительная научная, экологическая, наконец, эстетическая ценность Карадага сиюминутную выгоду добычи там трасса, чреватую разрушительной и, увы, необратимой эрозией для его склонов? Всегда и везде ли мы подходим с такой меркой при оценке последствий воздействия человека на природу?

— Конечно, с объявлением Карадага государственным заповедником угроза для него устранена. Я имею в виду сами горы. Но есть еще флора и фауна, которые пострадали куда сильнее. В старых описаниях этого горного урочища говорится о дубовых лесах, зарослях граба и ясеня, о том, что весной на Карадаге трава по пояс, цветут пионы, тюльпаны, маки, что встречаются козули, гнездятся орлы и соколы-сапсаны. К сожалению, все это пока в прошлом. Не подумайте, что я оговорился: именно «пока», а не «уже». Я оптимист, верую: будет опять. Конечно, если мы сумеем на деле обеспечить строго соблюдение заповедного режима. А это сейчас и есть самое трудное, с этого и нужно начинать делать заповедник.

В армии проще. Если отдается при-

Научная база заповедника — Карадагское отделение Института биологии южных морей Академии наук УССР, которое ведет исследования по широкому спектру проблем. Одна из них — обмен углеводов у рыб — тема работы старшего лаборанта Ольги Сергеевны Русиновой.

каз, его выполняют. А здесь почти полторы тысячи гектаров, причем не ровной степи, где человека видно за километр, а скал, холмов, зарослей, укромных бухточек. Активных же штюков у меня — четыре егеря и три сторожа пенсионного возраста, чтобы поддерживать порядок на биостанции. Конечно, границу заповедника с государственной сравнивать нельзя. Но и ее от непрошенных гостей нужно охранять. Ведь находятся и такие «любители природы», после которых будто стадо слонов прошло, а бутылок и консервных банок не меньше, чем на настоящей свалке. Между прочим, прошлой осенью и нынешней весной, когда мы приводили заповедник в божеский вид, одного мусора три машины вывезли. Вы уж извините, что я все о таких низких материях говорю, но без этого и высоких не будет...

Признаться, в тот момент меня удивило не само количество убранного мусора, а, не побоюсь сказать, сложность такой генеральной уборки: ведь очистить горные склоны не тротуар подмести. Я поинтересовался у Леонид Григорьевича, как ему это уда-

лось со столь немногочисленным войском.

— Удалось, потому что получил солидное подкрепление от феодосийских любителей природы. Есть там группа здоровья, люди вроде бы пожилые, не те годы, чтобы по скалам карабкаться, но помогли и помогают здорово. Активистка Ирина Граф у меня прямо настоящий начальник штаба. Составила расписание дежурств, и можете быть уверены: по выходным дням четыре раза в месяц внештатные егеря обязательно перекроют самые «опасные» подходы к заповеднику.

И тут Леонид Григорьевич поделился одним весьма важным выводом, к которому пришел за год своей работы: без помощи прессы, без самой широкой пропаганды не просто объявить, а действительно сделать Карадаг заповедником невероятно трудно. Писатели, поэты, художники прославили изумительную красоту этого уголка. Сегодня он известен всей стране. «Без Карадага нет Коктебеля. И без путешествия по Карадагу неполон ваш коктебельский отпуск», — утверждает последний справочник, хотя и оговари-

вается, что урочище объявлено заповедником и доступ туда неорганизованным туристам запрещен. Однако сотни отдыхающих из Планерского и окрестных курортов идут на Карадаг. Одни по неведению, другие в надежде, что удастся проникнуть туда незамеченными.

Возможно, в нынешнем году Коваленко обнесет территорию заповедника провололочной сеткой. Но можно ли уповать только на это? Увы, нет. Нужно, чтобы люди поняли: Карадагский заповедник не только исключительно ценный памятник природы, но и научная лаборатория, наконец, больничная палата, где лечат природу. Ведь никому не придет в голову из любопытства отправиться побродить по научно-исследовательскому институту или клинике! Иначе любой забор быстро превратится в дорогу, но бесполезную дырявую сеть.

Директор Коваленко это прекрасно понимает. Поэтому он и начал с того, что установил от Судака до Феодосии красочные стенды, расклеил тысячу плакатов и заказал в типографии три тысячи листовок. Чтобы каждый, кто

приезжает сюда на отдых, знал: Карадаг заповеден. И все-таки сделанное им — это лишь капля в море, ибо ежегодно юго-восточный берег Крыма принимает десятки тысяч людей.

— Строгий заповедный режим существует на Карадаге меньше года, — продолжал Леонид Григорьевич, — срок вроде бы слишком короткий, чтобы говорить о каких-либо положительных результатах. Между тем они есть. Раньше за летний сезон в урочище бывало пять-шесть пожаров. В нынешнем ни одного. Это значит, что сохранены десятки гектаров леса. Ни разу не вызывали мы и горноспасателей из Феодосии. А в прошлые годы приходилось звонить им чуть ли не каждую неделю, чтобы выволить со скал горе-альпинистов. Кстати, помните в книге Ферсмана «Воспоминание о камне» рассказ о курсистке Шурочке, которая полезла за самоцветами в Сердоликовой бухте, сорвалась со скал и разбилась? Такое случалось на Карадаге до последнего времени.

Конечно, природу сразу не вылечишь. Но на Береговом хребте уже

поселились два семейства сапсанов, бакланы птенцов вывели, орлы частенько стали кружиться. Думаю, тоже «квартиры» присматривают. Вот, если ваш журнал «Вокруг света» возьмет над Карадагом литературное шефство, будете приезжать, сами увидите перемени.

— Леонид Григорьевич, позвольте один, последний, вопрос. Согласен, что заповедники создаются для науки и сохранения природы и поэтому им нужен не просто щадящий, а запретный режим. Но вот лично вам не жалко, если Карадаг станет прекрасным, но, увы, пустым «храмом природы»?

Коваленко помолчал, задумчиво посмотрел на причудливо изломанные контуры Карадага и неожиданно возразил:

— Почему вы считаете, что он будет пустым храмом? Придет время, и мы откроем его для посещения организованных экскурсий. Конечно, только по обозначенным тропам, обязательно в сопровождении егеря или гида, который сумеет показать все наиболее интересное здесь. Потом, вы же сами сказали, что заповедник должен служить науке. Значит, он будет не храмом, а лабораторией, многоотраслевым НИИ, если хотите. Но об этом вам лучше расскажет Алла Леонтьевна Морозова, шеф нашей биостанции, или ученый секретарь Валера Трусевич.

БУДУЩЕЕ НИИ

Накануне мы долго обсуждали с Юриком Михайловичем, каким должен быть оптимальный режим Карадага. За время нашего непродолжительного знакомства я успел проникнуться уважением к этому человеку, бывшему моряку, участнику Великой Отечественной войны. Он целиком разделял точку зрения Коваленко о необходимости доступа туда экскурсантов, так сказать, «в рамках закона».

— Какой забор ни поставь, хоть ток пропусти, все равно будут лезть. Любопытство рождает нарушения. Ну и еще желание потом похвастаться: «Как же, конечно, был». Вот вам простой пример. Сейчас в Планерском отдыхает человек тридцать художников, многих я знаю. И все, как один, клянутся, что приехали сюда на природу только из-за Карадага.

Между прочим, слово «заповедовать» сейчас понимается однозначно — «запрещать». А ведь изначально главным у него было другое значение. Посмотрите у Дая: «...наказывать к неперемому, всегдашнему исполнению, завещать какую-либо обязанность». Вот и нужно, чтобы заповедник был не только храмом и лабораторией, но и классом, где бы учили, как следует обращаться с природой. Да еще показали на натуре, как эта бедная природа страдает и гибнет, когда не соблюдаются обоснованные наукой правила. Будь я директором, знаете, что уже сейчас бы сделал? Разметил маршруты по Карадагу, по-

добрал одного-двух толковых проводников, хотя бы среди здешних пенсионеров, да организовал в Планерском, Феодосии и Судак предвзвешенную запись на экскурсии. Уверен, пользы заповеднику было бы не меньше, чем от десятка егерей. А главное — воспитывали бы людей, особенно молодежь.

Эти мысли Юрика Михайловича, показавшиеся мне заслуживающими внимания, я и хотел обсудить сегодня на биостанции. К сожалению, оказалось, что депутат Алла Леонтьевна Морозова отбыла в Судак на сессию местного Совета. К ученому секретарю пробиться было почти нереально: едва из его угловой лаборатории выходил очередной жрец науки в белом халате, как Валера устремлялся в кабинет Морозовой, где требовательно верещал телефон, потом бежал на звонок уже к себе, и, пока я успевал выдвинуться на исходные позиции у двери, перед самым моим носом туда входил кто-нибудь из сотрудников биостанции. Выручил Анатолий Яковлевич Столбов, старший научный сотрудник лаборатории физиологии и биохимии рыб, который ранее знакомил меня с проблемами усталостной выносливости, стрессовых нагрузок и предынфарктных состояний у подданных Нептуна. Он решительно распахнул дверь и с шутилой укоризной обратился к Трусевичу:

— Ты что же это заставляешь ждать прессу? Смотри, как бы потом не пожалел...

Когда я изложил Валерию замечание моего китебского знакомого о целесообразности регулируемого допуска посетителей на Карадаг, он в принципе согласился с ними. Но тут же привел веский контраргумент, с которым, увы, не может не считаться директор заповедника: штаты и смета. Пока они более чем скромны. В ближайшее время прибавятся лишь пять научных сотрудников — геоморфолог, ботаник, гидробиолог, зоолог и эколог. А работы для них непочатый край.

— По образному выражению известного географа Семенова-Тян-Шанского, заповедник — это красивый сундук с хорошо сохранившимися дедовскими вещами. Так вот, на Карадаге нужно прежде всего провести инвентаризацию этих вещей, оценить их состояние, определить, где что подшопать и подправить. Например, одних только цветковых и споровых растений здесь более тысячи, из которых сорок занесены в каталог редких и исчезающих. Их предстоит спасти в первую очередь. Потом общее картирование растительности в заповеднике. Представляет, какая это трудоемкая работа? Так что пока, года три-четыре, с экскурсиями придется подождать. И вообще пускать на Карадаг лишь тех, кто занят научными исследованиями. Для остальных никаких исключений.

Признаться, позиция ученого секре-

таря показалась мне слишком жесточкой. Но Валерий поведал, какой бой ему пришлось выдерживать с одним преподавателем института, который привез сюда студентов на геологическую практику и никак не хотел понять, почему «в виде исключения» им не могут позволить «постучать молотками» на Карадаге. «Поймите, одним лицемерием геолога не сделаешь», — доказывал он. Так что действительно единственный выход — никаких исключений.

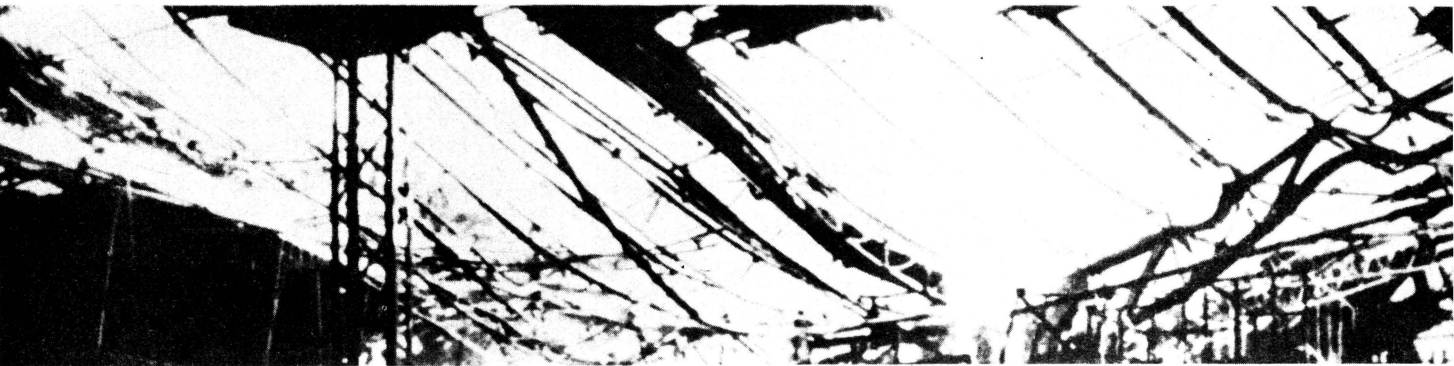
Кстати, это в равной мере относится и к акватории моря у берегов Карадага. Благодаря уникальности донного рельефа и состава горных пород здесь на сравнительно небольшом участке встречается 95 процентов представителей флоры и фауны Черного моря. Есть тут и свои браконьеры — в частности, прогулочные катера, которые, несмотря на строжайший приказ капитана Феодосийского порта Юрия Павловича Большакова, норовят зайти в запретную зону заповедника. За подобные злостные нарушения судоводителю «Николая Старшинова» пришлось даже покинуть капитанский мостик.

— Скажите, Валерий, с какой целью к заповеднику отнесена километровая прибрежная акватория?

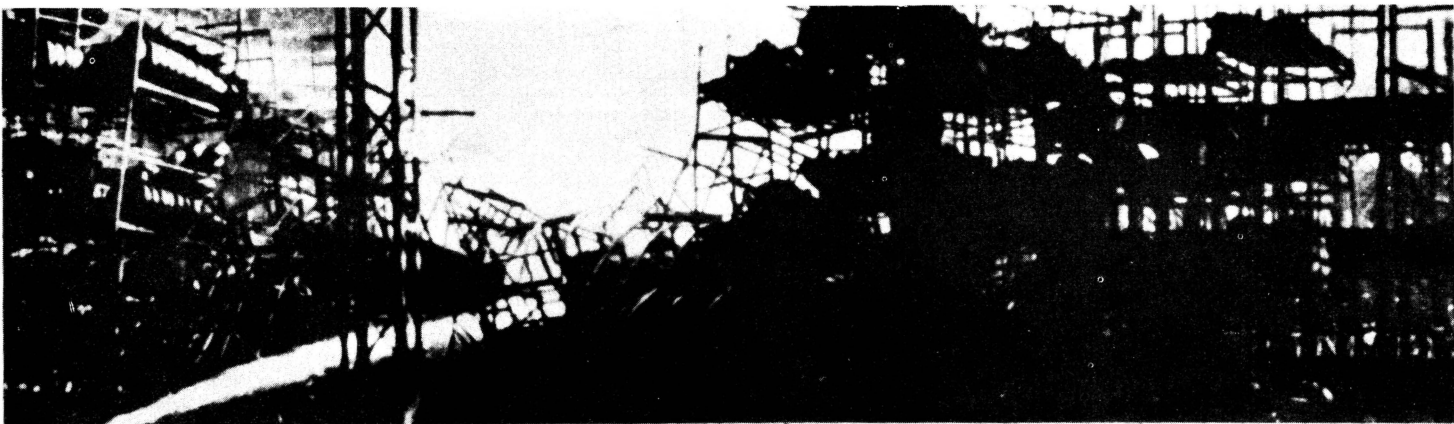
— Причин несколько. Во-первых, эта зона характеризуется отсутствием опресняющих и загрязняющих элементов и поэтому может являться эталоном для разработки стандартов чистоты вод при решении международной проблемы охраны окружающей среды. Во-вторых, у Карадага находится единственное на все Черное море нерестилище знаменитой барабульки. Приходит сюда метать икру также и камбала, ставрида. Естественно, что снующие туда-сюда суда отпугивают рыбу. Понадобится не меньше полуторадвух лет, пока она усвоит, что у Карадага для нее созданы идеальные условия.

Вообще, наш заповедник отличается прежде всего тем, что научные исследования в нем будут вестись по широкому спектру проблем: процессы эрозии и почвообразования; биология и экология морских животных и растений; наземные позвоночные и беспозвоночные; прогнозирование развития биосферы и целому ряду других.

Результаты этих исследований будут иметь большое значение для развития таких научных дисциплин, как геология, почвоведение, геоботаника, зоология, гидробиология, биогеоценология. И конечно, нельзя забывать еще об одном важном моменте. О нем очень хорошо сказал вице-президент Академии наук СССР, председатель Национального комитета по программе «Человек и биосфера» Константин Меркурьевич Сытник: «Карадаг — наша национальная ценность, которую мы должны в полной сохранности передать потомкам».

ЧЕРНЫЙ СЛЕД ЧЕРВЕЛЛОНЕ

«ПРОФЕССОР» ПО ЛЕВАКАМ

— О леваках тебе лучше всего расскажет Карло — корреспондент одного из популярных еженедельников, — подсказал мне один из римских знакомых. — Он по этой части «профессор», признанный авторитет. Парень общительный, поделится информацией с коллегой. Вот его телефон.

Я позвонил Карло в тот же день, и мы быстро договорились о встрече.

— Да, конечно, — сказал он, —

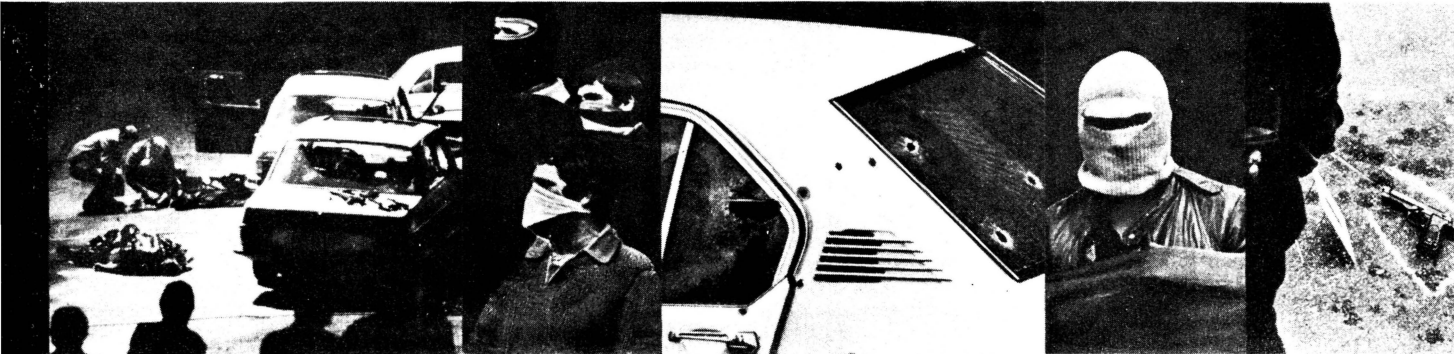
это моя тема. Буду рад помочь. Встретимся в кафе возле Ватикана. Знаете, там на Кончилиационе есть заведение, где делают неплохой капуччино...

В назначенный день я сел в машину и направился к Ватикану. После утомительных заторов машина наконец выскакивает на перекинутый через Тибр мост Принципе Амедео Д'Аоста, а затем — на прямую как струна виа Кончилиационе, упирающуюся в громаду собора св. Петра. Вот и кафе, где за крохотным столиком, стоящим прямо на троту-

аре, меня ждет Карло. Узнать его нетрудно: других посетителей в кафе еще нет.

Мы заказываем два капуччино. Нет ничего необычного в том, что мы решили встретиться в кафе. Незнакомца здесь не принято сразу приглашать домой.

Есть и еще одна причина, которая заставляет людей встречаться на открытом воздухе. Телефонные разговоры в Италии бесцеремонно подслушивают. На Апеннинах, как сообщала итальянская печать, особенно активно «слушают» политических де-

ателей, лидеров профсоюзов, активистов демократических партий. Даже министр внутренних дел, говорят, начинает свой рабочий день с того, что проверяет — не поставили ли и ему подслушивающее устройство.

— А ты не боишься писать о «красных бригадах»? — первым делом спрашивает меня Карло. — Знаешь, у нас это «горячая» тема. Многие боятся. Да и не зря. Слышал о Казаленьо — заместителе директора газеты «Стампа»? Его застрелили «краснобригадовцы».

— Но ты же сам пишешь на эту тему?

— Хочешь добыть горячую новость, опередить других, хорошо заработать — рискуй!

Левацкие организации, как рассказал Карло, начали множиться на Апеннингах во время студенческих волнений 1968 года. Тогда образовались пропекинские группировки: китальянская коммунистическая марксистско-ленинская партия», «союз итальянских коммунистов марксистов-ленинцев», «пролетарский маоистский авангард» и прочие. По неофициальным сведениям, эти «партии» и «союзы» финансировались через посольство КНР в Берне. Свой вклад в их создание внесли и итальянские секретные службы, а также ЦРУ, рассматривающие маоистов в западноевропейских государствах как ударный отряд в борьбе с компартиями и профсоюзами. После того как лишённое ясных политических целей студенческое движение, руководимое мелкобуржуазными элементами, выдохлось, многие организации вообще исчезли, словно растворились в дымке миланского смога. (Милан — город, где их было особенно много.) Но вот в конце 70-х годов маоистские группировки неожиданно обрели вторую молодость. В 1977 году эти группы, сидевшие до того без единой лиры, развернули бурную деятельность и начали публиковать двухнедельник «Пролетарская линия». Все объясняется просто: несколько ранее их глава совершил вояж в Пекин, где его приняли на самом высоком уровне.

Заметив подошедшего официанта, Карло делает паузу. «Камерьяере» в белом кителе с золотыми потгончиками — типичная униформа официантов в итальянских барах — ставит на стол металлический поднос с двумя дымящимися чашками капучино. Состав этого напитка вроде бы прост: кофе с молоком, но готовить его умеют только в Италии. Сначала в чашку наливают немного обычного кофе-«эспрессо», затем бармен берет большой металлический кувшин и разогревает его на паре. В горячем кувшине молоко сильной струей пара взбивается в пену. В чашке с кофе пена образует высокую коричневую

шапку — точь-в-точь капюшон монаха-капуцина. Сверху немного шоколадной пудры — и напиток готов.

Когда с капучино покончено, я задаю чрезвычайно важный вопрос. Интересно, что ответит Карло? Как он считает, случайю ли, что леваки-террористы активизировались именно в 70-е годы, когда Итальянская компартия вплотную подошла к участию в политическом руководстве государством?

«ПРЕВОСХОДНАЯ СИТУАЦИЯ»

— Нет, не случайно! — Карло реагирует горячо и молниеносно. — Вот послушай, как развивались события. Мелкие маоистские группировки распались, это верно, но база их осталась. И здесь сложилась так называемая «рабочая автономия» — легальная левацкая организация, за фасадом которой, как подзревают, и скрывается тайная террористическая группа «красные бригады». Теоретик «автономистов» — профессор университета в Падуе Антонио Негри. Свою докторину он изложил в «фундаментальном» труде «Пролетарии и государство». Путаное сочинение, наполненное псевдореволюционной фразеологией... Никакой оригинальной теории, конечно, нет, зато обилие цитат из Мао. Например: «Велик беспорядок в Поднебесной, следовательно, ситуация складывается превосходно». Сеять смуту, беспорядки, подрывать государственные учреждения — вот главные установки теоретика «автономии». Он утверждает, что в Италии якобы сложилась «предреволюционная» ситуация и задача в том, чтобы немедленно «делать революцию», в противном случае страну ждёт неминуемая катастрофа. Инициатива здесь должна принадлежать «новому пролетариату», то есть не рабочим заводов и фабрик, а деклассированным элементам, студентам, безработным. И бороться они должны не против буржуазии, а против государства вообще. Отсюда следует «логичный» — для Негри! — вывод: вокруг «новых пролетариев» сплошь враги: все организованное рабочее движение, демократические профсоюзы, коммунистическая партия, — ибо они рассматриваются как часть уже существующих государственных институтов...

— Ну как? Ответил я на твой вопрос? — Карло пылливо смотрит на меня.

— Уполне.

— Учи, — продолжает мой собеседник, — теперь даже люди, далекие от политики, начинают понимать, что именно ультралевацкие маоистские организации были и остаются питательной средой для

тайных террористических банд вроде «тайных бригад», «вооруженных пролетарских ячеек», «передовой линии» и других...

Впоследствии я многое узнал о деятельности падуанского профессора. К революционному насилию он призывает не только в сочинениях, но активно действует и на практике. Вместе со своими сторонниками Скальцоне и Пиперно Негри занимался организацией «политических комитетов» на заводах и фабриках, провоцировал так называемые «дикие» — не санкционированные профсоюзами — забастовки, разработал планы «политической и военной подготовки рабочего авангарда». На одном из сборищ леваков в Римском дворце спорта открыто раздавались призывы к насильственным действиям. Негри и компания занимались самым настоящим подстрекательством к вооруженным выступлениям против государства, что по итальянским законам запрещено. А как же полиция? Ровным счетом никак. «Революция по Негри» ее не напугала. Судебные власти выдвинули поначалу против «автономистов» обвинение в попытке создать подрывную организацию, но вышестоящие органы не нашли в действиях Негри и компании «ничего предосудительного». Так будет и в дальнейшем. Те, кого впоследствии обвинят в похищении и убийстве Альдо Моро, останутся на свободе и получат возможность готовить новые преступления...

За годы жизни в Риме мне не раз приходилось наблюдать левацкие организации «в действии». Небольшие по численности, они орудовали тем не менее активно. В конце 70-х годов — практически каждую неделю! — леваки-маоисты из «рабочей автономии» и других организаций устраивали шумные демонстрации, шествия и митинги в разных районах Рима. Зачастую эти «демонстрации» перерастали в столкновения с полицией. Схема была сложна: десятки длинноволосых молодых людей по команде своего вожака отделялись от шествия, которое служило им своеобразным прикрытием, бросали бутылки с зажигательной смесью, стреляли в полицейских, переворачивали и поджигали автомобили. Полиция отвечала гранатами со слезоточивым газом, начиналось настоящее побоище. На языке леваков это означало «делать революцию».

Но бывали столкновения и посерьезнее. В Болонье, например, леваки из «рабочей автономии» спровоцировали беспорядки, перекрыли улицы баррикадами, разгромили местный университет... Власти Болоньи — местный муниципалитет сформирован из представителей коммунистической и социалистической партий — обратились к прави-

тельству с просьбой ввести в город войска для наведения порядка. Потом выяснилось, что действия отдельных вооруженных групп левых координировались по радио, что они давно и тщательно готовились к «восстанию» в Болонье. В «стратегической резолюции», разосланной главарями «красных бригад» своим оперативным группам, содержался открытый призыв развернуть наступление против ИКП и демократических профсоюзов.

Прогрессивным силам Италии с самого начала было ясно, что насилие и террор экстремистов выгодны прежде всего крайней реакции, уже давно стремящейся к созданию в стране режима «твердой власти». Своим заклятым врагом «красные бригады» считают и Советский Союз. Что же, это вполне устраивает итальянскую буржуазию.

ПОД ЧУЖИМ ЗНАМЕНОМ

Всем памятна история похищения и трагической гибели председателя национального совета христианско-демократической партии Альдо Моро.

В конце 70-х годов в ХДП при активном участии Моро была достигнута договоренность о создании правящего большинства — еще не правительства, а парламентской коалиции — с участием коммунистов. Это было довольно смелое для Италии решение. Ведь в течение более чем 30 послевоенных лет коммунисты были отстранены от сферы государственной власти.

Перемены в политике ХДП встретили яростное сопротивление со стороны правых и консервативных кругов. «Моро открывает коммунистам двери в правительство!» — раздавались крики. Вспокоились и за океаном. Как известно, Вашингтон давно уже превратил Италию в важный стратегический плацдарм в Южной Европе. Госдепартамент США не раз предупреждал, что он не потерпит участия коммунистов в итальянском правительстве. А тут вдруг послушный дотолле союзник осмелился игнорировать советы, стал провозводить какую-то самостоятельную политику диалога с коммунистами!

И вот 16 марта 1978 года — именно в тот день, когда должно было состояться заседание парламента для формирования нового правящего большинства, — неизвестные лица среди бела дня похищают Альдо Моро. Через два месяца в центре Рима на улице Газтани найден его изрешеченный пулями труп. Без Моро парламентское большин-

ство с участием коммунистов было обречено и в результате саботажа правых в ХДП скоро распалось.

Итак, Моро предлагал сотрудничать с коммунистами, а «красные бригады» рассматривают их как злейших врагов. Кто же ближе по сердцу крайне правым? Ответ очевиден. Любой здравомыслящий человек прекрасно понимает, что ИКП, за которую голосуют свыше десяти миллионов избирателей, куда более грозная для буржуазии сила, чем разрозненные группки экстремистов, даже вооруженных пистолетами. Отсюда и ненависть правых к ИКП, и плохо скрываемые «симпатии» властей к левакам.

Несмотря на многолетнюю подстрекательскую деятельность Антонио Негри, подозрения в причастности к созданию и организации вооруженных банд, полиция арестовала главарей «автономии» только в 1979 году, через год после убийства Моро, когда все следы были уже надежно заметены. Во время ареста у профессора из Падуи нашли «учебник вооруженного подпольщика» с его собственноручной правкой, списки террористических колонн и много других компрометирующих документов...

— Совершенно ясно, — говорил мне Карло, — что левацкие террористические организации созданы при активном участии спецслужб Пекина и ЦРУ и играют сейчас ту же роль, что отводилась раньше неофашистам, — дестабилизировать внутриполитическое положение в Италии, чтобы нанести удар по демократическим институтам и дискредитировать компартию. Уже само название «красные бригады» звучит провокационно. Они присвоили цвет чужого знамени; как и коммунисты, они называют друг друга «компаньо» — товарищ; используют похожие лозунги, говорят о «пролетарской революции»... Итальянцу внушают, что «красные бригады» и ИКП — «дети одной матери»...

День клонился к вечеру, пора прощаться с Карло. Луи солнца, опускавшегося за купол собора, раскрашивали золотом оконные стекла, зажигали сотни маленьких радуг в брызгах двух огромных фонтанов на площади Сан-Пьетро. Из ватиканских ворот вышли строем три швейцарских гвардейца со средневековыми алебардами — смена караула на границе самого маленького в мире города-государства.

На брусуатке площади лежала резкая тень от установленного в центре обелиска, в давние време-

на привезенного в Рим из Египта. Рассказывают, что гранитную громадину весом в 440 тонн поднимали 900 рабочих в течение четырех месяцев. Когда наступила последняя фаза подъема, папа римский под страхом смертной казни запретил рабочим шуметь — даже чихать и кашлять! — чтобы не нарушить равновесие поднимаемой машины. Для подкрепления угрозы рядом установили виселицу. Однако запрет все же был нарушен. В решающий момент веревки так натянулись, что стало ясно: они вот-вот лопнут. Тогда раздался крик: «Воду на веревки!» Это подписал себе приговор матрос из Бордигеры Доменико Бреска. К совету бывалого моряка прислушались, и веревки выдержали тяжесть гранитного обелиска, но... спасителя памятника судьи все же отправили на виселицу. Папе перечить нельзя.

Теперь в Италии нет смертной казни. Высшая мера наказания даже для закоренелых убийц и безжалостных террористов — пожизненное тюремное заключение. Стреляя в политических деятелей, полицейских, невинных прохожих, террористы твердо знают: им самим будет сохранена жизнь.

САМОЗВАННЫЕ «ХИРУРГИ»

Мы не раз еще встречались с Карло. Однажды он позвонил в разгар рабочего дня и сказал, что ждет на площади, возле церкви Санта-Мария Маджоре.

— Если быстро приедешь, покажу кое-что интересное, — сообщил он. — Подробности на месте. Сам понимаешь — не телефонный разговор.

Через четверть часа я уже поставил машину в условленном месте. На ступеньках церкви меня поджидал Карло. Вид у него был загадочный и многозначительный. По-прежнему ничего не объясняя, профессор по левакам пригласил:

— Поедем со мной, это недалеко.

Я пересел в потрепанную «диану» Карло, дешевую французскую малолитражку, и вскоре, покрутив по узким улицам в районе Санта-Мария Маджоре, Карло затормозил возле обшарпанного кирпичного здания с рекламной аперитива на фасаде и жестом пригласил меня выйти. Я осмотрелся. Место было глухое и мрачное, покосившиеся заборы, замусоренный пустырь, автомобильное кладбище со скелетами машин. В стороне гудела «сопразлеватга» — поднятая на высокие бетонные опоры скоростная магистраль. Возле

бара на перекрестке торчали несколько парней с разбойничьими физиономиями.

— Все в порядке. Нас здесь уже ждут, — успокоил Карло, заметив, что я растерянно оглядываюсь по сторонам. Нагнувшись, он нырнул под полуопущенную металлическую штору мастерской, над которой была прибита жестянка с надписью: «Плотник».

Внутри действительно была мастерская. Пахло древесными стружками, лаком, на верстаках лежали гладко обструганные доски. На стенах, специальных щитах — наборы стамесок, сверл и рубанков. Рабочих видно не было. Карло быстро прошел через мастерскую, проскользнул сквозь узкую дверь во внутренний дворик-колодец и начал подниматься по металлической лестнице. Я следовал за ним. На третьем этаже мы вышли на галерею, а затем попали в просторную комнату с закрытыми ставнями. Нас ждали — об этом свидетельствовали распахнутая дверь и еще дымящиеся окурки в пепельнице, хотя в комнате было пусто. Указав мне на стул, Карло скрылся в соседнем помещении.

Слабая лампочка под потолком освещала длинный стол, заваленный брошюрами, газетами и журналами. Стены были оклеены плакатами с эмблемами экстремистских организаций. Обстановку дополняли несколько металлических стульев и большой шкаф в углу. Вскоре Карло вернулся.

— Понимаешь, — наконец-то объяснил он, — я договорился об интервью с одним из леваков. Думаю, тебе будет интересно послушать, да и сам можешь задать несколько вопросов. Тот, кого ты сейчас увидишь, конечно, сам не стреляет, он не боевик. «Исполнители» живут в глухом подполье и ни с кем из посторонних не встречаются. Мы поговорим с одним из червеллоне — тех, кто занимается, так сказать, теоретической работой, подводит под акции экстремистов «идеологическую базу». Нечто вроде Негри, только рангом много ниже.

Через несколько минут в комнату вошел худощавый молодой человек: тонко очерченное лицо, запавшие глубокие глаза, острый, оценивающий взгляд... Он уселся на стул и тут же закурил. Его длинные нервные пальцы слегка дрожали.

— Да, я один из борцов за интересы пролетариата, — начал червеллоне, не назвав своего имени и не здороваясь. — Когда-то я был студентом, готовился стать юристом, но быстро понял, что это глупая и бесполезная трата времени. Что может дать у нас в Италии учеба? Выбор небогатый: ты или получаешь место — и тогда превращаешься в слугу капитала; или же становишься безработным — и тогда попада-

ешь в положение раба, ожидающего подачи или милостыни. Второе случается чаще. Поэтому я выбрал борьбу.

Наш собеседник глубоко затаился, откинулся на стуле, закатил глаза и скрестил на груди руки. Сигарета его была чуть длиннее обычной, с утолщением на конце. «Спинелло!» — понял я. Так в Италии называют самодельные сигареты с марихуаной.

— Мы называем себя революционерами, — червеллоне продолжал произносить гладкие, хорошо обкатанные фразы. — Наши действия можно уподобить действиям хирурга, который после осмотра больного находит злокачественную опухоль и удаляет ее стальным ланцетом. Наше общество тоже болеет и нуждается в ланцете хирурга. Наш метод — революционный террор. Террор должен быть массовым, и тогда машина буржуазного насилия рухнет, словно карточный домик!

«Революционер» перевел дух и окинул нас взглядом, словно миссионер, закончивший проповедь.

Спорить с леваком не имело никакого смысла. Не только потому, что он накурился дурманящей травы. Терроризм — далеко не новое явление. История уже убедительно доказала его вредность для рабочего движения. Может быть, поэтому власти не принимают серьезных мер против экстремистских группировок и их лидеров и смотрели сквозь пальцы на подрывную пропаганду Негри? И разве дело только во внутренней расстановке сил в Италии? Ведь за спинами леваков — червеллоне ли это, или бессловесные «исполнители», или тем более главари, которым известна вся подноготная, — с каждым годом все яснее вырисовываются фигуры заправил финансового капитала Запада, руководителей ЦРУ, пекинских лидеров. Они тщательно скрывают свою деятельность. Но не их ли тень лежит на могилах Альдо Моро и множества других людей, павших от рук террористов?

...Мы с Карло не стали задерживаться в этом унылом и запущенном районе Рима. Вскоре и мастерская плотника, и пустырь, и кладбище автомобилей остались далеко позади. Мелькнул забор дома, на котором белой краской был размашисто нарисован лозунг «красных бригад»...

— Ты посмотри туда, — Карло указал на зеленый холм, где атели десятки красных флагов и алые полотнища с лозунгами компартии. Среди временных павильончиков, стендов и лотков с книгами толпились сотни юношей и девушек.

— Идет районный фестиваль газеты «Унита» — нашей коммунистической газеты. Ты видишь, сколько пришло народу? Большинство из них молодежь. Они с нами, они разделяют наши идеи, понимают, что

ИКП — реальная сила, которая борется с насилием и эксплуатацией трудящихся. Так думает большинство. Террористов они называют «крысами». Помнишь ту нору, в которой притаился червеллоне? Они выползают украдкой по ночам — убивать, совершать поджоги. Кстати, созданию ореола «загадочности» и «всеобщества» экстремистов немало способствовали буржуазная пропаганда, печать и телевидение. Они гораздо больше вещают о них, чем об этом фестивале «Униты». Впрочем, тех, кто заблуждается, становится все меньше. Можно обмануть сто человек, но обмануть всех нельзя...

Над холмом, расцвеченным кумачом флагов, уже спустился вечер, зажглись яркие огни иллюминации. Подъехал старенький грузовичок, и из установленного на нем динамика неслась мелодия боевого гимна итальянских коммунистов. Парни и девушки в алых косынках на шее подняли вверх сжатые кулаки и дружно подхватили мотив. Они пели уверенно, во весь голос.

— Красное знамя победит, да здравствует коммунизм и свобода! — пели они.

Когда эта статья уже находилась в наборе, из Италии поступило сообщение: следствие по «делу Моро» закончилось. В распоряжение прокуратуры переданы документы — объемистое досье в 640 машинописных страниц.

Судебные власти приняли решение отдать под суд 15 членов «красных бригад» и других экстремистских организаций. В демократических кругах вызвало недоумение решение судебных органов оправдать за «недостатком улики» главарей ультралевой группировки «рабочая автономия».

Новые факты подтверждают причастность к «делу Моро» американских спецслужб. Незадолго до окончания следствия сын Моро, Джованни, заявил членам специальной парламентской комиссии по расследованию убийства лидера ХДП, что один из высокопоставленных американских политических деятелей предупредил его отца во время поездки в США о нависшей над ним опасности. Этот деятель, сообщил Джованни Моро, посоветовал лидеру правящей партии отойти от политической деятельности или изменить свою линию.

Кроме того, как стало известно из протоколов и показаний вдовы Моро, ему неоднократно угрожали расправой и «предлагали» отказаться от курса на сотрудничество с компартией.

Комментируя сообщение об окончании «дела Моро», демократическая печать отмечает, что главные виновники и настоящие организаторы этого политического убийства так и не выявлены, а большинство террористов по-прежнему остаются на свободе. Об их активности свидетельствует целый ряд новых преступлений, совершенных в Италии за последние месяцы: убийство генерала Э. Кальвалджи, похищение судебного чиновника Дж. Д'Урсо и так далее...

Рим — Москва

УЛЫБКА МАНДЖУЛЫ

Обычно лицо у Манджулы задумчиво-грустное. Но стоит девушке улыбнуться, и она преображается. Настолько, что невольно задаешь себе вопрос: «Полно, да Манджула ли это?»

С ее улыбки и началось наше знакомство.

По случаю праздника Седьмого ноября в клубе советских специалистов металлургического города Бокаро¹ по традиции был устроен вечер, на который пригласили наших индийских коллег. Так уж повелось, что выступают на таких вечерах по очереди и наши «артисты», работающие на металлургическом гиганте, и индийские певцы, танцоры, музыканты, для которых сцена стала второй жизнью. Специальных театральных уборных в клубе нет, поэтому для подготовки к выступлениям артистам отвели теннисную комнату. Там-то меня и познакомили с девушкой по имени Манджула. Невысокого роста, с блестящими черными волосами, заплетенными в толстую косу, с большими серьезными глазами, в ослепительном сверкании бус, ожерелий, колец она показалась мне старше своих шестнадцати лет. Несмотря на бесстрастное под толстым слоем грима лицо, я почувствовал, что девушка волнуется и взглядом то и дело ищет поддержки у матери, маленькой худенькой женщины с седеющими волосами, деловитоправлявшей ее наряд.

Приближался выход Манджулы. Мать погладила ее по голове, словно та была маленькой девочкой, и чуть подтолкнула к коридорчику, который вел на сцену. Я последовал за ней. На сцене наша «звезда» переводчик Саша Двуреченский исполнял танец с ложками. Вот тогда, наблюдая за ним, Манджула и улыбнулась своей мягкой улыбкой. Сначала необычному танцу, а потом уже мне.

— Манджула, тебе нравится этот танец?

— О да! — с чувством воскликнула она, явно обрадованная неожиданно собеседнику. — Мне вообще очень нравятся русские танцы. Они так непохожи на наши, но тоже очень красивы.

— А ты сама давно научилась танцевать?

Манджула смущенно улыбнулась, но ответила без тени кокетства или жеманства.

— Я танцую с трех лет, но еще

учусь. Ведь индийские классические танцы очень сложные. На изучение только одного какого-нибудь стиля можно потратить половину жизни. Например, сегодня я буду исполнять танец самого красивого стиля Бхарат Натьем. Это танцы южной части страны, но любят их повсюду. В Бхарат Натьем важны не только движения рук и ног, но и многое другое. Это трудно объяснить, нужно видеть, чувствовать. Мне он нравится потому, что в танце живешь вся целиком, каждое движение имеет свое значение.

Увлечшись, Манджула не заметила, как перестали щелкать Сашины лож-

ки. Слушать ее было очень интересно, и я с сожалением прервал девушку, напомнив, что настала ее очередь. Манджула остановилась буквально на полуслове. Лицо посерьезнело, стало сосредоточенным. Только что она стояла вот тут, рядом со мной, и вдруг бесконечно отдалась, словно перенеслась в другой мир. Неторопливыми, размеренными шажками Манджула подошла к музыкантам, устроившимся на коврик возле задника, что-то сказала им, затем направилась на середину сцены. Увидев, что занавес шевельнулся и вот-вот откроется, девушка стремительно сложила ладони перед грудью

¹ В штате Бихар есть еще один город Бокаро, но в нем нет завода, и в отличие от него наш город назван «Бокаро Стил Сити», то есть «металлургический город Бокаро».

и склонилась в низком поклоне, мысленно прося у бога удачи.

Можно ли передать словами танец, тем более такой сложный, как индийский, где все, даже намеки на жест, даже взмах ресниц, оттачивалось и выверялось веками?

Там-там-там — начал неторопливо вызывать барабан. Но Манджула застыла каменным изваянием на одной ноге. Вторая приподнята и согнута в колене. Правая рука слегка изогнута над головой, левая перед грудью. Нет больше хрупкой смущенной девушки. Вместо нее на сцене бог Кришна. Немигающие глаза устремлены вдаль. Взгляд их властен и непоколебим.

И вдруг: «Та-та-ти-та-та» — раздается из-за кулис звонкий голос матери Манджулы. Она выпевает ритм в сопровождении настоящих призывов барабана, и бог оживает. Кришна слышит голоса несчастных девушек, зывающих о помощи: демон Нарак похитил шестнадцать тысяч красавиц. Кришна направляется в царство Дармарупадеса, которым правит Нарак. Резкие движения согнутых на уровне груди рук вправо-влево, вправо-влево. Глаза бога загораются хитрым блеском. Он обманывает и уничтожает пятиголовое чудовище Муру и его сыновей. Та-ти-ти-та-та. Теперь Кришна готовится к бою с самим демоном. Вот он встречает врага. Сражение началось. Барабан отбивает ритм все быстрее и быстрее. Бог на сцене ловко отражает удары. Быстрый, смелый, грациозный Кришна побеждает врага и торжествует победу.

Устало замолкает музыка. Под аплодисменты счастливая Манджула покидает сцену. Танец удался.

Манджула уже собралась уходить, когда после моего выхода я вернулся со сцены в артистическую уборную.

— Одну минутку, Манджула, — останавливаю ее. — Извини, пожалуйста, но мне бы очень хотелось снять твой танец на кинолентку. Где ты будешь выступать на открытой площадке?

Лицо Манджулы вспыхнуло радостью и смущением одновременно. Она стала быстро говорить что-то своей матери на хинди, видимо, та плохо понимала по-английски. Посоветавшись, девушка повернулась ко мне.

— Мы можем приехать сюда в воскресенье днем, и я покажу танцы там, где вам будет удобно снимать...

Остановились на небольшой бетонной площадке для игры в городки возле клуба, окруженной яркой зеленью кустов и деревьев, которые прекрасно могли заменить декорации. Для музыкантов припасли большой ковер и целую грудку расшитых подушек.

Каково же было наше удивление, когда в воскресенье в назначенное

время Манджула приехала лишь вдвоем с матерью в коляске велорикши. Никаких музыкантов с ними не было. Да и наряд девушки никак не подходил для сцены: простенкое платье в полоску с рукавами-крыльшками да кофточка-безрукавка. Ни колец, ни браслетов, ни серег, которые так эффектно смотрелись на ней во время выступления.

Манджула, заметив наши растерянные взгляды, спросила:

— Что-нибудь не так? Может быть, мы сильно опоздали?

— Нет-нет, — поспешил я успокоить девушку. — Все в порядке. Просто мы не знаем, как быть с музыкой для танцев.

— О, в этом нет необходимости. Я станую и так.

— А костюм?

— Все здесь. — И Манджула показала на чемоданчик в руке матери.

Мы проводили наших гостей в клуб, чтобы девушка могла переодеться.

Когда минут через двадцать она показалась в дверях, все замерли: это было настоящее море сверкающих огней. Казалось, что ослепительные лучи солнца посылают не только украшения на голове, шее, груди, руках Манджулы, а ярким ореолом светится вокруг сам воздух. Преобразился и наряд девушки. Через оранжевую блузку перекинут голубой шарф. На руках чуть ниже плеч широкая блестящая кайма. Шальвары из тонкой ткани стянуты у щиколоток звенящими кольцами.

Меня смущало лишь то, что Манджула босиком: от клуба к городошной площадке вела узкая тропинка, на которой иногда встречались змеи. Однако в ответ на наши опасения Манджула только беспечно улыбнулась.

Мы спускаемся по лестнице и сворачиваем на тропинку. Я иду впереди, на всякий случай держа перед собой длинную палку. Но Манджула все время отвлекает меня. Она спрашивает, будем ли мы снимать кинофильм или только фотографии, а если фильм, то кому будем показывать. Объясняю, что готовлю цветной фильм об Индии. Это очень взволновало девушку. Она даже придержала меня за руку. И вдруг, собрав всю свою решимость, Манджула, что называется, на одном дыхании выпаливает слегка дрожащим голосом:

— Очень хочу, чтобы вы показали этот фильм, где буду и я, в Москве. Тогда меня могут пригласить выступить у вас в стране. С самого детства мечтаю поехать в Советский Союз.

Так я оказался посвященным в ее тайную мечту, трогательную и подетски наивную, о которой девушка скорее всего никому никогда не говорила.

— А почему ты хочешь поехать именно в Москву?

Мне показалось, что в душе она

давно была готова к этому вопросу.

— Когда мы говорим «Москва», то имеем в виду всю вашу страну, в которой нет нищих и голодных людей, где все могут быть счастливы. Очень бы хотела увидеть все это своими глазами. Вам трудно понять, вы это видите каждый день. А для нас то, что мы слышим и читаем о вашей стране, — это как сон или добрая хорошая сказка, в которую трудно верить. В наших танцах добро всегда побеждает зло. И когда я танцую, то стремлюсь показать, что и я хочу этого...

Признаться, в тот момент я не нашелся, что ответить на это признание индийской танцовщицы.

Вот мы и на месте. Манджула находит, что площадка вполне подходит для танца. Значит, можно начинать. Девушка принимает исходную позу, бросает быстрый взгляд на мать, которая устроилась прямо на траве, подогнув под себя ноги, и я слышу уже знакомое «та-ти-ти-та-та, та-ти-ти-та-та».

Вот оно что! Как же я сразу не сообразил, что мать всегда репетирует с нею без музыки, как сейчас, лишь отбивая ритм ладонью по траве?

Манджула танцует. Выпад на правое колено, на левое, вращение. Темп нарастает. Городошная площадка невелика, куда меньше сцены, но как умело девушка использует каждый сантиметр: шаг вправо — поклон, шаг влево — разворот. Белыми бабочками порхают в воздухе, падая ей под ноги, цветы, срывающиеся с косы во время резких движений. На фоне зеленых деревьев они напоминают мне наши снежинки, каким-то чудом попавшие в индийское лето. Этот классический танец в лучах солнца, среди зелени деревьев и трав, под щебетанье птиц и равномерные звуки женского голоса «та-ти-ти-та-та», захватывает не просто неповторимой пластикой, а увлекательностью самого повествования, в котором воедино слились прекрасное и трагическое, скорбь утрат и радость жизни.

Последнее движение, и Манджула замирает, сложив ладони перед грудью. «Намасте!» — «До свидания!» — говорят они. Кто-то изо всех сил бьет в ладоши, кто-то от восторга во весь голос кричит на английском слова благодарности. Девушка подходит к матери, сконфуженно поправляя соскользнувшую во время танца низко на лоб диадему.

Мы окружаем женщин, вручаем сувениры, наперебой благодарим.

— Манджула, расскажи немного об индийском классическом танце. В чем его сложность и почему его приходится так долго изучать? — когда шум немного стихает, прошу я девушку, чтобы дать ей возможность передохнуть.

Несколько секунд девушка молчит, собираясь с мыслями, а потом негромко начинает рассказывать:

ПЕТЛЯ ЗА ПЕТЛЕЙ

— В древности индийский классический танец был частью богослужения и исполнялся только образованными девушками, которые танцевали в храмах. К танцовщицам предъявлялись очень строгие требования. Они должны были быть молодыми, не очень полными и не очень худыми, не высокими и не низкими, с красивыми лицами, большими глазами, обаятельными улыбками и легкими, но четкими движениями. Кроме того, танцовщицу не допускали к исполнению танца, пока она не выучит сто восемь положений рук и ног и тридцать две их комбинации. Но это еще не все. Танцовщица обязана уметь петь, пощелкиванием пальцев исполнять целые мелодии и вообще быть очень музыкальной, поскольку, например, звенящие браслеты на ногах должны звучать в такт музыке в строго определенных моменты...

После того воскресного дня мы с Манджулой стали хорошими друзьями. При встречах она рассказывала, что родилась в Керале, одном из южных штатов, и еще в раннем детстве приобщилась к миру танца. Ее мать училась танцевать у знаменитого гуру Копинатха. Прекрасным исполнителем классических танцев был и отец Манджулы. В 1955 году на конкурсе в Дели ему было присуждено первое место, а затем присвоено звание профессионального артиста. Маленькая девочка не пропускала ни одного концерта, когда он выступал в их родном городе. Жаль только, это бывало не так уж часто, поскольку ему приходилось ездить с гастрольями по всей Индии. Однажды в Мадрасе после очередного концерта случайно оказавшийся на нем директор школы из Бокаро предложил отцу место преподавателя индийских танцев. Отец согласился. Конечно, Бокаро, город металлургов, не мог сравниться с Кералой ни по климату, ни по богатству природы. Зато здесь была постоянная работа, а значит, и деньги на учебу Манджулы. И кто знает, может быть, когда-нибудь она станет известной танцовщицей? Во всяком случае, отец на это надеялся и все свободное время отдавал обучению дочери искусству танца.

Возможно, так бы все и получилось, если бы два года назад отец не умер. Именно память об отце заставляет девушку каждый день после занятий в колледже, где она учится на втором курсе, дома часами репетировать классические танцы, отработывая снова и снова каждую позу, каждое движение. Манджула стремится добиться совершенства, о котором мечтал отец. Она очень упорна. И мне хочется верить, что когда-нибудь ее мечта свершится: Манджула поедет в Москву, и советские зрители будут аплодировать индийским танцам в исполнении этой девушки с такой подкупающей улыбкой.

Обычно девочки учатся вязать у бабушек. Тем, в свою очередь, показывали, как держать спицы, их бабушки. Но если продолжить эту нить в прошлое, то закономерно встает вопрос: а кто же учил вязать самую что ни на есть первую бабушку? Оказывается, что это сделал... дедушка. Впрочем, расскажем все по порядку.

История не донесла до нас точных дат появления наиболее распространенных видов ремесла, в том числе и вязания. Единственно, что известно более или менее достоверно, так это место, где зародилось искусство делать из длинной нити маленькие петельки, переплетать их между собой и в итоге получать все, что угодно, от башмачков для новорожденного до ковра во всю комнату. Произошло это не в северных широтах, где, казалось бы, сами климатические условия должны были заставлять человека проявлять изобретательность в поисках практичной, удобной одежды для холодного сезона, а в знойных пустынях Среднего Востока. Именно там приблизительно 3000 лет назад кочевники-бедуины первыми придумали, как с помощью маленького крючка изготовлять шарфы, бурнусы, плащи-накидки.

Вынудила их к этому сама жизнь. Хотя днем в пустыне стоит жара, ночи там бывают настолько холодные, что без соответствующей экипировки просто не обойтись. «Импортные» теплые вещи стоили слишком дорого, да и поступали они к бедуинам весьма нерегулярно. Зато верблюжья шерсть имела в избытке. Нужно было только суметь превратить ее в одежду. Если бы дело происходило в другой местности, возможно, изобретательская мысль пошла по пути создания ткацкого станка. Но для него требовалось дерево, которое в пустыне испокон веку дефицит. К тому же и кочевой образ жизни выдвигал свои требования: любое приспособление для изготовления носильных вещей должно было занимать как можно меньше места. И надо признать, бедуинские конструкторы блестяще решили стоявшую перед ними трудную проблему. Они разработали уникальнейшее по своей миниатюрности устройство — вязальный крючок.

После того как был сделан первый шаг, рационализаторы предложили весьма ценное усовершенствование — две спицы. Это орудие труда было гениальным по своей простоте и в то же время весьма производительным. Широкому распространению крючка и спиц способствовало еще и то, что сделать их мог буквально каждый из подручных материалов — росших на кустах колючек, кости, проволоки.

Вначале бедуины вязали лишь прямые вещи. Причем занимались этим одни мужчины, а женщины только пряли шерсть. Покидая утром свой временный лагерь, каждый пастух

обязательно брал с собой клубок и спицы, помогавшие коротать долгие часы одиночества в пустыне. Эти пастухи-бедуины и заложили основы современного рукоделия, открыв тайну воздушных петель, круглой пятки и сверхплотной вязки, когда на один дюйм на спицах набиралось до 36 петель.

В Европу искусство вязания принесли первые христианские проповедники. Вслед за ними вязала в руки спицы и шерсть их паства. Однако, как и на Среднем Востоке, это рукоделие оставалось мужским занятием. Даже мужественные рыцари не считали для себя зазорным проводить долгие зимние вечера в своих замках, подсчитывая петли или делая накиды.

В средние века вязальщики объединялись в закрытые гильдии, став членом которых было весьма трудно. Целых шесть лет ученики, кстати, набравшиеся из наиболее смысленных мальчишек, постигали секреты будущей профессии, причем самых сложных даже посылали за границу «на стажировку». По завершении обучения кандидату в мастера устраивали строгий экзамен по всему курсу вязальных наук. Один раздел материаловедения поставил бы в тупик многих современных бабушек. Шутка ли сказать: нужно было знать назубок все сорта пряжи, будь то хлопчатобумажная, шелковая или шерстяная, простая, сдвоенная или крученая. А ведь, кроме того, были еще лицевые и изнаночные петли, накиды, плотные и ажурные узоры, снятие мерок. И конечно, обязательная «письменная работа»: за 13 недель будущий мастер должен был самостоятельно связать шапочку, пару чулок, рубашку и... ковер размером 12 на 20 футов, в котором была бы подобрана пряжа 30 цветов.

Тем, кто занимался изготовлением вязанных вещей на продажу без патента, грозило суровое наказание, вплоть до конфискации всего имущества. Женщины же по-прежнему оставались отлученными от спиц. Исключение делалось лишь для вдов мастеров, которые, сдав экзамен, получали разрешение зарабатывать себе на жизнь вязанием. Однако даже им доступ в гильдию был закрыт.

И все-таки именно мужчины, столь ревниво оберегавшие это ремесло от вторжения женщин, чуть не обрели его на забвение: в середине XIX века они изобрели вязальную машину. И кто знает, может быть, так и кануло бы в Лету кропотливое искусство ручного вязания, если бы не консервативные бабушки. Они не отступили перед техническим прогрессом, взяли в руки пришедшие из древности мужские спицы и стали учить внучек брать на них и переплетать маленькие петли.

А. ЛЕВИНА

А. ВАЩЕНКО,
кандидат филологических наук

ТРОПЫ, СКРЫТЫЕ БЕТОНОМ

«ЗДЕСЬ МЫ ОСТАЕМСЯ»

«... Презираемое племя индейцев оставило такой след в вашей истории, которого уже не стереть. Пройдись со мной за ограды ферм белого человека, и я покажу тебе необычной формы ложбинку, всего в несколько футов ширины, что бежит по пшеничному полю, по склонам холмов, прочерчивая даль на многие мили. Это древняя тропа индейца. Здесь играли дети, спешил на свидание влюбленный, и старые вожди величаво шествовали к месту совета. А теперь пшеница белого человека скрывает края ее, хотя и не может скрыть совершенно. Под ярким светом солнца и мерцанием луны она все еще виднеется, словно шрам на ясном лице земли; и какую же драматическую историю рассказывает она о печальном различии между тем, что было и что есть ныне! Да, на истории твоей нации, о белый, пролегал шрам... Сколько ни пробуй прикрывать его плодами своего изобилия, он по-прежнему здесь и с каждым годом все глубже впечатывается в землю растущей алчностью белого человека».

Мне так и не удалось узнать, какой индейский вождь был автором этих строк. Но он написал книгу — горькую повесть о судьбе своего народа, увидевшую свет в конце прошлого века и ставшую одним из известнейших рассказов о судьбе индейцев.

Если древние были убеждены, что все дороги ведут в Рим, то для меня, американца, изучающего индейцев, все магистрали и шоссе современной Америки заканчивались дикой тропой индейца. Конечно, чрезвычайно трудно в сегодняшнем облике страны разглядеть очертания далеких предшественников. И все же... Какой из городов Америки не стоит на месте старой индейской деревни? Люди, прокладывавшие самые первые тропы на континенте, исчезли, а «дорожные знаки», расставленные ими у переправ, развилки, поворотов, по-прежнему живы. Живы в буквальном смысле, только побег превратились за два-три столетия в ветви исполинских деревьев, а сами деревья — в памятники ушедшей культуры...

А географические названия? «Братья

мои, — сказал когда-то индейский вождь, — об индейцах должны вечно помнить в этой стране. Мы дали имена многим прекрасным вещам, которые всегда будут говорить нашим языком. О нас будут смеяться струи Миннехахи, словно наш образ, сверкает полноводная Сенека, и Миссисипи станет изливать наши горести. Широкая Айова, стремительная Дакота и плодородный Мичиган прошепчут наши имена солнцу, что целует их...»

И в самом деле, Алабама на языке криков согласно легенде означает «Здесь мы остаемся», горы Адирондаки хранят память о стычках военных отрядов — «Они едят кору», Оклахома, где индейцев больше всего, — «Земля краснокожего». Да и слово «Канада» разве не означает в переводе с ирокезского просто «деревня»? Если взглянуть на археологическую карту Нью-Йорка, легко различить десятки мелких поселений на месте нынешнего Манхэттена, Бруклина, Бронкса. И вот после того как я столько лет разыскивал индейские тропы на карте и в сознании Америки — ее литературе, я получил возможность взглянуть на них собственными глазами.

«Скальный дворец» в Аризоне — индейское прошлое. Селение Санта-Ана — настоящее.

Это была научная командировка. И за три месяца мы, двое литературоведов, побывали в разных городах, работали в крупнейших библиотеках и университетах страны, встречались с учеными, писателями (конечно, и индейскими тоже), посетили индейскую резервацию. Во время нашего путешествия мы все реальнее ощущали индейские тропы, скрытые здесь и там под бетоном в наши дни.

Когда-то ирокезы и алгонкины были кровными врагами, а ныне от мощных племенных союзов ничего не осталось, только стоят рядышком нью-йоркские суперотели «Алгонкин» и «Ирокез» — два одинаково чинных, почтенных бизнесмена, — как памятники, по которым уже не узнать оригинала.

Знакомство с индейскими тропами пришлось начать с музеев и библиотек. Что касается живых индейцев, то встреча с ними на востоке, в крупных городах — Нью-Йорке и Вашингтоне, где было сделано все, чтобы они давно исчезли, была нелегкой. Но за два дня до моего приезда в Колумбийский университет выступал перед студентами со страстной речью «Мертвые воины не поют» Рассел Минс, лидер восстания сиу в 1973 году в Южной Дакоте. А в нью-йоркской библиотеке все десять рабочих дней я просидел рядом с поэтом из племени клаллам Дуэйном Ниатумом, чьи стихи читал еще в Москве.

ЧИНОВНИК ИЗ ПЛЕМЕНИ КОМАНЧЕЙ

...Река Потомак, на которой стоит Вашингтон, видела много важных событий американской истории. Она называлась когда-то Патавомеке — по-алгонкински «Место, куда приходят и приносят»: здесь на тропах у бродов сходились окрестные племена для торга и обмена.

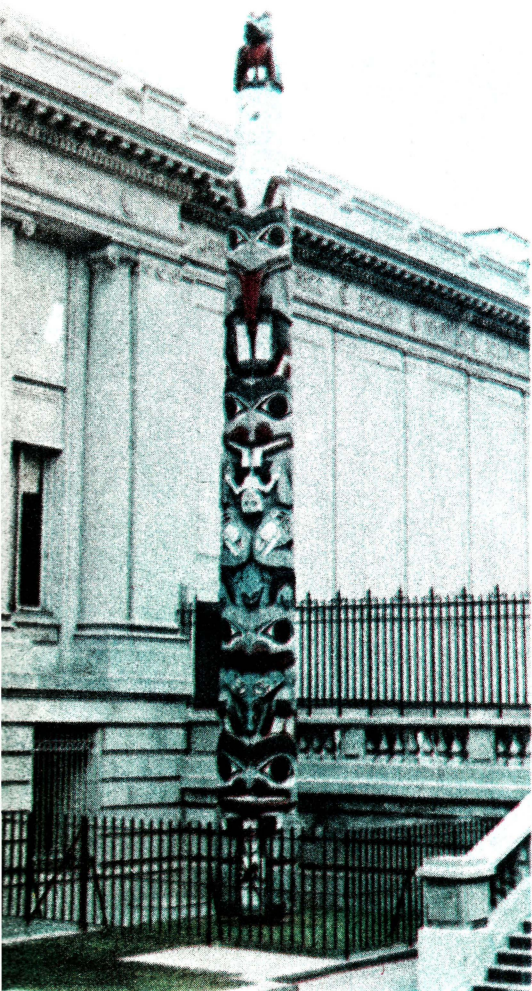
Бюро по делам индейцев Департамента внутренних дел находится недалеко от реки.

Ни один индеец за всю историю этого учреждения не помянул добром его политику. В лучшем случае кто-нибудь назовет имя прогрессивного ученого Джона Кольера, задержавшегося в коридорах БДИ при Рузвельте в тридцатые годы...

Сначала я долго искал необходимую контору, не отмеченную никакой табличкой и, как оказалось, рассредоточенную в разных местах. Это было сделано недавно, после того как здание было захвачено индейцами-активистами «Красной силы» в начале 70-х годов и часть грабительской документации уничтожена.

После некоторых проволочек я был представлен темнокожему служащему с вполне индейскими украшениями: бирюзовым перстнем на пальце и та-

Тотемный столб индейцев хайда у входа в Музей американских индейцев в Нью-Йорке.

кой же заколкой на галстук. Он с достоинством протянул руку: «Том Оксендайн» — и повел в кабинет.

— В моем ведении находятся все вопросы индейского землевладения, — прояснил он сферу своей деятельности.

У меня было к нему много вопросов. Кто, по официальным стандартам, считается индейцем? Как он относится к представителям движения «Красная сила»? Что конкретно делает БДИ для обеспечения жизни индейцев?

В ответ я услышал длинный рассказ о том, какой процент крови позволяет идентифицировать индейскую принадлежность, какое количество племен имеет контакты с БДИ, сколько денег отпускает правительство на расходы... Пондобнее усевшись в крес-

Обрядовая маска, способная, по мнению ирокезских шаманов, исцелять больных.

ле, Том Оксендайн сыпал цифрами, процентами и справками, словно набивший руку экскурсовод. Нам постоянно мешали: звонил телефон, собеседник с энтузиазмом брал трубку и с деловитыми нотками в голосе произносил неизменное «Том Оксендайн». Роль делового чиновника средней руки ему явно нравилась.

Продолжая служебную беседу по телефону, он извлек из ящика стола отпечатанную биографическую справку о себе и кивком головы предложил ознакомиться. В ней говорилось, что Том Оксендайн, индеец-команч, получил нормальное школьное образование, затем военное, служил в авиации сначала летчиком, потом командиром звена, потом командиром эскадрильи, потом... и так далее.

Похоже было, что вопросами индейской экономики или культуры он прежде не занимался; зато было очевидно, что БДИ хранило свои старые традиции: ведь когда-то все это учреждение входило в состав военного департамента...

Улучив момент между звонками, я спросил:

— Скажите, пожалуйста, со всеми ли племенами имеет отношения БДИ?

— Нет, мы связаны только с теми, кто обладает правом на земельную собственность.

— Значит ли это, что прочие пле-

мена не значатся в документации и статистике БДИ?

— Да, с остальными у нас нет никаких контактов.

Словом, те, кто не обладает земельной собственностью, правительственного чиновника не интересовали. Мне очень хотелось что-нибудь узнать о могиканах (кто из нас не помнит героев Купера?). Однако оказалось, что Тому Оксендайну нет дела до безземельной общины могикан, до сих пор живущих под Норвичем, штат Коннектикут. Их оставили в покое даже этнографы и лингвисты, поскольку они уже забыли свой язык...

МОДА НА ИНДЕЙЦЕВ!

Каждое утро мне приходилось работать в библиотеке Музея естественной истории. Там мне удалось договориться о встрече с Уилкопом Уошберном — историком, издателем 20-томного справочника по индейцам. Чуть ироничный, сдержанный, он словно посвящал меня в святая святых индейской культуры. Скоро разговор коснулся «Красной силы» и Рассела Минса.

— Минс и Деннис Бенкс? Да это просто фанатики и болтуны! Кого они официально представляют? Такие люди только подрывают положение ин-

«Сотворение мира», картина художника Эйди Доджа из племени навахо.

дейского меньшинства — единственного, у которого есть специальный юридический статус «подопечных американской нации».

Это говорил человек, известный как добросовестный специалист по индейской истории и этнографии. О сегодняшнем дне он знал меньше, чем о далеком прошлом. Из его слов следовало, что настоящие индейцы вообще остались только в книгах или только в прошлом, что о них могут судить только археологи.

— Видите ли,— продолжал он,— индейцы сами обращаются к нам, когда хотят провести какой-либо праздник или восстановить танец. Приходят консультироваться по поводу своих обрядов... Кроме того, сейчас просто модно стало считать себя индейцем. Модно и выгодно: это хорошая реклама. У меня есть друг, Джек Форбс, историк с небольшой примесью индейской крови — так он тоже недавно провозгласил себя индейцем...

В том, что говорил Уошберн, была доля истины, но далеко не вся истина. В болтунов и краснобаев не стреляют по нескольку раз в год, как в Минса, а разговор о стерилизации индейских пациентов в больницах не выдумка сторонников «Красной силы». Но об этом не стоило спорить с моим собеседником.

«ПУСТЬ ЛЮДИ ЗНАЮТ!»

Перед нами сидел седой темнокожий и горбоносый старик — Руперт Косто, историк и издатель из калифорнийского племени кауийа. Касаясь наиболее горьких для него тем, он горячился. Да, они с женой составляют весь штат издательства, и одному богу известно, что станет после их смерти.

— Мы работаем уже больше десяти лет и стремимся организовать работу Общества индейских историков и этнографов, публикуем их книги, выпускаем свой печатный орган «Индейский историк»...

Он помолчал немного.

— Мы одни в целом мире и отстаиваем свое право говорить правду о мрачных страницах в истории этой страны, правду об истинном лице нашего народа. Девиз нашей газеты «Вассаха» — «Путь люди знают!». Кроме нас, этого не сделает никто другой. Смотрите,— он вновь повысил тон,— вот опять они выпустили очередную фальшивку!

Он потряс объемистым томом уже знакомого нам справочного издания, редактируемого Уошберном.

— Почитайте, чего только они не пишут о моем племени, об индейцах Калифорнии! Но меня-то им не проведи, источники я держу под рукой. В этом здании находится достаточно книг по любому индейскому вопросу.

Он с гордостью повел нас по комнатам второго этажа, сплошь уставленным книгами. Передо мной была тематическая библиотека, какой не может похвастаться ни один университет США.

— Помню, как раз в этой комнате работал эскимос Джозеф Сенунгетук. Он написал книгу о себе и своем народе. Она называлась «Возьмите или отдайте столетие: история эскимосской семьи».

На прощание Руперт Косто достал из стола свою книгу «Индейские договоры: 200-летний позор», подумал немножко и размашисто надписал: «Пусть Великий Дух поможет Вам во всем, что приводит к наивысшему счастью».

ПОТОМКИ ГАЙАВАТЫ

С нетерпением ждал я поездки в город Итака в штате Нью-Йорк. Знал, что стоит он на исконно ирокезских землях, в стране длинных узких озер, напоминающих на карте растопыренные пальцы человеческой руки. Где-то в этих лесистых долинах лет пятьсот назад охотился легендарный Гайавата, давая им певучие названия.

В крошечном университетском отделе помощи коренному населению сидели молодые люди, которые поначалу не привлекли моего внимания: я принял их за обычных студентов. Здесь же, на полке, лежала огромная

ирокезская погремушка, сделанная из панциря черепахи: я видел перед собой святыню, способную отводить болезни, приносить счастье — ведь когда-то Великая Черепаха приняла на свою спину праматерь людей Авенхай и спасла ее от потопа. Потому-то индейцы до сих пор именуют Америку Островом Черепахи... Но тут парень, сидевший спиной, обернулся, и я, глядевший, легко уловил индейские черты его лица, заметные даже при общей бледности кожи. То был молодой индеец сиу по имени Громовый Ястреб — впрочем, все называли его Тимом.

— Хау, кола! — сказал я на языке сиу. — Здравствуй, друг!

— О-се-о! Привет! — ответил он с готовностью.

Тим свободно изъясняется на сиу, преподает язык чероки (он сознался, что предков у него много: сиу-чероки-кикапу), и ведет курс народной психологии в Корнельском университете. Он показал мне учебник языка чероки, грамматику мохаукского, разговорник на сиу.

— У племен растет тяга к возвращению народной речи, — рассказывал он.

...Чероков американцы издавна считали одним из «цивилизованных племен» — они растили кукурузу, у них была сложная иерархия власти. В двадцатых годах прошлого века хромой метис по имени Джон Джист — индейское имя Секвойя — дал себе слово придумать индейскую письменность. В 1823 году он представил свое творение на совет вождей; алфавит оказался столь практичным, что через несколько месяцев все чероки стали грамотными. С этого же года стала выходить первая индейская газета «Чероки Феникс». Личность Секвойи обросла легендами.

Позже в среде этнографов появились суждения, что Секвойя не изобрел, а только модернизировал какую-то уже имевшуюся систему картиночного письма — пиктографии. Припомнили, что еще в 1775 году один вождь зачитал деревянную легенду, записанную на шкуре рисуночным письмом. С тех пор остался только текст, записанный на бумаге, а шкуру как курьез отправили в подарок королеве в Лондон, где она, естественно, затерялась. Вот и думай теперь, кто и когда изобрел индейскую письменность...

...Ирокезы дали Америке, пожалуй, больше талантливых людей, чем любое иное племя. Среди них историки, военные, политики, этнографы и поэты.

Индейцы вообще красноречивый народ, ирокезские же ораторы в этом отношении могли бы поспорить с древними римлянами. Да американцы и окрестили их «римлянами Нового Света». Слава ирокезов восходит к легендарному Гайавате и пророку Деганавиде, объединителям ирокезов в Союз Пяти племен, Великую Лигу.

Одно из этих племен — онондагов —

ис случайно именуют «людьми холмов»: их земли разбросаны по лесистым склонам. Онондага потому и стала столицей союза, что где-то здесь жили сам Гайавата и его соперник — злобный людоед и чародей Аотатархо. Это он препятствовал всеобщему миру, единению племен... И потому, когда удалось лишить его злобных чар, центром ирокезских земель стала именно Онондага, родина Гайаваты.

НА ЗЕМЛЕ ВЕЛИКОЙ ЛИГИ

...Машина резко свернула вправо с федерального шоссе и выехала на единственную улицу резервации, выступившую из редкого леса. Кругом лежал снег. Церковь, грязное кирпичное здание школы, кучка облезлых домиков по обе стороны, и никого вокруг. Проехав дальше, мы остановились у старого кладбища и постояли у Длинного дома совета Пяти племен, где собирались пятьдесят человек — онондагов, онайдов, кайюгов, сенекгов и мохавков. Дом был сложен из свежих бревен и еще не окрашен: он предназначался на смену старому, поменьше, сиротливо стоявшему рядом.

День был серый, и все вокруг выглядело таким же серым и заброшенным, как это старое кладбище или засохшие стебли кукурузы на грядках, покрытых снегом. В растерянности повернув назад, мы решили для очистки совести постучаться в наглухо запертую лавку-сарай. На стук вышла полная пожилая женщина в платке, одеждой напоминавшая русскую крестьянку. Нам разрешили взглянуть на нехитрую продукцию местных умельцев. Некоторые топорные сувениры обнаруживали к тому же хорошо знакомую надпись: «Подлинное изделие», а внизу — меленко — «Сделано в Гонконге». Приобретая лишь последний выпуск ирокезской газеты «Аквеса:не Ноутс» с потерянным видом слонялись мы по лавке, и тут хозяйка, ожидавшая, пока мы закончим, спросила, откуда мы.

— Русские, — ответил мой спутник.

— Русские? Как же далеко вы забрались! — Женщина оживилась. — Я думаю, вы первые русские, ступившие на эту землю.

Мы этого не оспаривали.

— Позвольте пригласить вас на чашечку кофе.

Индейцы США давно освоили этот напиток.

Помещение, в котором мы находились, внутри напоминало избу. В углу были свалены какие-то вещи. Сбоку примыкала каморка поменьше. Наша хозяйка оказалась представительницей верховной власти племени, имеющей, по древним законам, право выбора вождей. Как позже выяснилось, ее знают не только в Онондаге, но чуть ли не во всех ирокезских резервациях штата Нью-Йорк.

— Совет по-прежнему собирается

регулярно в Онондаге, — говорила хозяйка. — Мы очень бедны, зато свободны: племя не подчиняется Бюро по делам индейцев и вообще федеральному правительству. Земля и дома на ней наши собственные согласно старому договору.

Ирокезка внезапно бросила:

— Как показалась вам резервация, что вы почувствовали, когда въехали сюда? Нет-нет, говорите правду.

— Знаете, все-таки тяжело видеть такую бедность и нищету.

— Но ответьте, что лучше: потерять родной язык и культуру или остаться бедными, но самими собой? Правительство часто предлагает нам: «Давайте мы построим вам новое здание школы — только разрешите провести дорогу через резервацию». Но мы-то знаем, что это значит: строить, а потом и содержать дорогу придут техники, вслед за ними туристы, бизнесмены. Их будет куда больше, чем нас... Учитель у нас сейчас есть свой, ирокез, и мы можем быть спокойны: он будет учить детей так, как нужно. В Онондаге заплачено за каждый дом, каждую пядь земли. Это наши исконные владения, и мы не желаем их никому отдавать...

Тут же за столом с нами сидела белая женщина.

— Да, я не индеанка. Но живу здесь, в Онондаге. Сначала работала от филантропической организации, а потом и вовсе решила остаться. Стыдно признаться, моя страна, усердно пекущаяся о правах человека где-то за рубежом, совершила и совершает этноцид внутри по отношению к индейцам...

Увы, нам пора было ехать дальше. Мы стали прощаться и поняли, что из всего виденного нами Онондага была тем редким местом, где в нас никто не видел незваных гостей, не замыкался в себе во время беседы.

Когда люди долго враждовали, ирокезы говорили: «Тропы между нами заросли травой и кустами, их прервали поваленные деревья, и облака скрыли наш день». И чтобы прекратить вражду, у индейцев издревле существовал обычай «обновления дружественной цепи», когда люди шли в гости в соседние и отдаленные деревни с подарками и речами. Наше свидание с Онондагой было таким визитом.

Выйдя наружу, я огляделся и заметил, что среди окружающих хвойных деревьев кое-где индейскими вождями возвышаются белые сосны. Ботаники зовут их сероствольными. Чуть раньше я спрашивал Тима: почему эмблемой Союза Пяти племен стала белая сосна?

— Во-первых, это вечнозеленое, вечно живое дерево; во-вторых, белая — символ чистоты помыслов, мирных намерений. А заметили вы, что иголки на ветках этой сосны собраны всегда по пять вместе? Они означают единство племен Союза.

Нью-Йорк — Сан-Франциско — Москва

ПРИГЛАШЕНИЕ В БУДУЩЕЕ

Черные аисты в Болгарии — большая редкость. Долгое время считалось, что эта птица находится почти на грани исчезновения. И вдруг выяснилось, что пара черных аистов свила гнездо в окрестностях Габрово — месте, довольно людном. Местный житель, пожарник Петр Ровов, обнаруживший гнездо, заботливо ухаживал за птицами, а вскоре в семье редких аистов появилось потомство — четыре (!) птенца.

Возращение аистов — факт удивительный, но вполне объяснимый, и это не просто единичный случай, но символ разумного отношения человека к природе. Многолетние усилия болгарских ученых-экологов дают свои плоды. В Единый план общественно-экономического развития НРБ включен специальный раздел «Охрана природной среды». Правительство утвердило программы и графики очистки наиболее загрязненных районов и рек, число очистных сооружений возросло с 1976 года чуть ли не в 20 раз, а в результате посветлела и оздоровилась вода многих речных бассейнов. Только в 1979 году были построены 22 больших электрофильтра на трех крупнейших цементных заводах и на Кремиковском металлургическом комбинате. Это, естественно, благотворно сказывается на всем воздушном пространстве над Болгарией. Особая забота правительственного Комитета по охране среды — рекультивация и осушение почвы, обновление негодной земли: каждый год лесной массив страны увеличивается на 50 тысяч гектаров.

ЮНЕСКО разработала специальную международную программу по контролю за биосферой, в рамках которой, в частности, ведутся исследования загрязнителей, переносимых на дальние расстояния. Предусматривается создание 20—30 базовых станций в разных странах, а данные, полученные ими, лягут в основу эталонов чистоты окружающей среды.

Может показаться печальным, но в Европе такого эталона не будет. Слишком загрязнен континент, нет уже здесь такого района, который не подвергся бы вредному влиянию производственной деятельности человека. Поэтому в европейских странах создаются так называемые «станции экологического фона». Их главная задача — сбор информации об экологической обстановке в данном районе.

Природа щедро одарила Болгарию. Здесь 16 горных массивов с разнообразнейшими формами рельефа — места неописуемой красоты и предмет

поклонения туристов со всех концов света, живописнейшие реки и леса, обилие видов животных и растений: 3300 видов высших растений насчитывает болгарская флора, из них 64 — редкие и исчезающие. Неудивительно, что в небольшой по территории стране 94 заповедника, 46 районов, находящихся под охраной, и 8 народных парков. Девять охраняемых болгарских территорий включены в список ООН национальных парков и эквивалентных заповедников.

До сих пор речь шла о представителях фауны и высших растениях. Но есть растения, которых мы все не замечаем в повседневной жизни, а тем не менее они для нас в полном смысле слова жизнетворны. Это водоросли. По оценкам специалистов, они поставляют более половины атмосферного кислорода на нашей планете. В последние годы водорослями в Болгарии — а здесь их свыше трех тысяч видов, примерно шестая часть известных человеку — занимаются особенно активно. На эти низшие растения возлагают надежды ученые, ищущие новые источники продовольственного сырья; водоросли нужны медицине, фармакологии, косметике, парфюмерии, сельскому хозяйству, наконец, космонавтике (они незаменимы при регенерации воздуха в замкнутых системах и, кроме того, готовы служить питательной свежей пищей для космонавтов), но в первую очередь это верные помощники в борьбе с загрязнением среды.

В отходах животноводства содержится много углекислого газа и других неорганических веществ, а это, учтем еще выделяемое тепло, прекрасная почва для развития водорослей и создания богатой биомассы. Неужный для атмосферы углекислый газ и «лишнее» тепло, ведущее к «тепловому загрязнению», выбрасываются во многих других производствах. Этим «грешат» заводы минеральных удобрений, атомная электростанция в Козлодуде, тепловые электростанции, в том числе мощный энергетический комплекс «Марица-Восток», извергающий 5—7 миллионов кубометров дыма в час, а в дыме этом 14 процентов углекислого газа. В болгарском городе Благоевграде уже вступила в действие полупроизводственная база по культивированию водорослей при свиноводческом комплексе, и создается еще одна похожая база, но уже в другом районе страны, при ТЭС имени Трайчо Костова.

Разумеется, выращиванием водорослей атмосферу не уберечь. Как не

Перелетные птицы в Таук-лимане — Птичьем заливе.

спасти ее одними только новыми лесопосадками или эффективными электрофильтрами. Как не решить проблему чистой воды, лишь строя новые и новые очистные сооружения. Лучший выход, конечно, вообще не мусорить, но без этого современная технология обойтись все-таки не может, а природная среда уже потеряла способность противодействовать натиску цивилизации и собственными силами выравнять экологический дисбаланс, порожденный антропогенным воздействием. Защитить природу (логика тривиальная, но не допускающая альтернативы) может лишь сам ее неумный загрязнитель — Человек. Если, разумеется, он будет применять весь комплекс охранных мер.

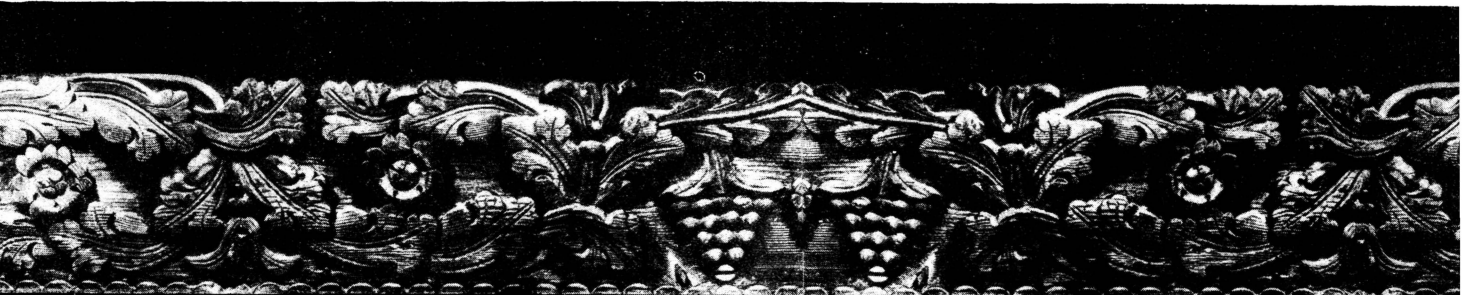
Именно так к делу охраны среды подходят ныне в Болгарии. В Таук-лиман, например, расположенный совсем рядом с оживленным курортным комплексом Русалка, весной и летом снова слетается множество птиц, оправдывая название этого красивейшего места — Птичий залив: перелетные, как и в прошлые времена, отдыхают здесь на пути в теплые края или возвращаясь домой.

А в окрестностях Габрово селятся черные аисты — птицы, побывавшие на грани исчезновения.

В. НИКИТИН

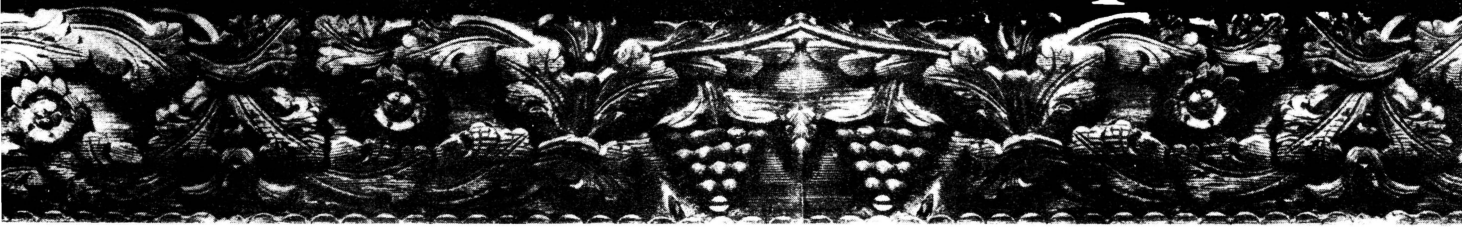
Плакат болгарского художника Ивана Богданова, призывающий бережно относиться к природной среде.

В. ОПАРИН

ЭХО ТАЕЖНОГО ДЕРЕВА

Деревня Песчаное — «место нарядное», так говорят старожилы Пудогы. И в самом деле, на просторном угоре, с которого хорошо видны дали Онежского озера и прибрежные острова, лежит эта старинная деревня. Издали видно ее, высветленную солнцем, с борта теплохода «Днепробуг», прозванного здесь «челноком». Он идет по заливу неспешным зигзагом, приставая то к заонежской деревне, то к пудожской. Берега на пудожской стороне каменистые и песчаные, иззеле-

на-прозрачная вода у берегов не достает и до коленей возле длинных пляжей, на которых лоси оставили свои следы. В окрестностях Песчаного в озеро впадают тихие рыбные ручьи.

...На тяжелой, густо высмоленной лодке с вздернутым носом — кижанке поближе к маленьким заливчикам, берега которых густо поросли камышом и тростой, пробирались мы с Григорием Ефимовичем Сумкиным к заветному, ведомому лишь ему месту, где хорошо ловились лещи. Ефимыч, по его вы-

ражению, места эти «исходил, исползал и исплавал».

Родом Ефимыч из Великой Губы. Жил в Космозере, одно время в Песчаном, а сейчас перебрался в Петрозаводск. На мой вопрос, хорошо ли ему там живется, сказал:

— По дереву тоскую. Деревя мало в жилье. Камень да железо в квартире — не лежит к ним душа. Даже красоты на стенах висят из меди, а не из дерева резанные.

Мы насадили червяков на крючки,

забросили удочки и стали ждать. К озерной глади ластилась вечерняя заря, нежные желтые блики вздрагивали на еле уловимо вздыхающей воде. Отражения черно-зеленых елей, острыми клиньями опрокинутые в озеро, слабо колебались. Над темной лесистой полосой Заонежья проступала белая ярая луна.

— Нет у человека крепче друга, чем дерево,— вполголоса сказал Ефимыч, глядя на берег, где сплошняком стояли дремотные ели.— Все в дереве заключено: и кров человека, под которым жизнь протекает, и огонь, который согревает, и ложе, на котором поживает, и лодка, на которой он по великому озеру плавает. А из чего он образы разные вырезает? Тоже из дерева. Там резное полотноце с крыши свисает, там гульбище с хитроумными столбиками. А еще, скажу я тебе, из дерева таких чудес можно понаделать...

Он замолчал, будто сомневаясь, стоит ли мне говорить о дальнейшем, что тревожило его и побуждало к разговору. Я не горючил его. Мир, окружающий нас, синий и зеленый мир, обволакивал сердце тихим несуетным волнением и успокоительной радостью. В такие минуты, когда ни один звук не раздается в озерном безмолвии, хочется говорить о сокровенном, о том, что в спешке повседневной жизни забывается или скользит мимо сердца. Однако надумал-таки Ефимыч рассказать мне о своей жизни.

— У отца моего на повети всегда сушилось дерево — корки для лодок, еловый и сосновый тес, береза для топорищ и разного инструмента. Как-то отец сделал большой ларец, а крышку резьбой украсил. Я мальцом тогда был, увидел, говорю: «Вот диво-то!» Отец засмеялся: «Коли хочешь настоящее диво увидеть, поди-ко к Степану Ивановичу Синявину. Скажи: «Дядя Степа, не надо ли тебе в чем подсобить?..» В избу как зайдешь, дак сразу и увидишь деревянные штуковины.

Изба у Синявина была двуярусная, просторная. Во дворе под навесом верстак стоял. По летнему времени хозяин работал тут, а не в доме. Мужик был крепкий, светлородый, рубаха холщовая, белая, на вороту распахнутая. Возле верстака ворох белых стружек.

Пришел я с соседским парнишкой Васькой. Смотрим мы, как мастер работает, и рты разинули. Вот мастер решил передохнуть, рукавом пот со лба отер. Я и спрашиваю:

— Не подсобить ли тебе, дядя Степан?

Он посмотрел на нас, в бороду улынулся.

— Принеси-ка мне из сеней ковшик воды.

Притащили мы ковш с прохладной озерной водой. Мастер попил, сел на чурбак, по вихрам нас потрещал.

— Подрастете маленько, приходите ко мне в ученье. Научу вас делать

стулья, столы, шкафы да комоды. Мастерами будете.

Так вот и познакомился я с одним из наилучших заонежских мастеров. На всю жизнь запомнилась мне та встреча — зеленый двор и груды белых пахучих стружек. И мастер — белобродый, могучий, весь в силе и радости. Мы глядели на него снизу вверх, как на богатыря сказочного, щурясь, уж очень хорошо, ладно смотрелся он на фоне синего неба, и солнце стояло где-то за его головой.

— А кто тебя мастерству обучил, дядя Степан? — спрашиваю.

Он смеется:
— Медведь по имени Михаил, по отчеству — сын Потапов.— И байку завел, я его байку хорошо помню.— Мой отец, говорит, тоже столярным ремеслом промышлял. И вот летом как раз из этой кладовки столярный инструмент был украден. Отец посмотрел на сломанную дверь, головой покачал, говорит: «А вор-то — медведь! Вот вражина, без инструменту меня оставил. Не иди же к нему в лес. Задерет ишшо...» А было мне тогда двенадцать лет. Умишка мало было принакоплено. Как же, думаю, жить-то будем, коли инструмент у отца украден?

И пошел я в лес. Тропка знакомая, можжевельные кусты стоят по сторонам, большие камни-валуны, дождями обмытые, ветрами обдугые, стоят. Иду я, и не страшно мне вроде. Дальше мхи пошли, ели темные, высокие, лапы еловые все небо закрыли. Свечерело. Тут я испугался и закричал:

— Михаил, сын Потапов, где ты? А из чашобы мне и отвечают:

— Тут я, тут. Верно идешь, чадушко.

Подхожу, гляжу — низкий дом, из крупных сосновых бревен сложенный. Вот окно, рамы в нем нету, а из окна медвежья голова торчит. Лапой хозяин меня манит и говорит:

— Заходи, парень, не бойся.

Вот захожу я в избу. Батюшки! В избе три верстака, инструменту всякого погибель. И заготовки разные.

— Вот видишь,— говорит медведь,— бочата. Сам я их сделал. Эти под грибы, солить на зиму буду. Эти под ягоды. Клюкву, морошку сюда класть буду.

— Хорошо ты работать можешь, Михаил Потапыч,— говорю.

Он сел на чурбак, вздыхает:

— Все бы хорошо, одного не могу — резьбу на дерево наводить. Когти, они, вишь, не пальцы, нету от них большой тонкости в работе.

Я спрашиваю:

— Откуда у тебя, Михаил Потапыч, эдакое умение? Сроду не слышал, чтобы медведи столярным делом занимались, не в обиду тебе будь сказано.

Завздыхал медведь, носом засопел.

— Вишь ли, парень, был я когда-то хорошим мастером. Таким хорошим, что слава обо мне шла великая. И никто не мог делать работы такой тонкости, какие я умел. Мебель украшал я искусными узорами, шпоны деревянные разными красками красил. Бывало,

и не поймешь: то ли это стенка буфета, то ли картина неопишущей красоты.

Многие мужики смысленных своих мальчонков в ученье мне предлагали. А я не брал. Нехорошую гордость возымел: чтобы в мастерстве этом никто меня не превзошел и чтобы осталась обо мне слава как о непревзойденном мастере.

Иду я как-то по лесу. А навстречу мне — страшной, косятой — лесовик! Я струхнул маленько, однако виду не подаю.

— Здравствуй, мастер Михайло,— говорит лесовик и руку мне протягивает — коряжину сосновую.

— Здравствуй, батюшко лесовик,— отвечаю я и за эту самую лапу с ним здороваюсь.

— Ты чего же это, мастер Михайло,— спрашивает лесовик,— учеников-то к себе не берешь?

— А уж это дело мое. Хочу — беру, а хочу — нет.

— Не согласен,— говорит лесовик.— Это дело не только твое. Помрешь ты, и оборвется ниточка твоего таланта, и людям не будет от него никакого проку. А талант пресекать нельзя. Смотри, мастер Михайло, коли ученика не возьмешь, осерчает на тебя сила лесная.

— А мне лесная сила без надобности,— говорю я и эдак смело иду себе вперед, с лесовиком не попрощавшись.

Иду, иду, вдруг вроде бы ногам в лаптях неудобно стало, несподручно как-то. Сел на траву, разул лапти. Батюшки! Вместо ног-то у меня медвежьи лапы. И в минуту-другую весь я шерстью оброс. Вот как меня сила лесная за пустую гордыню наказала! С той поры я живу в лесу. А вот коли заведется у меня ученик, снова в человека я обращусь и прежним мастером стану.

— Да как заведи себе ученика-то,— говорю.

— Как его заведешь? Чуть парнишка меня завидит, тут и бежать. А коли я еще голосом человеческим заговорю, дак он с перепугу-то мимо родной деревни пробежит.

Так вот и стал я медвежьим учеником. Неделю у него проработал и так-то скоро столярному делу научился. И ушел домой.

А еще через неделю пришел в нашу деревню мастер. Пожилой, бородатый, веселый такой. Говорит, хожу, карельскую березу ищу. А мне все эдак лукаво да ласково подмигивает. Я и думаю — наверное, тот самый мастер, который медведем был.

Так вот, ребяташки, сказка, она, конечно, выдумка. Да только выдумка с большим смыслом. С наукой житейской. Талант человека не только ему принадлежит. И кто талант свой ценит, распространять его должен. Так что, коли выучитесь да станете мастерами, не храните его, как серебро в подголовной шкатулке. Учите молодых, расторопных.

Ефимыч помолчал немного, глядя, как тихий отсвет зари широкой золотистой полосой ложится на гладь озера, вздохнул.

— Годы человеческие что кони ретивые. Быстро мчатся. Глаза закрою — будто вовсе недавно детство мое чистоглазое в этих вот родимых краях на одной ножке скакало. А теперь я дед матерый... После встречи-то с мастером Синявиным у меня большая охота была резьбой да столярным делом заняться. А отец у меня нравом был крут. «Ты, — говорит, — хорошее дерево испортишь, рано тебе». Инструмент в руки не давал. Выпросил я тогда у нашего великогубского сапожника ножик с острым концом. И начал резные узоры наводить где только мог. На бревнах, на корыте, из которого куры корм клевали. Однажды осмелел, на двери вырезал «солнечный цветок» — круг с розетками. Тут отец появился, хватя меня за ухо. «Нос у тебя не дорос, чтобы на таком серьезном деле, как изба, резьбу резать. Сперва вырасти, мастером стань, а потом уж с острым железом к избе ходи». Побежал я весь в слезах к мамке утешения искать. Она меня приласкала, потом шепотом говорит: «На чердаке старая прялка валяется, вот ты ее и разукрась. Только чтоб отец не знал». Я так и сделал. Потом как-то мамка взялась прясть с этой прялицей. Отец покосился: «Кто это такие узоры навел?» А мамка говорит: «Да ты небось подарил мне, когда невестушкой была. Знать, любовь такая была великая, что узоры-то до сих пор свежие да молодые, будто вчера резал». — «Хорошо шутишь, матушка, — говорит отец. — Да я уж помню, что и узоры я не те резал, да и сгорела прялка-то в тот год, когда от молнии великий пожар был на деревне». — «А все равно без нашей любви не появились бы вот эти узоры красивые». Отец на меня покосился и более ничего не сказал. А потом сам сходил к мастеру Синявину, попросил, чтобы он меня в ученье взял.

А со временем приключилась с моим учителем такая история.

...Как-то в Питере задумали построить большую парусную яхту для великого князя Сергея Романова. Собрали для того девяносто девять мастеров. Деревя навезли всякого — и черного и красного, да еще ореха, дуба, бука. Едва только начали строить, великий князь заинтересовался, сколько народу трудится. Распорядитель работ ответил, что девяносто девять. «Безобразно, беспорядок, — говорит великий князь. — Почему девяносто девять, а не сто? Немедленно найти еще одного мастера!» Побежали искать Синявина. Он как раз в краснодеревяной питерской мастерской работал, на мебель узоры да орнаменты наводил. «Хороший ли ты мастер? — спрашивает распорядитель работ. — Не водится ли у тебя какой-нибудь диковинной штуки, тобой срабо-

танной?» Тут Синявин достает из кармана цепочку, вырезанную из дерева. В цепочке двадцать колец. Распорядитель посмотрел, колечками побрякал. «Как соединял кольца-то? Вроде следов-то и не видать». — «И не увидишь, — отвечает Синявин. — Цепочка-то из единого куска дерева вырезана». — «Да ну? — удивился распорядитель. — А из какого дерева? Вроде бы непонятно: то ли дерево, то ли камень. Будто коричневый малахит». — «Ну можно деревянным малахитом звать, а можно и карельской березой, потому как необыкновенное это дерево только в карельских краях растет». — «Ладно, — говорит распорядитель, — годишься ты в мастера. Собирай котомку, поедешь со мной на место одной сурьезной работы».

Вот трудятся сто добрых российских мастеров. Вот яхта уже готовая, надо только внутреннюю отделку произвести и корабельную мебель сработать. Тут мастерство Синявина и сгодилося. Все признали, что лучше его никто не может это дело сделать, и все работали по его указу.

Вот закончили мастера работу. Прибегает распорядитель, весь запыхался. — Сам великий князь приехал! Велит всех собрать.

Всех мастеров в ряд поставил распорядитель на берегу. Мужики пятярями волосы причесали, ждут, что же дальше будет. То ли великий князь работу принимать будет, то ли за усердие наградит.

А великий князь сошел с белого баркаса, к мужикам подошел и говорит:

— Все собрались? Очень хорошо. Вина привезли много. Пусть мужички еще немного поработают.

Оказалось, что великий князь с приятелями приехал сюда, чтобы на новой яхте большую попойку устроить. А на отделку яхты и взглянуть не пожелал. Погнали мужиков ящики с вином таскать. Обидно им было. Всю душу они в эту тонкую работу вложили, а трудов их праведных никто и заметить не пожелал.

Таскают мужики ящики, а Синявин сел на камень и сидит. Распорядитель подскакивает:

— Чего расселся, дура?

А Синявин в ответ:

— Я нанимался тонкое ремесло свое в пользу употребить, а не затем, чтобы ящики с вином таскать.

А распорядитель ему:

— Ну смотри, Синявин. Гордость — она большим господам сподручна. А вашему брату за горделивостью-то мало плотят.

А один из мастеров был старенький. Рука у него побаливала. Вот он с карбаса ящик-то снес, а до яхты донести не может. На берег поставил и сел, руку потирает. Тут распорядитель на него налетает как петух.

— Что сел как пень?

— Рука болит вот, сил нету ящик-то ташить.

— Ништо, сичас поташишь.

Размахнулся распорядитель — бац старику в ухо. Тот так и пал на землю. Распорядитель нагнулся, чтобы еще старику наподдать, и чувствует вдруг, как чья-то рука крепко за ухо его взяла. А это Степан Иванович.

— Ну-ко, — говорит, — не выпрямляйся. Коли выпрямишься, в воду макну.

Взял Степан Иванович ящик с вином, поставил на спину распорядителю и говорит:

— Тащи. Да не урони смотри!

На другой день выгнали Синявина с работы и заплатили за отделку яхты в три раза меньше, чем другим мужикам. С тем он и вернулся в свое Заонежье.

Сколько-то времени прошло, приходит из Питера депеша Степану Ивановичу. Оказалось, что после попойки, глаза продрав, великий князь увидел на стене каюты искусные узоры. Тонкой работы мозаичные цветы были врезаны в черное дерево. Пожелал узнать, кем эти диковинные цветы сделаны.

А депеша такая была. Мол, для великого князя новая яхта строится и называться будет «Африка». И что надобен, мол, он и что будет ему плата особая, великая.

А Синявин человек грамотный был и письмо такое написал: человек он вольный, а потому заставить его ехать в Питер-никто не может. А звание и достоинство мастера он весьма чтит и уважает. И видеть не может, как мастеров заставляют ящики с вином таскать да еще и в ухо бьют...

Сказывают, жил в Заонежье, в Шуньге, еще один большой мастер. Семеном Крапивинным звали. С ним такая история вышла. Как-то на ярмарке увидел он часы-луковницу: приказчик в подпитии часами хвастался, крышку открыл. Крапивин долго разглядывал, как там крохотные зубчатые колесики крутятся и пружиночка вздрагивает.

Как-то пришел к Крапивину сосед, удивился:

— Это что за мелкость ты из дерева вырезываешь?

— Часы сделать хочу.

— Часы? Из дерева?

— Ну да. Корпус будет из капа. Кап — он ведь такой материал, что не хуже металла. Он не трескается, не портится, не разбухает от сырости и не коробится в жару. Это мы как слепые мимо такого чудо-материала проходим. А из него надо дивы дивные делать, чтоб весь мир удивился.

— Ну, Крапивин, немало и я из дерева всяких штук вырезал, но деревянных часов не только не видывал, но и не слыхивал. Много ли времени понадобится, чтоб такие часы сделать?

— А хоть десять лет. А хоть и вся жизнь.

— Ну коли так, успеха тебе желаю. Трудись, удивляй мир. Из каких пород дерева механизм-то часовой сделать хочешь?

— Ну корпус часов да футляр — это из капа. Для механизма и циферблата пальмовое дерево достану. Стрелки из жимолости сделаю.

— Ну а пружину из чего? Нешто деревянная пружина металлическую заменит?

— Попробую бамбук.

— Так ведь и бамбук — дерево. Хватит ли упругости?

— Попытка не пытка. Авось получится.

— Однако смел ты. Неужто механике обучен?

— Да нет, я и грамоты-то не знаю. Принялся мастер за свои труды. Несколько лет работал. Трудился, трудился, а часы его деревянные никак не желают ходить. Весь огород у него лебедой зарос, а поле — ольшаником. Пошла про мастера худая слава по всему Заонежью.

А лебеда на огороде у Крапивина хорошая уродилась. Стеной стоит. Про бурьян и говорить нечего — в человеческий рост вымахал. Подойдет баба к пряслу, глянет под ладонь на крапивинский огород, головой покачает:

— Не хозяин...

За красивым да редким деревом ездил Крапивин в Петрозаводск, в столярное краснодеревное заведение. Все узнавал, какое дерево хозяин купил да привез. Потому что для механизма часового приходилось ему разное дерево пробовать.

Как-то приехал Крапивин в Петрозаводск, купил несколько кусочков — обрезков хорошего дерева, а у столярного заведения пристав стоит, его дожидается.

— К большому начальнику тебя, Крапивин, велено отвести.

Ну Крапивин приосанился, — вот, думает, какая слава обо мне идет, даже большому начальнику обо мне известно.

А большой начальник на него сгрел:

— Ты что, Крапивин, на устон посягаешь? Часы носит только благородная публика. А ты, небритая морда, тоже часов захотел? Твое дело рыбу ловить, поле пахать, в огороде ковыряться. Устроим тебе маленькую отсидку, а потом возвращайся, хозяйство в порядок приводи, и чтоб никаких там часов!

И отвели Крапивина в больницу для умалишенных. Тихих помшанных, которые слушались, заставляли вкалывать. Ну и Крапивин приспособился в столярной мастерской работать. Свои кусочки-то деревянные он туда за пазухой принес. Норму по табуреткам выполнит, берется за свою часовую работу.

Спросит, бывало, у него надзиратель:

— Ты что это, Крапивин, строишь?

А он отвечает простодушно:

— Часы.

Ну, тут уж все с хохоту покатываются. Все довольны. На то он и сумасшедший, чтобы чудить.

Вот сделал Крапивин свои часы. Дело осталось за малым. Пружинку сделать, чтобы ход был. Вместе с обрезками дерева купил он в тот раз и кусочки бамбука. Один из надзирателей наводил порядок, да и бросил все эти обрезки в печь, в огонь. Тут Крапивин закричал не своим голосом да голыми руками прямо в огонь и полез. Сильно руки обжег, слезы из глаз, но спас свои кусочки драгоценные. Попросил у надзирателей тряпицу пальцы замотать, а те смеются:

— Коли ты сдвинутый, так зачем тебе заматываться? В печь-то сам полез, никто тебя не толкал.

Долго у Крапивина руки болели. Деревянные кусочки он прятал под мышкой, с ними и спал. Как-то пришел снова в столярную мастерскую, достал кусочек бамбука, смотрит, а одна тонкая полосочка отщепилась и от огня-то съежилась, свернулась, будто пружинка. Крапивин осторожно ее отрезал, подправил, вставил на место. Хотел было завести часы свои, да раздумал. Сердце бьется, вот-вот из груди выскочит.

Ночью, когда все уснули, Крапивин под одеялом тихонько завел свои часы. Поднес к уху, дыхание затаил... И услышал, как в часах тихонечко, ласково тикает: тики-так, тики-так... И заплакал Крапивин... Потом поцеловал свои часы, положил возле себя на подушку и всю ночь напролет слушал, как они тикают.

Прошла неделя, пристав приходит:

— Ну, Семен Крапивин, ума набрался? Осознал?

— Осознал, — говорит Крапивин.

— Тогда собирайся, велено тебя выпустить. И приказано: чтобы ты хозяйство в порядок привел и чтобы всякой чертовщиной не занимался.

Сказывали, что с дальних концов Заонежья приезжали к мастеру, чтобы глянуть на его деревянное диво. Иные немалые деньги сулили — не продал Крапивин свое дитище. Ни копейки за свои труды не заработал. Так вот человек устроен — не копейка единая движет его помыслами.

— А как вы мастером стали? — спросил я у Ефимыча. — Небось и у вас немало интересного было на веку.

— Да как сказать... Выучился я, столярничал. Потом война пришла, из Заонежья на эти годы я уехал. На фронт не попал по причине неважного здоровья, хромой был. Жил на пудожском берегу, работал на Шальском лесозаводе. А в свободное время портсигары делал, инкрустацией украшал и посылал на фронт бойцам. Брат у меня младший был, Саша. Сразило его пулеметной очередью с самолета. Очень я это дело переживал. После того сделал портсигар, украсил его узорами и на крышке инкрустацией одно слово выложил: «Саша». И письмо написал бойцам. Так, мол, и так, передайте мой портсигар бойцу, которого зовут Сашей. И пусть, мол, он за брата

моего врагам отомстит. Нашли такого бойца. Он письмо мне написал. За портсигар благодарит, пишет, что очень красивый, и еще пишет, что за моего Сашу он расплатится с врагом своим. Через всю войну тот боец прошел и писал мне то и дело. И я его пригласил к себе в гости, когда кончится война.

Война кончилась. И вот приезжает Саша ко мне в гости. Только боец-то этот был, оказывается, девушкой. Снайпером. И так уж вышло, что мы понравились друг другу, да и осталась она в наших заонежских краях навсегда.

— Ну а с Синявиним что вышло? — перебил я Ефимыча. — Как его дальнейшая жизнь сложилась?

— А что с Синявиним? — вздохнул мой собеседник. — Прошли годы, революция отшумела. Скинули с трудовых шей великих князей да распорядителей. Великий князь, сказывали, за границу сиганул. А с распорядителем судьба обошлась по-своему. Приехал он жить в Петрозаводск, стал и в Великую Губу наезжать. Когда Синявин распорядителя за ухо брал, были они еще оба молодые. А нынче пожилые оба, бороды долгие, морщины на лицах. Ну, Синявин его и не узнал. А было у бывшего распорядителя такое дело: ездил он по разным деревням и скупал у мастеров поделки из дерева: портсигары, шкатулки, рамки резные. Не для себя скупал, конечно, а работа у него была такая. Все потом в казенный магазин шло, где и продавалось.

В те годы попадать в Заонежье было непросто, не в нашенские времена. Случалось, распорядитель и день, и два, и три дневал и ночевал у мастеров. Степан Иванович показал ему как-то отцову работу: портсигар из карельской березы.

— А где твой отец карельскую березу брал? — спрашивает бывший распорядитель.

— Да в окрестных лесах, сказывал.

— Врал небось. Нету в здешних лесах карельской березы.

— Кто знает про карельскую березу, тот помалкивает. Она ведь дорогая. Ее можно срубить под корень, на чурки разделать, а потом за хорошие деньги продать. Мастера заонежские часто пользовались карельской березой. Да только сказывали, что она, мол, привозная. Опасались, что лихие люди нагрянут в леса да вырубят. Вот мастера-то и передавали по наследству от отца к сыну заветные места, где карельская береза росла. А сейчас отошло старое время. Сейчас секреты с карельской березой можно и обнародовать.

— Да нету карельской березы в здешних краях, — подуживает хитрец. — Могу на спор пойти.

— А чего ж тут спорить? — говорит мастер. — Я тебе и так показать могу.

Повел его в лес. Долго ходили, не одну ночь в лесу ночевали. И показал ему мастер много заветных берез. А в одном месте даже целую рожицу.

— Нешто не боишься, что я кому-нибудь проболтаюсь про твои сокровища? — говорит бывший распорядитель. — А вдруг кто вырубит твои березы?

— Не вырубит, — говорит Снявин. — Я тут с другими мастерами толковал, и надумали мы артель мастеров создать. Чтoб работалось весело, дружно, а то сидим, как сычи, по своим избам.

И создал Снявин в Великой Губе артель, которую так и назвал — «Карельская береза». Шесть заонежских самолучших мастеров трудились у него, и пятнадцать учеников перенимали редкостное искусство деревянных украc. Сделала артель красивую мебель, отделанную березой, для гостиницы «Северная» и для Петрозаводского Дворца пионеров. Изделия этой артели и в Москве на сельскохозяйственной выставке были представлены, и на международных выставках в Париже и Нью-Йорке. Я был среди тех пятнадцати учеников. Только вот через несколько лет, после того как артель открылась, началась война, пришлось нам переехать. Всю жизнь не забуду, как Снявин на дверь избы, где мастерская была, замок вешал. Слезы на белую бороду капаят, руки дрожат. Все верстаки, весь инструмент артельного, деревянные заготовки остались. «Авось, судьба милует, враг минует», — сказал старый мастер на прощанье и в пояс избе той поклонился.

А вышло-то не так. Вернулись мы куда в Великую Губу, изба наша артельная стоит настежь, рамы выбиты, а внутри все пусто. Все унес враг — и инструмент, и заготовки, и даже верстаки. Всю карельскую березу, которая в окрестных лесах росла, повыврубили и с собой увезли. Кроме как распорядителю бывшему, некому было показать незваным гостям, где карельская береза растет. Да с той поры его в наших краях и не выдывали...

А годы прошли, и снова выросла карельская береза на тех самых местах. И новые мастера появились.

Рассказав свои истории, Ефимыч помолчал, посмотрел на далекий заонежский берег и добавил задумчиво:

— Надо же, какое оно загадочное дерево, эта карельская береза. До сих пор никто не знает, откуда оно берется, ведь семена карельской березы посадишь, а вырастает простая береза. А срубишь хоть под самый корень, непременно снова на том же месте вырастет. Говорят, что, ежели даже пенек выкорчуеть, все равно вырастет. Так вот и мастерство человеческое. Кто знает, откуда в человеке талант берется? И семенами его не расплодишь. Великая тайна — талант своегодельного художества. И топором его не вырубить, и корни его не выкорчевать. Вот так-то!

Л. МАРТЫНОВ

С СОГЛАСИЯ ЭЙПО

На карте центральной части гигантского острова, где проходит граница между государством Папуа — Новая Гвинея и индонезийской провинцией Ириан Джайя, не нанесены на бумагу ни горные вершины, ни реки, ни деревни.

Первый специалист, который прошел по этим местам с юга на север — француз Пьер-Доминик Гэссо, — обнаружил в 1958 году многочисленные пигмейские племена, ни разу в жизни не видевшие европейца и даже не слышавшие никогда о существовании странных светлокoжих людей нечеловечески высокого роста.

Гэссо появился — Гэссо ушел, а жизнь в горных долинах не переменилась ни на йоту. Разве что в нескольких хижинах в разных долинах остались пустые консервные банки.

Следующие чужаки — индонезийская экспедиция, в 1969 году проникшая в долину, нанесла ее на карту.

Этим исчерпались контакты маленьких людей из запутанных гор Маоке с внешним миром. И так, сохранился обширный район, населенный людьми, чья культура и быт остались неизменными с каменного века.

Это обстоятельство превратило центральную область острова Новая Гвинея в необычайно интересный объект исследований для ученых самых разных специальностей. Систематическое изучение населения и его культуры — задача непосильная для одного человека, тем более что предполагалось не ограничиться лишь этнографическим описанием.

Научную группу основали прогрессивные западногерманские ученые в 1972 году. В нее вошли этнографы, антропологи, врачи, агрономы, зоологи. К концу года был готов проект «Человек, культура и окружающая среда центрального горного массива Западного Ириана» и определены цели многолетней работы.

Остров Новая Гвинея площадью в 780 тысяч квадратных километров лежит в тропическом поясе. С запада на восток тянется центральный горный массив с максимальной высотой до пяти тысяч метров над уровнем моря. Горные долины массива настолько узки и глубоки, что там не может приземлиться даже одномоторная «Чесна», легкий самолетик, что может сесть на краю бататового поля. Необходимо изучить условия жизни обитающих в долинах людей, изолированных от внешнего мира (зачастую даже от соседнего племени), определить возможные пути их дальнейшего развития.

Примерно так звучала преамбула проекта. Тогда он еще не назывался «Эйпо»...

Естественно, возникает вопрос: а зачем, собственно, надо намечать горцам-папуасам какие-то пути развития? Тысячи лет жили люди по-своему и не обращались ни к кому за помощью. Отчего же им не продолжать жить так же?

Опыт, однако, учит: первые контакты никогда не бывают последними. Начнется ли освоение минеральных богатств острова, построят ли дороги,

но рано или поздно первобытные люди столкнутся с двадцатым веком. Или двадцать первым, он в конце концов не за горами, даже если эти горы — неприступный хребт Маоке. Столкновение это будет болезненным, и ясно, какая сторона останется проигравшей. Но встречу эту можно подготовить заранее, и тогда, предусмотрев все возможные последствия, смягчить ее.

Это хорошо понимали ученые. Но как отнесутся к ним и к их работе горцы далекой Новой Гвинеи?

В проекте долина, где предполагали

вести исследования, называлась условно «долиной X». По отчету экспедиции 1969 года определили, что долина эта тянется на север перпендикулярно к центральному хребту и что горцы настроены миролюбиво.

Когда связались с бывшим начальником экспедиционного отряда майором Сурпавоно, он не смог назвать ни племени, ни имени долины: на карте они обозначили ее как «долина № 46». Тем не менее майор дал несколько ценных советов по снаряжению и оборудованию предстоящей экспедиции.

В апреле 1974 года первая группа немецкой экспедиции отправилась на Западный Ириан. С самолета сфотографировали районы «долины X» и, расшифровав аэрофотоснимки, определили пеший путь.

В два приема самолет переправил ученых и снаряжение в долину Биме, прорезающую хребт Маоке на высоте тысячи четырехсот метров над уровнем моря. Оттуда идти можно было только пешком.

То был путь в неизвестное. Восемьдесят один папуас — носильщики — нес на головах снаряжение и припасы.

Дорога лежала через болота, по скользким тропкам, перерезанным гниющими стволами, поросшими мхом. Стремительные потоки ледяной воды сбивали с ног. Спешно наведенные мачты из лиан раскачивались как качели. Осыпи на склонах были еще опаснее узеньких карнизов над самой пропастью.

Через много дней вышли в широкую долину Таним, где можно было передохнуть и залечить раны. Идти дальше большая часть носильщиков отказалась: тяжелые горные тропы были им привычны, но страшна встреча с неведомыми племенами.

Груз пришлось разделить между учеными, дорога стала еще труднее, и конца-краю ей не было видно. А главное, никаких следов человека обнаружить не удалось. Раз только в одной глубокой долине заметили следы заброшенного огорода и развалины хижин. Люди ушли из долины много лет назад.

К вечеру двадцатого дня, когда измученные путешественники спустились в широкую расселину между скалами и сбросили на землю тюки и рюкзаки, за спиной их послышался резкий свист.

У выхода из расселины стояли шесть маленьких голых людей с луками...

Утром следующего дня в лагерь экспедиции пришли мужчины. Знаками они объяснили, что чужеземцам позволено жить в долине, но запрещается входить в «мужской дом» — длинную высокую хижину, служащую культурным и общественным центром деревенской жизни. Но зато им позволено поставить перед «мужским домом» свои палатки.

На следующий день ученых проводили дальше на юг в деревню Мунггона-Кварелала. В их честь забили пять свиней, а это значило, что папуасы принимают их как друзей.

Так началась работа, растянувшаяся почти на шесть лет. Удалось узнать, что племя называет себя эйпо, а свою долину Эйпомек. Проект, таким образом, получил название «Эйпо», под которым он и стал известен в широких кругах специалистов-этнографов.

Экспедиция наладила радиосвязь с побережьем, и через несколько дней ей сбросили на парашютах все необходимое для работы и жизни.

В основные принципы работы было записано: охранять интересы племени эйпо и не делать ничего против их воли и без их согласия. Для того же чтобы не изменить образ жизни горцев даже ни в малом, решили не селиться в деревнях. Нужно было, кроме того, научиться хотя бы началам языка эйпо. К счастью, один из носильщиков немного знал родственный диалект, да еще — правда, и того меньше — индонезийский язык. Но для начала этого было достаточно.

Обязательно следовало уговорить эйпо помочь построить небольшой аэродром. Ученые опасались, что горцы не поймут, что такое самолет, будут его бояться. Но оказалось, что эйпо давно привыкли к тому, что время от времени в небе пролетают грохочущие предметы. То были индонезийские самолеты, совершавшие регулярные рейсы над горами. А не боялись их эйпо потому, что в их легендах могущественные колдуны летали по небу на сделанных из дерева и магией оживленных птицах.

Итак, через год построена была вполне приличная посадочная полоса длиной в триста шестьдесят метров и шириной в двадцать шесть. Уже в июле 1975 года она приняла первый самолет. Эйпо сначала взрыли землю заостренными копиями, потом, освоив лопаты, сброшенные с неба, уложили ее в корзины и унесли на свои поля.

Если попадались неподъемные камни, они разводили у них костры, а потом быстро обливали ледяной водой. Растрескавшиеся камни разваливали деревянными рычагами.

Строительную и взрывную технику снял кинооператор экспедиции. Впервые технология каменного века была тщательно изучена; это позволило по-новому взглянуть и на многие строительные достижения далеких предков. Фильм стал одним из первых результатов экспедиции.

Эйпо ни в малой степени не удивлялись ни фотоаппаратам, ни магнитофонам, ни зажигалкам. К изумлению европейцев, они даже не приписывали всему этому колдовской силы. Ход их мыслей лучше всего выразил старый папуас: «Раз вы непохожи на нас, значит, и ваши вещи непохожи на наши».

Эйпо действительно отличаются не только от европейцев, но и от прибрежных папуасов. Антропологи отнесли их к пигмеям — средний мужчина ростом меньше полутора метров; женщины и того ниже. У них светлорыжая кожа и курчавые волосы. Люди этой пигмеидной расы относятся к самым древним обитателям Новой Гвинеи. Сходные племена встречаются еще во внутренних частях островов Меланезии.

Эйпо жили в двух десятках маленьких деревень, разбросанных по долине Эйпомек. Каждую деревню населял один род, и члены его не имели права вступать в брак между собой. За невестой всегда приходилось отправляться в другую деревню.

Каждая деревня состояла примерно из сорока хижин. Жило в ней несколько семей. В самой большой насчитывалось сто сорок человек.

Уже к августу 1974 года эйпо настолько привыкли к ученым, что предложили им построить хижины в деревнях. Ученые, строго придерживаясь своих принципов, от этого предложения отказались, и тогда

горцы расчистили в лесу площадку и построили для исследователей отдельное поселение. Так число деревень в Эйпомеке увеличилось на одну: с круглыми хижинами и обязательным «мужским домом» в центре.

Ботаник установил, что южная часть долины покрыта вторичной растительностью, а это дало возможность установить, что Эйпомек заселен издавна.

После постройки аэродрома началась самая успешная часть работы. Она продолжалась до июня 1976 года. Удалось обмерить и обследовать — этим занимались антропологи и врачи — все взрослое население долины, определить болезни, которыми страдают люди, и определить предварительно их причины. Записан был состав пищи — она оказалась очень бедной белками и протеином. Собран материал, обработка которого займет еще не один год.

Но в июне 1976 года закачались горы, окаймляющие долину Эйпомек, и почва стала уходить из-под ног людей в самом прямом смысле слова.

Еще больше, чем землетрясения, ученые опасались, что папуасы обвинят в своих бедствиях их.

Но эйпо, привыкшие к землетрясениям, наоборот, сами ободряли исследователей, никак не связывая их пребывание со стихийным бедствием.

Погибла часть материалов, собранных с таким трудом. Их нужно было восстановить, а целевшее решили отправить самолетом. Так и сделали.

Но в октябре еще более страшный толчок разрушил хижины и повалил деревья. Экспедицию пришлось свернуть. Горцам-эйпо было не до ученых: погибли поля и жилища. Врач и биологи помогали пострадавшим, другие готовились к отъезду.

«Проект Эйпо» пришлось приостановить. Но и то, что привезли в Европу участники экспедиции, позволило разработать целую программу улучшения жизни пигмейского племени в неприступных и диких горах Маоке. Предполагалось завезти в долину домашних животных, продуктивные растения, научить пользоваться железными мотыгами и ножами-парангами.

В 1980 году маленький отряд — разведгруппа второго этапа проекта — пробился в долину Эйпомек, изменившуюся до неузнаваемости. Исчезли деревни, заросли буйной тропической растительностью огороды. Люди, очевидно, переместились в другие долины. Что ждало их там? Отравленные стрелы соседей-врагов? Или же им удалось найти себе более гостеприимное место для жизни? Пока на это ответить трудно.

Новые и новые отряды отправляются на поиски племени эйпо. И новые племена встречают их в долинах, такие же низкорослые, такие же первобытные. «Проект Эйпо» продолжается...

АЛЕКСАНДР МИЛОВСКИЙ

Фото автора

КОГДА-ТО НА КАРАВАННОМ ПУТИ

То, что это город, стало очевидно только теперь. А сначала был мощный взрыв, утробно отозвавшийся где-то внутри скалы и открывший вход в пещеру. Рабочие, строившие дорогу Леникан — Кировакан, вернее спрямлявшие старую ее трассу, заглянули туда и увидели вырубленные в сером туфе

ступеньки ведущей в глубь скалы лестницы...

Это произошло в 1977 году в Памбакском ущелье близ Спитака, районного центра на севере Армении. Три полевых сезона затем экспедиция Института археологии и этнографии Академии наук республики пробивалась сквозь образовавшийся за века

восьмиметровый слой грунта к основанию холма, на склонах которого было раскрыто пещерное поселение.

Мне уже не нужно было говорить «Сезам, откройся»: черные провалы на ярко освещенном солнцем склоне манят в пещеры, теперь доступные, но не ставшие от этого менее загадочными. Тем-

ные переходы, вырубленные в камне лестницы, коварные ямы под ногами, скрывающие глубокие каменные мешки, в которых когда-то хранили зерно, — честно говоря, запутаться в этом лабиринте было несложно.

С археологами Арамом Ашотовичем Калантаряном и Гагиком Саркисяном мы пробираемся по узкому откосу из одной пещеры в другую, поднимаемся на гребень

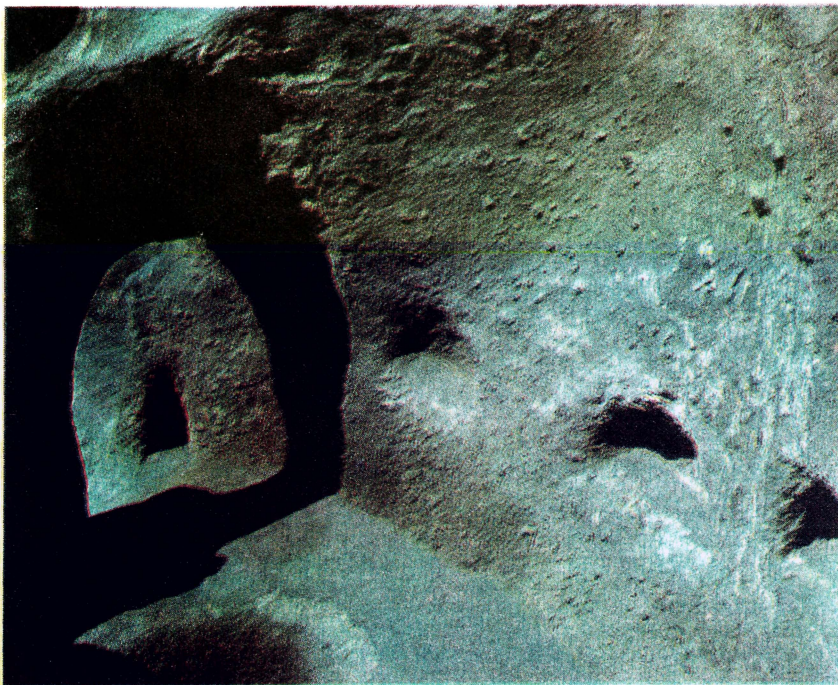
холма, откуда хорошо видна жилищная часть пещерного города XII века, спускаемся к производственным помещениям с множеством ям, оставшихся от печей, в которых, судя по остаткам шлаков, обжигали глину, выплавляли железо.

В трехъярусном подземном городе (до прихода строителей дороги, повредивших верхние ярусы, этажей, по мнению археологов, было

не менее пяти) сохранились церковь, родовая усыпальница, вместительный караван-сарай, уходящий в глубь горы целой анфиладой гротов. Все пещеры искусственного происхождения.

Богата и разнообразна коллекция предметов материальной культуры, собранная в результате раскопок: красные и чернолещенные сосуды, поливная керамика XII века, каменные плиты с резным декором, металлические наконечники боевых стрел, византийские и монгольские медные и серебряные монеты XIII века, конической формы гончарные трубы с отверстиями для регулировки притока воздуха в плавильные печи, наконеч, остатки тканей, кожи.

Не везло на раскопках лишь

специализирующемся в эпиграфике Гагик Саркисяну, главный научный интерес которого — древние армянские надписи. Однако случай с избытком окупил ожидания: в русле протекающей неподалеку речки был обнаружен древний камень с арамейской надписью армянского царя Арташеса I, сделанной во II веке до новой эры. Подобных камней известно всего восемь, при этом спитакский сохранился лучше других.

— Открытый нами город задал немало загадок, — говорит Калантарян, руководитель экспедиции. — В Армении известны пещерные сооружения — знаменитый Гехардский монастырь, вырубленный в скале, небольшие пещерные поселения в Горисе и Хндзореске, но подобного масштаба подземный город, в котором жили и работали сотни людей, найден в республике впервые...

И все же аналог Спитакского

пещерного города существует — это Ани, древняя столица северной части Армении — Ширака. Сохранилось описание Ани, сделанное в 1915 году археологом Д. А. Кипшидзе.

Ученый приводит любопытные цифры: жилых комнат и квартир — около четырехсот, около тридцати церквей, тринадцать усыпальниц, два монастыря, одиннадцать подземных улиц и... шестнадцать голубятен. Но ни слова о производстве, аналогичном спитакскому!

Спитакский подземный город возник на главном караванном пути из Ани в Грузию, в нескольких десятках километрах от столицы, и это, возможно, объясняет то, что он повторил архитектуру Ани в уменьшенном масштабе.

Почему армяне, оставившие та-

кие великолепные архитектурные творения, как Гарнийский языческий храм I века или христианские храмы раннего средневековья, в пору политического и экономического расцвета страны стали «зрываться» под землю? Во-первых, слово «пещера», вызывающее невольные ассоциации с первобытным укладом жизни, в данном случае обозначает вполне комфортабельное жилище, украшенное фресками и каменной резьбой. От обычного дома оно отличается лишь тем, что не построено из камня, а вырублено в нем, благо пористый туф исключительно податлив при обработке. Во-вторых, во времена войн и набегов пещерный город много безопаснее. Исторические примеры достаточно красноречивы. Так, безымянный грузинский летописец времен царицы Тамар сообщает, что в ночь на пасху 1211 года ардебильский

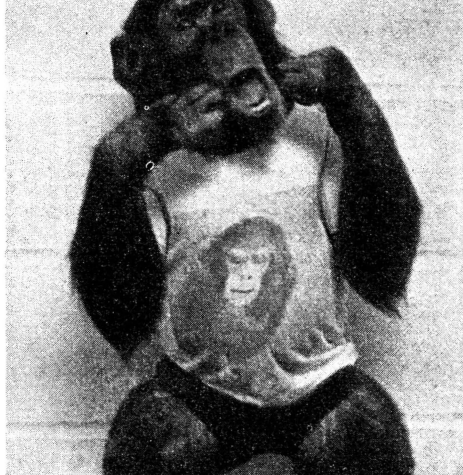
султан неожиданно напал на молящихся в храмах Ани и истребил 12 тысяч горожан, остальным удалось спастись только благодаря бегству в пещерную часть города. Наконец, в условиях горного климата с резким перепадом температур пещерное жилище смягчало эту разницу.

Результаты спитакских раскопок говорят о том, что в XIV веке город подвергся нападению и жизнь в нем прервалась. Однако в XVI—XVIII веках он вновь ожил, вновь воскурились его печи, но потом был все же оставлен, теперь уже навсегда. Память о нем не сохранило время, не осталось следов и в письменных источниках.

Спитакская находка постепенно раскрывает ученым потерянные было страницы истории армянского народа. Спитак, Армянская ССР

¹ Ныне находится на территории Турции.

Продолжение диалога с шимпанзе

Шимпанзе Мойя — необычное животное. Возможно, единственное в своем роде. Она рисует. И ее произведения являются первыми, сделанными не рукой гомо сапиенса предметными изображениями, то есть рисунками, которые в представлении животного хорошо выражают ту или иную вещь. На одном из них — то, что Мойя считает птицей. Неважно, что сочетания линий напоминают скорее большой палец или, весьма приблизительно, рыбу; важно, что Мойя видит в них определенное значение. Откуда мы знаем это? Мойя сама обо всем рассказала...

Так же, как десяток других шимпанзе и одна горилла¹ в США, Мойя умеет говорить. Она изъясняется на языке, которого не слышишь, — это американский язык жестов (АСЛ). Им пользуются сотни тысяч американцев, лишенных слуха.

Когда в апреле 1976 года Мойя впервые изобразила на листе бумаги птицу, ее учитель так удивился, что, не поверив своим глазам, подал ей знак «продолжай». Но шимпанзе в ответ потерла ладонь о ладонь. Жест означал: «готово». «Что это?» — спросил учитель. И был совершенно ошеломлен, когда Мойя поднесла сложенные большой и указательный пальцы правой руки к губам: жест соответствовал слову «птица».

С тех пор обезьяна расширяла сферу своего творчества, рисовала цветы, траву и нечто, выдаваемое ею за кошку. Сейчас Мойя рисует даже «по заказу», и, если ее просят изобразить ягоду, она делает это, подбирая соответствующие цвета...

¹ См.: Померанцев С. Горилла, которая любит говорить. — «Вокруг света», 1979, № 6; Федоров М. Начало великого диалога? — «Вокруг света», 1975, № 12.

Все сказанное — лишь немного из числа феноменальных фактов, ставших возможными при установлении контакта с животным. Эти эксперименты проводятся в американском исследовательском центре близ города Рино (штат Невада), расположенном в горном районе на высоте 2200 метров. Некогда здесь была ферма. Беатриса и Аллен Гарднеры приобрели ее и позаботились об относительной изоляции от внешнего мира. Они хотели избежать любопытства и советов своих, возможно, и благожелательно настроенных, но могущих помешать исследовательской работе коллег.

Начало исследованиям было положено, можно сказать, случайно. В 1965 году Гарднеры, ученые-психологи в университете штата Невада, посмотрели фильм о шимпанзе Вики, обученной семи английским словам. Вики явно с большим трудом удавалось произносить эти немногие слова, и в общем эксперимент закончился безрезультатно. И лишь благодаря тому, что звуковое сопровождение фильма выходило из строя, Гарднерам удалось обратить внимание на жесты, которые делала обезьяна, мучаясь с произношением звуков. Не легче ли обучить шимпанзе языку жестов, подумали они, используя именно АСЛ, поскольку он уже существует.

Первым животным, участником опытов, стала Уошо, одиннадцатимесячная самка шимпанзе, пойманная в Африке, вероятно, после того, как ее мать была убита или умерла. Она попала к Гарднерам в 1966 году и была наречена Уошо — по названию индейского племени, давшего имя району вокруг города Рино.

Азбуку АСЛ шимпанзе осваивала при помощи «форм»: чтобы научить

ее, например, знаку «шляпа», была показана шляпа, затем руку обезьяны положили на ее голову — так жестом обозначался этот предмет. В качестве вознаграждения Уошо получала изюм. Показав шимпанзе цветок и заставив коснуться пальцами носа, ее обучили следующему «слову». Она быстро впитывала знания и вскоре уже не нуждалась в изюме — упражнения для животного стали наградой сами по себе.

Итак, Гарднеры увидели, что Уошо очень хотела учиться. Овладев восемью первыми знаками, она сделала попытку составлять с их помощью различные комбинации. Вскоре выяснилось, что шимпанзе не ограничивает смысл знаков только теми предметами, с помощью которых она с ними знакомилась. Слово «ребенок» передается жестом, соответствующим показыванию младенца на руке, — Уошо стала применять его не только по отношению к человеческим детям, но и обозначать им также щенят и котят. В то же время она употребляла знак «собака», видя на картинке взрослую собаку, даже если эта картинка была меньше, чем изображение щенка на другой картинке.

Часто она составляла собственные комбинации. Так, зажигалку она обозначала как «горячее — металл». Усвоив понятие «открытый» применительно к дверям и ящикам стола, она самостоятельно стала употреблять его, видя открытый водопроводный кран.

Конечно, не обходилось и без ошибок, но большей частью они заключались в том, что Уошо путала слова, называя, например, гребень щеткой или одно животное именем другого. На вопрос Гарднеров: «Кто Уошо?» — она отвечала «человек», других же шимпанзе она называла «черными жуками».

К третьему году жизни словарь Уошо состоял из 85 знаков. Употребляла она гораздо больше, однако, чтобы не преувеличивать ее способности, Гарднеры сосчитали лишь те знаки, которые она употребила самостоятельно в течение 15 дней по крайней мере однажды. Таким образом, требования были строгими.

В апреле 1967 года Уошо впервые употребила соединения из слов. Она попросила «дай мне сладкое» и «иди открой». В это время шимпанзе была в таком возрасте, когда человеческие дети впервые начинают пользоваться комбинациями из двух слов. Сравнение способностей человека и обезьяны явилось следующим направлением исследований. Но этот аспект принес Гарднерам и некоторым неприятности. Дело в том, что на первых порах кое-кто из ученых не признавал способность Уошо говорить. Роджер Браун, профессор Гарвардского университета, известный своими исследованиями развития речи у детей в раннем возрасте, считал, что Уошо не всегда твердо соблюдает правильный порядок слов и, следовательно, не понимает связей между различными категориями слов, придающих предложению определенный смысл. Якоб Броновски и лингвист Урсула Беллуджи опубликовали острую статью, в которой утверждалось, что Уошо не может разговаривать, так как она никогда не задает вопросов и не употребляет отрицательных предложений. Наконец, лингвист Ном Чомски категорически заявил, что мозг шимпанзе не приспособлен к тому, чтобы животное могло разговаривать.

Исследования тем временем давали все новые и новые результаты, которые Гарднеры анализировали и тщательно сравнивали с имеющимися данными о развитии речи у детей. И вскоре критики были вынуждены снять некоторые из своих возражений.

Роджер Браун сегодня признает, что порядок слов не играет решающей роли. В некоторых языках, например финском, он не столь важен, как в английском. Расположение слов в предложении не играет большой роли и в языке глухонемых АСЛ. Да и дети сами нередко нарушают порядок слов, но... превосходно понимают друг друга.

Гарднеры пришли к выводу, что дети и обезьяны очень близки в том, что касается ответов на вопросы, составления двучленных предложений, употребления существительных, глаголов и прилагательных, а также порядка слов в предложении. Незнакомые с грамматическими нормами, дети, как и шимпанзе, стремятся заменить целые предложения одним-двумя словами.

Проверка показала, что Уошо свободно задает вопросы и употребляет отрицательные предложения. Обезьяна способна пользоваться знаками «нет», «не могу», «хватит». Уошо охотно листала иллюстрированные журналы, спрашивая у людей: «Что это?». Выказывания же Чомски об ограниченных возможностях мозга шимпанзе просто не поддаются проверке: до сих пор не существует методов, позволивших бы выяснять этот вопрос. Лишь недавно американ-

ский ученый Норман Гешвинд приступил к опытам с целью установить, имеется ли в мозгу шимпанзе область, аналогичная той, которая у человека регулирует речевую деятельность.

Сейчас Гарднеры работают с тремя шимпанзе. Мойе (на суахили ее имя означает «один») шесть лет, Тату («три») идет четвертый год, Ннэ («четыре») — самец, ему два с половиной года. Уошо незадолго до начала этой фазы была выведена из эксперимента. Все шимпанзе попали на ферму не позднее, чем на четвертый день после рождения. С самого начала они жили по строгому, научно обоснованному режиму. У каждого животного свое жизненное пространство — спальня, место для игр, ванная и столовая. С каждым питомцем работают три сотрудника, на строго спланированных занятиях они быстро обучают шимпанзе языку АСЛ. Учителя привыкли пользоваться им — одна из сотрудниц сама глухая, остальные — дети глухих родителей. В присутствии животных все сотрудники на ферме общаются только при помощи АСЛ, так что шимпанзе никогда не слышат человеческой речи.

Рабочий день на ферме начинается в семь утра, когда служители будят шимпанзе. Ежедневно определяется «знак дня» — новый знак, который воспитатели стараются ввести при подходящей ситуации в обиход своих питомцев, создавая как можно более естественные условия для пополнения их словаря. После обязательного утреннего туалета — завтрак, включающий, помимо прочего, стакан теплого молока. И во время еды шимпанзе приучаются к самостоятельности: они должны сами повязать себе нагрудник и есть без посторонней помощи. После еды следует чистка зубов и чистка шерсти щеткой.

Если нет жары, шимпанзе ходят в одежде, которую должны сами надевать. Они стелют постели и занимаются уборкой. Как правило, обезьяны способны подтереть пролитую жидкость, вымыть посуду, исполнять другие поручения. Все это благотворно отражается на познании языка и позволяет избежать избалованности.

До и после обеда проводятся занятия. Полчаса — тренировка в применении знаков, и еще полчаса — просмотр иллюстрированных журналов, книг. Так называемыми «педагогическими» играми их побуждают к рисованию, отбору предметов из определенного ряда, забавам с кубиками, их учат вдевать нитку в иголку и даже шить. Установлено, что внимания у шимпанзе хватает на тридцать минут. А чтобы избежать перенапряжения, дважды в дневное время их отправляют спать. Около семи вечера они купаются и до сна резвятся в длинных легких одеждах, чтобы шерсть хорошо просохла.

При таком образе жизни Мойя

приобрела словарный запас, исчисляемый 150 знаками, а Тату — более чем 60. Один раз в неделю все исследователи собираются вместе, чтобы обсудить результаты работы, в том числе эволюцию программы «знаки от шимпанзе к шимпанзе». В некоторые недели фиксировалось до 19 актов общения между животными при помощи АСЛ. Большинство из них сводятся к знакам «иди играть» или «приходи щекотать» (шимпанзе очень любят, когда их щекочут). Случалось, что Мойя, охотно катающая Тату на себе, подавала сигнал «сюда», покаявая на свою спину, куда Тату должна была забраться. Мойя обозначала Ннэ знаком «ребенок», ворковала над ним и давала ему пить из своей бутылки, в то время как сам Ннэ по причине, известной лишь ему самому, называет Мойю печенем.

Это поколение шимпанзе, как показали сравнения, обогнало Уошо в развитии, поскольку знакомство с языком АСЛ у них начато раньше и они с первых дней находились в более благоприятной «стимулирующей» среде.

Разговорные возможности человекообразных обезьян успешно исследуются в США и по программам четырех других экспериментов.

А вот эксперимент, проводившийся с шимпанзе в Колумбийском университете Нью-Йорка, недавно был прерван. Причины, побудившие профессора психологии Херба Террейса капитулировать, вызвали серьезные споры среди коллег.

Четыре года назад Террейс начал эксперимент, в ходе которого шимпанзе Нима (его полное имя Ним Чимпски — намек на американского лингвиста Ному Чомски) обучали также языку АСЛ. Ним осваивал язык жестов столь же усердно, как и другие «вундеркинды», и даже сам протягивал воспитателям руки, чтобы те показали ему новые знаки. Он успешно прошел «детскую» фазу языкового развития, изобретая новые знаки, и научился... обманывать и браться. Несмотря на все это, Террейс пришел к выводу, что шимпанзе не способны правильно строить предложения. В своих опытах Террейс обращал внимание не на то, как пополняется словарный запас Нима, а на грамматику его высказываний. Ним, составляя комбинацию из двух слов, соединял слова вполне осмысленно. Некоторые слова, например, «больше», оказывались у него всегда на первом месте, другие, например, «мне», «меня», — на втором. Ним видел, что фразы «дать мне» и «мне дать» построены неодинаково. Но дальше, как утверждает Террейс, он не пошел. И здесь как раз начинаются различия в использовании разговорных навыков между маленькими детьми и шимпанзе.

Во-первых, если шимпанзе строят комбинации из трех и более слов-

знаков, то третий и последующие элементы лишь в редких случаях содержат дополнительную информацию: они либо повторяют уже использованный жест, либо добавляют имя к личному местоимению — «играть (со) мной Ним (ом)». Из 21 четырехчленного предложения, которые образовал Ним, лишь одно не содержало повторов. В детском же языке подобные повторы, по данным лингвистики, почти не наблюдаются.

Второе различие заключается в том, что лингвисты называют средней длиной выражения. Дети употребляют, становясь старше, все более длинные и сложные фразы. В два года средняя длина предложений у них примерно такая же, как у Нима, — 1,5 слова (или знака), но в последующие два года длина фраз у Нима росла очень медленно, тогда как у детей (как глухих, так и здоровых) она резко увеличивается.

И семантика у Нима отличалась от детской. Ему была недоступна связь между семантическим значением знака и способом его употребления. Позиционная связь между, например, чем-то съедобным и соответствующим глаголом для Нима не существовала — он не видел никакой разницы между «есть орех» и «орех есть». Из этого следует, доказывает Террейс, что шимпанзе не понимают того, что говорят.

И наконец, Террейс провел тщательный анализ кинофильмов, на которых были запечатлены «беседы» Нима с человеком, и сравнил эти результаты с исследованием разговоров между детьми и родителями. Дети рано начинают понимать, что разговор — это своего рода игра, в которой участники постоянно меняются ролями: сначала скажет один, затем другой. Ребенок редко перебивает собеседника или говорит одновременно с ним. У Нима примерно в 50 процентах случаев высказывания вклинивались в речь собеседника.

Существуют три способа поддерживать разговор после того, как партнер закончил говорить: можно повторить фразу другого полностью, можно частично воспроизвести сказанное и добавить нечто свое и, наконец, можно сказать что-то совершенно новое. Дети до двухлетнего возраста повторяют за родителями до 20 процентов их высказываний. На следующий год доля повторений падает до двух процентов. Ним, однако, на протяжении всего третьего года жизни имитировал 40 процентов фраз своих учителей. Дети до двух лет дополняют сказанное собеседником в 20 процентах случаев, а к трем годам поддерживают таким образом половину разговоров. У Нима добавления не превышали 10 процентов.

По материалам зарубежной печати
публикацию подготовил
С. ПОМЕРАНЦЕВ

ОТ ЗЕМЛИ ПИРИ ДО ЗАЛИВА СКОРСБИ

Может показаться странным, что северо-восток Гренландии, большую часть года почти недоступный для людей, был объявлен национальным парком. Действительно, у многих ученых решение датского парламента, скрепленное королевской печатью, вызвало недоумение. У многих, но не у всех.

Профессор Христиан Виб, известный датский зоолог, один из крупнейших знатоков и исследователей арктической фауны, считает, что, пока вся Гренландия «не разрыта бульдозерами и не завалена консервными банками, ржавыми бочками из-под нефти и пакетами из пластика» (а примерно такую картину можно наблюдать на западном побережье Гренландии, где разместились американские военно-воздушные базы), девственную природу северо-востока острова можно и нужно сохранить. Это по его инициативе территории от Земли Пири на севере до залива Скорсби на юге, равной Италии и Парагваю, вместе взятых, был наконец предоставлен столь высокий и многообещающий статус.

Что же представляет собой новый национальный парк?

Площадь его — 70 миллионов гектаров — несравнима с размерами любого другого парка в мире. Восемь месяцев в году здесь лежит снег. Средняя температура самого теплого летнего месяца $+4^{\circ}\text{C}$ на юге и $+2,8^{\circ}\text{C}$ на севере. Зимой температура падает до -40° и даже до -50°C . Местность неровная, поросшие травой и карликовыми кустарниками холмы сменяются высокими горами. Самая высокая из них — гора Петерман (2940 м).

Главная цель создателей парка —

сохранить от предприимчивых охотников редкие виды животных: белого медведя и тюленя, моржа и кита, а также пернатое население острова — белощекую и черную казарку, белую сову, тундровую куропатку... Северо-восток Гренландии занимает особое место в жизни белых медведей. Именно здесь природе было угодно «организовать» один из основных очагов размножения этих животных. Не без учета интересов белого медведя определены и границы парка.

Долгожданную охранную грамоту получили овцебыки, древнейшие обитатели острова. Ученые считают, что эти животные образуют одну из последних сохранившихся популяций, обосновавшихся здесь 5000 лет назад. Разумеется, охране подлежат не только отдельные представители животного мира, но и природная среда в целом: пастбища овцебыков и пути их традиционных миграций, места устройства берлог белыми медведями и лежбища моржей...

Особая забота исследователей — сохранение следов древних жителей Гренландии, в частности, эскимосских хижин на острове Клавиринг. В национальном парке намечено проведение исследований в области зоологии, ботаники, климатологии, гляциологии и экологии. Здесь будет создано несколько исследовательских центров.

Возможно, в недалеком будущем Гренландский парк станет своеобразным эталоном состояния природной среды в этом любопытном уголке Земли.

Ю. ФЕЙГИН,
сотрудник Всесоюзного НИИ охраны
природы и заповедного дела МСХ
СССР

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ?

С 1964 года я почти ежегодно проводил летние геологические исследования в Заполярье, на территории Мурманской области. Участки наших работ зачастую располагались в самых безлюдных восточных и северо-восточных районах Кольского полуострова, поэтому встречи с обычным бурым медведем для меня и моих товарищей по экспедиции не были особой редкостью. Неоднократно в разной обстановке и на разных расстояниях наблюдали мы кольского медведя — с равномерной, довольно темно-бурой окраской и не особенно крупного. Сталкивались с обычным медведем нос к носу в маршрутах, отскакивали от излишне любопытного мишки на елке, отгоняли ночью воришку от горящего лагерного костра, где он торопливо опустошал ведро с приготовленным на завтра супом. Но были и две встречи с совершенно необычным зверем.

В августе 1971 года геоботаника нашей экспедиции А. Бездетнова проводила маршрут в верховьях реки Лебяжьей (левый приток Поноя — крупнейшей реки Кольского полуострова). Из маршрута она возвращалась с рабочим Д. Николаевым вдоль левого берега Лебяжьей. Дело шло к вечеру, до лагеря оставалось около полутора часов ходу. Выбравшись из низкорослого леса в покрытую голубичником низину, Бездетнова, а за ней и ее помощник остановились как вкопанные: прямо навстречу им по изрытому ложбинами ягельному склону прыжками несся большущий белый медведь! Вот зверь уже в 30—40 метрах, вот он скрылся в ближней ложбине, еще несколько секунд — и... И по склону кубарем снались два медвежонка, тут же пустились наутек к ближайшим густым зарослям березы. Вслед за ними побежал и первый зверь. Только теперь, несколько оправившись от неожиданности, люди были в состоянии рассмотреть его как следует. Медведица оказалась не белой, а желтовато-седой сверху до пояса — словно была густо посыпана мукой. Нижняя часть у туловища и задние лапы имели обычную темно-бурую окраску. Точно такую же расцветку имели и оба медвежонка. Когда малыши

уже скрылись в березняке, медведица остановилась, потом поднялась на задние лапы и некоторое время внимательно рассматривала людей. Габариты мамыши впечатляли; рядом с трех-четырёхметровыми северными березками рост ее можно было определить в два с лишним метра.

Спустя семь лет мы вновь работали в том же районе. Лагерь наш на этот раз находился на левом берегу Поноя, примерно в тридцати километрах к юго-западу от места, где произошла описанная выше встреча. В маршрут на правый берег Поноя 11 сентября 1978 года я отправился в одиночку: необходимо было осмотреть несколько выходов щелочных гранитов в непосредственной близости от лагеря — не далее одного-двух километров, а для рабочих и в лагере накопилась уйма дел.

Переправившись на «резинке» через реку и продравшись сквозь сплошную стену прибрежного тальника, я уже через четверть часа был на месте — у заваленного глыбами гранита подножия склона. Я медленно продвигался вдоль невысокой гранитной гривки, подыскивая место, пригодное для замера элементов залегания породы, как внезапно был остановлен коротким резким рыком. Чуть впереди и слева от меня, в пятнадцати-двадцати метрах, среди крупных глыб гранита стояла на задних лапах огромная медведица, а впереди и правее гривки, на несколько большем расстоянии, сидели, повернувшись в мою сторону, два довольно крупных медвежонка. Вернее, медведица не стояла, а медленно приближалась ко мне и остановилась только тогда, когда я, в свою очередь, увидев ее, бросил молоток и взял на руку ружье. Отстрел медведей на Кольском разрешен, но медведица вроде бы не проявляла особых признаков агрессивности, да, честно говоря, мне было довольно-таки не по себе, и я стоял, выжидая. Медведица показалась мне очень большой, гораздо крупнее любого из виденных мною до этого медведей. Пожалуй, она была значительно более двух метров в высоту и стояла в странной позе — позе человека, вышедшего

В журнале «Вокруг света» № 2 за 1979 год опубликован очерк В. Орлова «Мой медведь с Эмываама» и комментарий к нему доктора биологических наук С. Успенского. Редакция получила несколько откликов на этот материал. Это один из них.

из воды в одежде: передние лапы не подняты вверх, а опущены, немного согнуты и слегка раздвинуты в стороны. Но главное, что сразу обращало на себя внимание, — необычная окраска зверя. Медведица была как бы в приспущенных штанах шоколадно-коричневого цвета, а вся верхняя часть туловища имела цвет кофе с очень большим количеством молока. Граница темного и светлого тонов была очень резкой, никаких темных пятен на передних лапах и на голове я не заметил. Так мы стояли друг против друга не менее 10—15 секунд. Потом, увидев краем глаза, что оба медвежонка перемахнули через гривку и побежали к матери, я медленно отступил на несколько шагов и закричал что было сил. Медведица резко опустилась на все четыре лапы, одновременно развернувшись ко мне спиной, и, не дожидаясь медвежат, бросилась вверх по крутому склону. Медвежата побежали следом, постепенно отставая от матери, и, когда медведица уже перевалила через вершину гряды метрах в трехстах от меня, они едва одолели две трети расстояния. После того как скрылись из виду и медвежата, я попытался рассмотреть и измерить следы медведицы, но ничего, кроме вмятин на моховой подстилке да обсосанных кустов черники, не нашел. Так закончилась вторая встреча со светлыми медведями на Кольском полуострове.

Характерность и однотипность окраски обоих взрослых зверей, отсутствие на кольских побережьях белых медведей и, наконец, идентичная с родительской расцветка медвежат скорее всего исключают в данном случае возможность любого из двух предположений, обсуждавшихся С. Успенским по отношению к чукотским медведям (светлый медведь — гибрид бурого и белого или просто «путешествующий» белый). Вероятнее всего, в малонаселенных и труднодоступных районах Крайнего Севера нашей страны все же обитает еще не описанный специалистами подвид (или вид?) крупного бурого медведя.

В. БУДЬКО, кандидат геолого-минералогических наук

ИГОРЬ ЗОТИКОВ,
доктор географических наук

Я ИСКАЛ НЕ ПТИЦУ КИВИ

С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Вместе с Джорджем Джонсом, с которым я подружился в Антарктиде, мне удалось пересечь Южный остров и посетить Хоки-Тика, где учитель Тревор, наш общий знакомый, возобновил после зимовки на «Базе Скотта» работу в школе. Поездка эта оказалась очень поучительной.

Итак, мы выехали рано утром с восточного побережья острова из города Крайстчерч и отправились в глубь страны. Дорога проходила по равнине, через возделанные поля

Окончание. Начало в № 2 за 1981 год.

пшеницы, но очень скоро появились зеленые холмы, разделенные проволочными загородками на небольшие квадратки, — там паслись овцы и коровы. Чем дальше мы отдалялись от города, тем гуще становились заросли дрока, идущие вдоль дороги. Кусты были сплошь покрыты яркими желтыми цветами.

— Как красивы эти заросли, — похвалил я. И тут же почувствовал, что совершил ошибку.

— Красивы? — вспыхнул Джордж. — Поменьше бы такой красоты. Совсем недавно какой-то негодяй привез это растение сюда из Англии. Тоже считал, что нам не хватает красоты. И вот результат. Вся страна зарастает сейчас этими кустами. Их вырубают,

выжигают, травят, но пока ничего не помогает. Все больше полей зарастает дроком, который не может есть даже овца...

Джордж долго потом сопел, обиженный за Новую Зеландию, с которой Европа сыграла такую злую шутку. А я уже лез в новую ловушку. Время от времени мы проезжали мимо больших, но, как сказал мой попутчик, мелководных озер, похожих у берегов на болота. Середины озер были темными от стай каких-то черных птиц, и я поинтересовался, что это за птицы и почему они не подплывают к берегам.

— Как? Ты и этого не знаешь? — обрушился на меня Джонс. — Это еще один бич страны. Черные лебеди. Их здесь так много, и вред они приносят такой, что охота на них разрешается круглый год. Вот они и сидят на озерах.

Машина вильнула. Это Джонс сделал резкий поворот рулем и проехал по кошке, сбитой, по-видимому, предыдущей машиной. Я внутренне вздрогнул, но промолчал. А пейзаж опять начал меняться: горы стали выше, речушки, которые мы переезжали, — быстрее. Снова встретилась сбитая кошка, и опять Джордж рывком перевел руль машины так, что мы переехали ее. Теперь я успел разглядеть пушистый и толстый хвост — в темно-коричневых поперечных полосах. И тут я не удержал и спросил. В глазах Джорджа блеснул жесткий, стальной огонек:

— Зачем их давлую? Да их сто раз

давить не жалко. Ведь это же опоссумы. — И, увидев, что я все еще не понимаю, начал терпеливо и подробно, как маленькому, разъяснять: — Опоссумов привезли из Америки. Маленький зверек лазает по деревьям, ест листья, неприхотлив, мех хороший. Но им так понравились наши деревья, особенно верхушки их, что там, где живут опоссумы, уже нельзя получить хорошей древесины. Леса просто гибнут. Страна несет огромные убытки. Опоссумы сажают в клетки, травят, но они все еще растут в числе. Да что деревья — они нам всю энергетику, всю связь испортили! Забираются на верхушки телеграфных столбов и — любимое их развлечение — качаются на проводах, да так, что передними лапами держатся за один провод, а отталкиваются от другого. Сколько обрывов, сколько коротких замыканий. Ничего не помогает...

Он безнадежно махнул рукой на один из столбов, мимо которых мы проезжали. И тут я понял, почему столбы выглядели странновато. Нижняя половина их метра на три-четыре была полностью обита со всех сторон кровельным железом, чтобы помешать опоссумам забираться на верхушку:

Как только мы достигли перевала и начали спускаться на другую сторону острова, пошел очень теплый дождь. Я знал, что полные влаги тучи, которые подходят к острову с запада и юга, выливаются именно здесь. Поэтому климат этой части острова не только дождливый, но и очень теплый. Кругом росли какие-то огромные папоротникообразные пальмы.

Хоки-Тика располагалась на сравнительно ровном зеленом склоне холма вблизи моря, среди песчаных отвалов заброшенных карьеров, из которых добывался золотой песок. От «золотой лихорадки» осталась лишь ржавая драга, одиноко мокнущая под дождем.

Нас встретили Тревор и вся его семья: жена и куча ребятишек, не спускавших глаз с «живого русского». Мы пообедали, поговорили и тронулись в обратный путь. Когда добрались до перевала, уже наступила ночь, и вдруг стало ясно, что опоссумы здесь действительно много. Из темноты сверкали необычным фиолетовым огнем глаза зверьков, в которых отражался свет фар. По-видимому, опоссумы были ночными животными, они все время перебегали шоссе, и Джордж снова вилял машиной, чтобы ударить их...

Я вспоминал об этой поездке с Джонсом, об учителе Треворе и думал, что было бы хорошо переехать из госпиталя к одному из этих «антарктических киви», но все они жили сейчас далеко от Крайстчерча и были недоступны мне.

КИВИ НОВОЙ ОКРАСКИ

А вот еще один мой «антарктический киви». Высокий, худой, застенчивый, похожий на Дон-Кихота человек. Зовут его Манфред Хокштейн. Он еще не очень

хорошо говорит по-английски, так как недавно переехал со всей семьей из Западной Германии на постоянное жительство в Новую Зеландию. Обосновался в пригороде столицы страны. По профессии физик, он стал заниматься геофизикой. Еще в Антарктиде мы подружились: я иногда чувствовал себя одиноко, и он тоже. Нам обоим еще не хватало знания языка и обычаев страны, с жителями которой мы общались.

Детство Манфреда прошло в маленьком городке под Мюнхеном. В конце войны пришли американцы, началась неразбериха, старые порядки рухнули, новые еще не родились.

«В дома возвращались солдаты, — с грустью рассказывал Манфред, — изломанные поражением, отрешенные от всех домашних дел. Они доставали где-то бутылки шнапса или самогона, садились в кружок, напивались, спорили, пели песни... А потом снова и снова обсуждались ступени поражения... Они не могли понять, как же так все получилось?» Жизнь была тяжелой, голодной, неопределенной. Манфред и его сверстники целые дни проводили на рынке, обменивая с американскими солдатами домашние старинные безделушки на сигареты, ну а уж американские сигареты тогда были главной неведальвируемой валютой...

Потом Манфред окончил школу, университет, женился. Но чувство неустроенности, неуверенности осталось. И вот теперь он с женой и двумя дочерьми стал новозеландцем, работает в Новозеландской антарктической программе. Я был у него в гостях, в пригороде Веллингтона. Уютный домик, маленький садик. Травяная площадка для детей. Встретили меня жена Манфреда — Гретхен, дети. Оба восторженные, рады показать, как хорошо наконец живут.

В гости, кроме меня, пришли две молодые женщины — учительницы, почти девочки. Ужин неожиданно удивил. Так много всего на столе: сосиски, колбасы, отварная картошка. Отвык я уже здесь от такого. Ведь в Новой Зеландии в понятие гостеприимства «много хорошей еды» не включается. И я сказал, что это очень по-русски, что Манфред, наверное, знает наш обычай — встречать гостя богатым угощением. И вдруг Манфред и его жена Гретхен рассмеялись.

— Нет, Игорь, — сказал Манфред, — это теперь наш немецкий обычай...

И он начал рассказывать, что у них в Германии такого до войны не было. Но в конце войны и сразу после нее они пережили очень голодные времена, когда в Мюнхене за буханку хлеба могли убить. Вот и появился обычай — угощать гостей сытной едой...

И вдруг я увидел, как притихли девочки-учительницы, боясь спугнуть разговор немца с русским. Каждый из нас вспоминал сейчас спокойно свое,

но между слов сквозило: какая ужасная вещь — война...

Потом мы развеселились. Манфред сел за виолончель, и под ее аккомпанемент вся его семья пела разные песни, потом играли в крокет на кусочке лужайки, которой Манфред так гордился...

— Счастливого пути, Игорь, — сказал он мне на прощание, — передай привет Европе. Я уже не вернусь туда. Я хочу остаться здесь навсегда. Я буду киви, пусть мои дети тоже называют себя киви.

Да, если бы Манфред был в Крайстчерче, у меня не было бы никаких проблем.

СЕМЬЯ МЕНЕРИНГОВ

Я перебирал в голове моих знакомых и отбрасывал одного за другим, пока не остановился на имени Гай Менеринг. «Он-то живет здесь, в Крайстчерче!» — чуть не крикнул я.

Первый раз я встретил его в 1965 году. Мы вместе летели из Крайстчерча в Антарктиду Он — на «Базу Скотта», я — на зимовку в Мак-Мердо. Гай Менеринг был в то время на вершине славы. Альпинист, путешественник, первую свою известность он получил благодаря фильму, который снял во время плавания нескольких моторных лодок по Большому каньону реки Колорадо. Впервые тогда люди проплыли по всей реке, зажатой между отвесными скалами. Несколько моторных лодок с водометными двигателями и десяток смельчаков, возглавляемых изобретателем и создателем этих лодок Джоном Гамильтоном, тоже из Крайстчерча, прошли этот, казалось, непроходимый маршрут.

Гай был в этом походе кинооператором и фотографом. Его фильм обошел весь мир. Потом Гай поехал в Антарктиду. Результатом поездки явилась книга художественных фотографий из жизни Антарктики под названием «Этот Юг». Когда мы познакомились, Гай летел за новыми снимками к новой книге. Мы как-то сразу сошлись, но оба отнеслись к этому как к дорожному знакомству без продолжения.

Через год мы снова встретились. Я возвращался домой после зимовки. Мой английский за это время стал уже вполне сносным. У меня появилось много друзей, и вот однажды один из них предложил поехать покататься на моторной лодке своего приятеля. Когда мы приехали на место встречи, оказалось, что приятелем этим был... Гай Менеринг. Поездка получилась интересной для меня, так как дала возможность познакомиться с реками Новой Зеландии. Эти горные реки очень многоводны в нижнем течении из-за обилия осадков. Там, где мы спускали на воду с колес свои моторные лодки, река была похожа на нашу Кубань в среднем ее течении: сильная, холодная, мутная, быстрая. Мы собрались не просто показаться, а половить лососей. Оказалось,

что в реках Новой Зеландии лосося ловят на спиннинг.

Лодки сверху выглядели как обычные, но в нижней их части не было выступающих ниже днища винтов. Вместо этого в днище имелась дыра, куда засасывалась вода. Затем эта вода выбрасывалась под большим давлением и с большой скоростью назад. Получался как бы реактивный двигатель, толкающий лодку вперед. Струя могла выбрасываться в любом направлении, заменяя руль и придавая лодке большую маневренность. Но всю удивительность таких посудин я понял лишь тогда, когда их спустили на воду, моторы заработали — и эти большие лодки понеслись по бурунам, над подводными камнями, чуть ли не торчащими из воды.

Гай слишком много внимания уделял гостям, показывал, рассказывал, его уже не хватало на рыбалку. Мы уже думали, что разговоры о лососях — только разговоры, но, когда к вечеру вернулись к остальным, увидели в лодке у Джона Гамильтона и его компаньона несколько прекрасных рыб. Ну а нам, хотя и не удалось поймать рыбу, зато повезло в другом: Гай, увидев на склоне у берега оленя, быстро достал винтовку, причалил к каменистому пляжу и побежал вверх по камням. Через некоторое время раздался выстрел, а еще через полчаса появился сам Гай, который волок небольшого безрогого оленя. Я думал, что это браконьерство, но оказалось, что здесь и олень считается вредным животным. Настолько вредным, что его разрешают стрелять в любое время года, больше того, хозяин земли, на которой убит олень, должен дать охотнику приличное вознаграждение.

На следующий день, в воскресенье, с утра мы снова собрались в доме Гая. Гай жил на берегу небольшой чистой речки. Его домик был окружен с трех сторон деревьями, и я впервые понастоящему увидел, что делают теплое солнце плюс колоссальное количество осадков. Обычная ольха превратилась в великана с толщиной ствола в три обхвата. Стала она такой лет за тридцать-сорок. Рядом с ольхой соседствовала роща бамбука, росли какие-то удивительные деревья, сплошь покрытые красными цветами. Я познакомился с женой Гая, ее звали Мегги. Невысокая худенькая женщина с лицом королевы Елизаветы с почтовой марки, Мегги занималась тем, что у нас называется домашним хозяйством. Мегги и жена Джона Гамильтона — Хелен умело приготовили оленя, и вторая половина воскресенья прошла весело и непринужденно.

ОТ ПЯТИ ДО ШЕСТИ

Все последующие дни я проводил одинаково. С утра писал отчет о работе на базе, а вечерами бывал у Менерингов. Возвращался домой, в гостиницу, обычно поздно. Мы делили ком-

нату с моим товарищем по зимовке в Антарктиде — американцем, у которого тоже были дела в Крайстчерче. Гостиница засыпала в то время рано. Ведь в ресторан после семи часов вечера посетителей уже не пускали, так как начинал действовать «ночной сухой закон». Вся продажа спиртного, даже пива, прекращалась не только в магазинах, но и в кафе, ресторанах и даже пивнушках — «пабах» — в шесть часов вечера. Говорят, что власти сделали это под давлением избирательниц-женщин, которые не хотели, чтобы их мужчины сидели весь вечер в пивнушках... «Понимаешь, Игорь, — жаловался мне один киви, — у этих женщин совсем нет понимания. Ведь раньше я приходил с работы домой, сидел с женой и детьми часа два-три, занимался хозяйством, а потом шел в паб пропустить кружечку-другую пива с друзьями. А сейчас со всех ног с работы бегу в паб, прежде чем он закроется. И пью уже не две кружки. Надо, чтобы на весь вечер хватило...»

И действительно, в пивных до шести вечера было полно народу. Время от времени в зале раздавался громкий удар колокола, шум на секунду умолкал, и в тишине бармен объявлял: «Джентльмены, до последнего удара осталось пять минут...» Бармен имел в виду удар колокола. Потом снова удар: «Осталось три минуты...» Наконец

еще удар, но оставалась одна минута, в которую каждый мог еще заказать и оплатить хоть десяток кружек и допить их потом целый час. И вдруг — бом, бом, бом, бом! — «Ласт колл! Ласт колл!» — «Последний удар! Последний удар!» — и все кончалось. После этого действительно не продавалось ни кружки...

ОПЯТЬ МЕНЕРИНГИ

Следующий раз я прилетел в Новую Зеландию почти через десять лет. На аэродроме меня встречал лысеющий, седой Гай с еще более похудевшей Мегги. Гай к тому времени был бизнесменом средней руки, одним из тех, которых много в этой стране. У Гая было два пути, чтобы выжить. Или всемерно увеличивать свое «дело», расширять фотолабораторию, ставить производство продукции на поток или пойти по пути сохранения небольшого предприятия с очень высоким качеством работы.

— До сих пор я удерживаюсь на этом уровне, — говорил Гай, устало улыбаясь.

Каких только разговоров мы не вели с Гаем, каких проблем не обсуждали!.. Оказалось, что последние годы в Новой Зеландии происходит постоянный отток белого населения. Гай считает, что

европейцы начинают бояться увеличения веса коренного населения страны — маорийцев, которые становятся все более независимыми и требуют большего участия в управлении страной. Да и процент маорийцев в стране растет. Ведь семьи у них многодетные...

Сам Гай из коренных новозеландцев. Сюда приехал его дед. Он был адвокатом, а все свободное время посвящал путешествиям по новой для него стране, написал о Новой Зеландии несколько книг. Один из высоких пиков Южного острова назван в честь деда Гая горой Менеринга.

«Если только Менеринги в Крайстчерче, то они придут за мной», — думал я, когда в стеклянных дверях, соединяющих нашу палату с улицей, появился спортивного вида седой человек, а за ним женщина, которую почти не было видно за огромным букетом цветов. Это были Гай и Мегги.

— О, дир Игорь! О, дорогой Игорь! Как прекрасно, что мы снова встретились! — запела Мегги...

Тут надо сказать, что английский язык, на котором говорят английские женщины, сильно отличается по конструкции и по произношению от языка, на котором говорят английские мужчины. Он отличается и по ударениям, и по интонациям: «О, дорогой... О, как прекрасно...» Это воспитывается еще в школах, и восклицания, может быть,

даже не имеют отношения к реальным переживаниям, но это делает женщину, как сами англичане говорят, так похожей на леди.

— Игорь! — продолжала ворковать без перебора Мегги. — Нам сообщили, что тебе было бы хорошо погостить где-нибудь, пожить несколько дней среди любящих тебя людей... Когда мы узнали об этом, решили: наша дочь уже замужем, и поэтому дом пуст. Пожалуйста, Игорь, соглашайся... Мы будем так счастливы...

Я согласился и вскоре уже лежал на кожаной кушетке в большой гостиной Менерингов. Почти каждый вечер приходили гости посмотреть на живого советского человека, который пролетом из далекой Антарктики в еще более далекую Россию остановился здесь на время. Я был для них диковинной птицей, случайно залетевшей и задержавшейся здесь с подбитым крылом.

Новая Зеландия — такая маленькая страна, и расположена она так далеко от мест, где в мире происходят основные события, что киви всегда ощущают какой-то голод на причастность к событиям международного масштаба. И видно, одно присутствие русского создавало эффект такой причастности.

По утрам Гай уезжал на работу, а Мегги отправлялась за покупками. Возвращалась она к обеду.

— Игорь, — сказала она однажды, — мой зеленщик спросил сегодня: «Ты не боишься оставаться одна на весь день в доме с этим русским коммунистом?» И я ответила ему: «Если все русские коммунисты такие же, я готова поехать в Россию хоть сегодня же...»

«РЫБЫ ЯЙЦА»

Наступил день, когда из госпиталя мне прислали костыли и сказали, что я могу ходить. С утра я выбирался в садик, разглядывал маленькие странные цветы на подстриженной лужайке, трава которой была, пожалуй, скорее не травой, а плотным мхом: так было здесь влажно. Часам к пяти приезжал Гай. Он спускал легкую, похожую на кануз лодку в реку, на берегу которой стоял наш домик. Меня за-таскивали в лодку, и мы плавали по ней вверх-вниз по спокойной, но быстрой прозрачной воде. Впереди нас и по бортам, сторонясь лодки, разбегались и взлетали дикие утки, пробиваясь через деревья и кусты, обступившие реку со всех сторон. А у дна прозрачной реки стояли, шевеля плавниками и хвостами, ряды длинных темных рыб.

— Что это за рыба?.. — спросил я.

— Форель, — небрежно ответил Гай.

— Форель?! Слушай, Гай, достань мне удочку, и я буду ловить тебе к ужину кучу форели.

Гай долго хохотал в ответ и, когда успокоился, сказал:

— Рыбу в ручьях и реках в черте города ловят только женщины и дети. Мужчины могут делать это лишь за городом. И рыба отлично понимает это, так же как и горные утки, посмотри, как много их в горде, — ничего не боятся. Никто не тронет ни их, ни утят. Другое дело на пустынном озере или реке в горах...

Наконец пришел долгожданный для Гая конец недели. Он и Джон Гамильтон отправились на рыбалку. К вечеру Гай вернулся с десятью большими, весом килограммов по восемь, лососями. В этот же вечер я молча, во все глаза, смотрел, как разделывают рыбу по-новозеландски. Несколько смелых ударов тесака — и огромная голова вместе с передними плавниками летит в корзину для мусора. Туда же летят хвост, другие плавники с их мышцами, кожа, содранная с рыбы. Остающаяся средняя часть тушки отсоединяется от костей и разрезается на добротные плоские куски. Их заворачивают в вошеную бумагу и складывают в морозилку — про запас. На столе осталась солидная красно-золотистая горка икры.

— Что будем делать с рыбьими яйцами?.. — нерешительно спросил Гай.

Так же, как и любой европеец, Гай много слышал о знаменитой, баснословно дорогой русской черной и красной икре, которая называется по-английски «кевиар». Всякая другая рыба икра, в том числе и великолепная крупная икра лососей и осетровых рыб, не приготовленная каким-то таинственным образом русскими, называется «фиш эгс». То есть «рыбьи яйца». И если в русском языке одинаковое название приготовленной и сырой икры подсказывает, что это две близкие вещи, то в английском между «кевиар» и «фиш эгс» огромная разница.

Еще в предыдущий свой приезд сюда мы с моим товарищем обещали Менерингам узнать «русский секрет» приготовления «кевиар». Дома навели справки, и вот хозяйева благоговейно следили за процессом превращения «рыбьих яиц» в благородный «кевиар». Когда на другой день пришли гости, сэр Джон и леди Гамильтон, на столе, кроме запеченного мяса оленя и отбивных из лосося, была и тарелка с отличной малосольной красной икрой...

Однажды Мегги вернулась из города с какой-то очень энергичной черно-волосой худенькой женщиной. Из-за обилия помады и пудры на лице трудно было судить о ее возрасте.

— Игорь, это моя приятельница по вечернему университету, ее зовут Соня. Она изучает русский язык и литературу и хотела бы поговорить с настоящим русским, если ты не возражаешь, — несколько скованно проговорила Мегги.

Соня решительно подошла ко мне и заговорила на хорошем, без акцента, русском языке. Она рассказала, как они с мужем решили бросить Америку и как в поисках места, куда переехать, вдруг обнаружили существование Новой Зеландии, в которой когда-то бывал один из их родственников. Она рассказала, что они переехали сюда из Нью-Йорка с двумя детьми, мальчиком и девочкой, потому что жить в Нью-Йорке с детьми было невозможно. Город начинал развращать их: наркомания, преступность... «Как вспомню соседний с нами квартал, так до сих пор мурашки по коже бегут... И конечно же, — продолжала Соня, — мы купили здесь, в Крайстчерче, прекрасный участок земли и решили строить дом сами. Настоящий современный американский дом. Ведь вы, новозеландцы, не умеете строить домов, — вежливо кивнула она Гаю и снова пустилась в рассуждения: — Дело в том, что мой муж архитектор, и он решил начать заново свою карьеру здесь. Но разве есть работа для американского архитектора в такой маленькой и примитивной дыре, как ваша страна, Гай?..» Гай медленно закивал, а Соня все трещала: «Мои дети пошли здесь в школу. Девочка прижилась, а мальчика начали травить. Мой сын — настоящий американский мальчик. Он твердо знает, что может во всем быть первым, и старался быть им. Это прекрасное чувство быть уверенным, что ты из тех, кто должен быть первым. Но ваши дети, Гай, — они, по-видимому, завидовали моему мальчику, — избивали его каждый день. Он ходил все время с синяками. А учителя не понимали его свободного мышления. Ведь ваши школы такие старомодные. Поэтому ему ставили низкие отметки... Сейчас мой мальчик вернулся в США и записался добровольцем в военноморской флот. Ах, Игорь, моему мальчику так идет форма матроса флота США. Он в ней просто иллюстрация к рекламному плакату «Вступайте в

ряды нашего флота!». Мы с Гаем переглянулись, а Соня уже щебетала о том, как из США в Крайстчерч идет контейнер за контейнером с мебелью, холодильниками, настоящими американскими коврами, другой домашней утварью. «Ведь у вас, Гай, не умеют делать ничего хорошего, кроме баранины и шерсти», — она снова кивнула хозяину...

Я почувствовал, что, если она не замолчит, Гай забудет, что он хозяин и даст ей в глаз, как это делали здесь с ее сыном. Чувствовалось, что и Мегги уже не слушает подругу, а в основном с тревогой следит за мужем, чтобы вовремя остановить взрыв...

— Соня, а кто вы по национальности? — нашлась она, меняя предмет разговора.

— Я? Конечно, американка. Но мои предки — выходцы из Сицилии и Ирландии. А муж, хотя тоже американец, но родился в Голландии.

Мы с Мегги поняли, что на этот раз гроза прошла стороной.

НЕОБЫЧНЫЙ ОТЪЕЗД

Выздоровление пришло внезапно. Неожиданно почти пропала боль, и я начал хоть и хромяя, но ходить. И все. Пора было двигаться дальше. Улетал я из Новой Зеландии так же необычно, как и въехал в нее. Дело в том, что, прежде чем вернуться домой, я должен был лететь в США через Гавайские острова. За день до вылета обнаружилось, что мой паспорт до сих пор лежит в американском посольстве в Веллингтоне для получения визы. После часа оживленных переговоров по телефону посольство завершило, что паспорт будет в аэропорту Крайстчерча к моменту отлета экспедиционного самолета. Привезет его туда специальный гонец.

На другой день выяснилось, что самолет улетел без нас со срочным грузом, а мы через сутки вылетим другим самолетом. Выяснилось также, что моего паспорта по-прежнему нет. Снова телефонные переговоры. Оказалось, паспорт отослан в Крайстчерч со специальным курьером — сержантом морской пехоты из охраны посольства. Когда курьер с моим паспортом прилетел в Крайстчерч, он, вместо того чтобы пойти в штаб антарктических операций, справился о вылете экспедиционного самолета антарктической экспедиции у диспетчера аэропорта. Ему ответили, что самолет улетел час назад, на несколько часов раньше, чем предполагалось. «Ага, — решил сержант, — раз так, хозяин паспорта уже летит сейчас в сторону Гавайских островов. Но ведь Гавайи — это уже Америка. И первый вопрос, который там зададут каждому: «Покажите ваш паспорт». А это значит — он, сержант морской пехоты США, не выполнил задания». Сержант не размышлял долго — лишь спросил диспетчера, когда вылетает ближайший рейсовый самолет в Америку и попросил билет

на рейс от Крайстчерча до Гонолулу. «И отнесите стоимость билета на счет американского посольства в Веллингтоне».

Гонец знал, что рейсовые «боинги» летают значительно быстрее, чем тихоходные экспедиционные грузовые самолеты. И за десять часов полета «боинг» обгонит тихоход. Так и произошло, и когда самолет экспедиции садился на базе Хиким, рядом с международным аэропортом Гонолулу, довольный сержант уже поджидал его, заранее предвкушая, как все будут рады его оперативности. Можно представить себе его удивление, когда он узнал, что все пассажиры, которые собирались лететь в Америку, остались в Новой Зеландии. «А русский ученый?» — спросил он с надеждой. «И русский тоже», — был ответ. И тут только сержант понял, что в логичной цепи рассуждений, которые привели его сейчас на Гавайи, он забыл подумать об одном: как можно улететь из такой хорошо охраняемой пограничным и таможенным контролем страны, как Новая Зеландия, без паспорта. Тут только гонец решил, что он, пожалуй, поторопился и принял на себя слишком много оперативных решений. И он послал в свое посольство и нам в Крайстчерч телеграмму примерно такого содержания: «Прилетел Крайстчерч с опозданием, самолет в Америку уже улетел. Купил счет посольства билет первый рейсовый самолет Гонолулу, чтобы привезти туда паспорт Зотикова. Нахожусь Гонолулу базе Хиким. Выяснил, Зотиков сейчас Новой Зеландии, его паспорт у меня, жду указаний, что делать паспортом Зотикова, куда и как лететь мне самому».

Посольство ответило сразу и тоже в два адреса примерно так: «Подождите прилета Зотикова в Гонолулу и ни в коем случае не летите обратно рейсовым самолетом за счет посольства». Я представлял, как болят сейчас головы у работников американского посольства, ведь им надо будет писать объяснение о необходимости полета сержанта в Гонолулу, чтобы списать деньги, потраченные на билет. Но мне было не до смеха. Как улететь из Новой Зеландии, если твой паспорт находится в Америке и между вами около десяти тысяч километров океана? И вот тут я увидел, как работают американцы — мои друзья из антарктической программы США. За несколько часов, оставшихся до моего отлета, они сделали так, что в далеком Гонолулу мой паспорт просмотрел и списал с него основные данные консул Новой Зеландии, официальный чиновник МИДа, который, по счастью, там оказался. Когда он телетайпом прислал в пограничную службу Крайстчерча все данные — это был почти новый паспорт.

Почти, но не совсем — не хватало фотографии и образца подписи, чтобы пограничникам было ясно, что я — это я. Но тут было уже проще. Те же друзья письменно поручились, что я тот, за кого себя выдаю. Таможенный

офицер Новой Зеландии пожал мне руку, пожелал счастливого пути, и я снова оказался в салоне самолета, летящего далеко-далеко на север — на Гавайские острова.

На память об этом эпизоде в моем международном паспорте количество пограничных штампов о въезде в Новую Зеландию на один больше, чем количество штампов о выезде из нее.

Л. ЧЕШКОВА

Фото А. ТАРАСЕВИЧА

ПРАЗДНИК ЗЕЛЕНОГО СТЕКЛА

Тополиная метель кружила над стенами Новодевичьего монастыря. Обновленно сияли купола Смоленского собора. На белокаменное убранство храмов падала тень листвы. В красках летнего дня, в токах теплого воздуха история переставала быть только историей...

А может быть, ушедшие столетия так неожиданно приблизились ко мне потому, что за каменными стенами монастырских строений я только что видела реалии далекой жизни?

В те дни под низкими сводами Стрелецких караулен была открыта выставка «Русское художественное стекло», собравшая изделия мастеров начиная с XVII века. Мой взгляд сразу же приковал к себе деревянный шкаф-поставец: на его потертых боках еще цвели цветы, мчались кони и львы, а в глубине, за перекрестиями решетки, тускло отсвечивали штофы зеленого бутылочного стекла. Рядом в витринах стояли бутылки, кувшины, фляги — крупные, объемные и тоже выдутые из толстого зеленого стекла.

В этих изделиях русских мастеров XVIII века ощущались простота, цельность, ясность и благодаря росписи какая-то ярмарочная веселость. То была посуда посадских людей и купцов. Ее производили все мелкие частные заводы России, и до поры до времени она оставалась просто посудой. Тем интереснее она сегодня для нас...

Но как удалось «раскопать» этот пласт давно ушедшей жизни?

Мы сидим с Ниной Александровной Ашариной на широком каменном крыльце Стрелецких караулен, под Сетуньской башней монастыря, и ведем неторопливый разговор. Нина Александровна, заведующая отделом керамики ГИМа (Государственного Исторического музея), уже шестнадцать лет занимается стеклом. Народное бутылочное стекло было ее первой работой после университета, да так и осталось темой, с которой невозможно расстаться — в ней еще много загадочного, неясного для исследователя.

— Начала я свою работу не на пустом месте, — говорит Нина Александровна. — В коллекции Исторического музея собрано более 300 работ, в коллекциях музеев Ленинграда и Киева — 50. Очень обстоятельно о старых русских стекловых заводах писала в 30-х годах нашего столетия Н. А. Бакланова. Так что мне было от чего оттолкнуться. Но когда я взялась за изучение музейных коллекций, вопросы посыпались один за другим...

В XVIII веке, рассказывает Ашарина, были распространены два типа стекла — бесцветное, которое называли «цесарским» или «немецким», и зеленое бутылочное — его именовали «черкасским» или «украинским». Изготавливали бутылочное стекло из неочищенного, с примесью железа песка, оттого и цвет темно-зеленый. Названия эти появились не случайно: много веков назад в Московию приглашали иноземных мастеров стекловых дел и мастеров с Украины. Шло время, на Руси появились свои умельцы, а названия «черкасское» и «цесарское» по традиции сохранялись.

— Пришлось поспорить с традицией, — улыбнулась Нина Александровна.

Ашарина работала с документами в архивах и с сохранившимися изделиями. Вынимала из запасников музеев штофы, кухли — бутылки для пива, флаги, рукомы, кувшины, снимала с них многолетнюю пыль и пристально исследовала ожившую, заигравшую яркими красками роспись. Сравнивала ее с лубком, с русскими изразцами, с русской резьбой по дереву и находила много общего. В сюжетах, в орнаментике.

Мы подошли к уже знакомым мне витринам.

...Неуклюжий мишка, выдутый

из зеленого стекла, добродушно смотрел на нас, растопырив лапы. В первой половине XVIII века сделали мастера эту фигурную бутылку, очень немногословную, лаконичную, но легко узнаваемую — медведь словно вышел из русских сказок.

...Широкобедрый, с узким горлышком сосуд. На нем яркими эмалевыми красками нарисованы длинноногий журавль и пышная ветка цветов и листьев. Похожие рисунки и на другой посуде: плавно изогнутые ветки с ягодами и цветами; птицы, львы, грифоны или олени, написанные красной эмалью, лишь гривы и оперение светятся желтым. Орнаментика сказочная, фантастическая, фольклорная.

— Эти растительные и анималистические мотивы очень устойчивы: их можно проследить в течение всего столетия, — замечает Ашарина. — Но посмотрите, какие сюжетные композиции — исторические, библейские, жанровые — предлагают нам художники прошлого...

Рассматриваю куклу, кувшины. Яркие фигурки горожан в русских одеждах, музыкантов, кулачных бойцов. Часты сцены праздника: дама и кавалер пьют вино, катаются в карете, танцуют под музыку скрипача. Целое повествование, долгое и подробное, можно «прочитать» на темно-зеленых боках ведерной бутылки, принадлежавшей коломенскому купцу Василию Климонтову, сыну Бачарникова. Это история Иосифа Прекрасного. Рисунки-клейма (их четырнадцать) расположены в три яруса, и каждый ярус — сцены одного действия. Оно развивается последовательно и сопровождается текстом: бисер букв дополняет рисунки подобно орнаменту. Любопытно, что библейская история об Иосифе Прекрасном как бы заземлена художником, приближена к жизни — в фигурках явственно узнаются дамы и кавалеры XVIII века.

Вообще народное стекло несет немало любопытной для нас информации. Оно не только передает представления тех людей о красоте, веселье, говорит об их религиозности и степени образованности. Почти на каждом изделии есть год его создания, имя владельца, знаменательные даты его жизни. Но — увы! — ни на одном не запечатлено имя автора. Также, кстати, характерная деталь той жизни — этакое небрежение к мастерскому человеку...

Редко, но встречаются изображения реальных событий. На одной бутылки, хранящейся в запасниках ГИМа, запечатлено взятие на бордаж трехпалубного корабля. Фантазия художника заставила шагать воинов по волнам бушующего моря... Вполне вероятно, что этот рисунок изображает взятие русскими фрегата «Элефант» во время Северной войны.

— Изучая русское народное стекло, — говорит Нина Александровна, —

я пришла к выводу, что делали его на разных заводах, а расписывали где-то в одном месте. Явно видна рука трех-четырех мастеров. Но где они работали? Пока это остается загадкой... Есть, правда, на штофе 1726 года из Саратовского художественного музея надпись, что изготовлен он в «Гавриловой фабрики». И на бочонке из коллекции ГИМа имеется подобная, но сокращенная пометка. Но связать эти данные с каким-либо русским заводом пока не удалось...

— А имена мастеров? Возможно ли их установить?

— Хотя до конца XIX века стекло не клеймилось, что-то имена все-таки приоткрылись... Со временем, с опытом начинаешь узнавать одну руку. Изучаешь архивы, переписку, отчеты о деятельности заводов, их ассортименты, мастерах, сопоставляешь с сохранившимися образцами. Все сведения по «иточкам» собираются в один запутанный клубок, и вдруг находка! Маленькая, но находка. Она ложится уже на подготовленную почву, как последняя точка в поиске, и уже можно попытаться размотать весь клубок... Так было, например, с «потешными» кубками, которые долгое время считались безымянными. Взгляните на них...

Высокие кубки бесцветного стекла. На крышке одного — фигурка баранчика, на крышке другого — петух. Кубки с хитростями, с подвохом: пей, да не напивайся. Одним словом, «шутихи». В них явно ощущаются традиции скоморошества, ярмарочной шутки, но видна уже привнесенная техника. Эти «потешные» кубки делались под Москвой на Измайловском заводе, который работал «про обиход великого государя». Н. А. Ашарина подняла все материалы об этом заводе, основанном в 1668 году, изучила все восемь «шутих» из коллекции ГИМа (в других музеях страны их нет, в европейских — шесть), поняла, что сделаны они одним мастером. И вот тут-то исследовательнице попался архивный документ, в котором говорилось, что фигурный мастер Андрей Лерин, сорок лет проработавший на Измайловском заводе, оказался после закрытия завода не у дел. Сомнений не оставалось: он и есть автор «потешных» кубков.

— Конечно, не будь в прошлом такого небрежения к мастерам, нам бы куда легче работало сегодня, — говорит Нина Александровна. — Вот недавно попался мне один документ. Русский посол сообщал, что «некий химик» (им был Фридрих Эгерман) предлагает передать рецепт цветного стекла в Россию. И это в начале XIX века, когда Россия уже знала монососовское цветное стекло! Самое любопытное, что документ этот прошел в свое время через многие руки, и никто, кроме директора Императорского завода, не знал, что существует русское цветное стекло. И уж тем

более не знал имен мастеров, работавших даже с таким удивительным стеклом, как «золотой рубин»...

— Но вернемся к бутылочному стеклу...

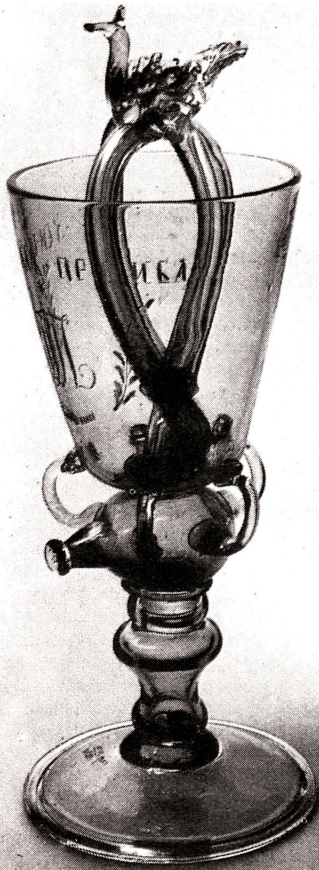
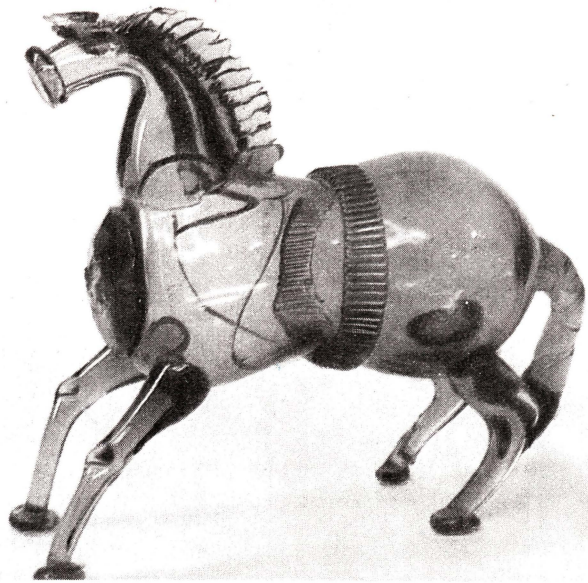
Ашарина задумалась.

— Дальнейшая его судьба незавидна. Уже к концу XVIII века орнамент

росписи упрощается, краски бледнеют, рисунок нередко превращается в штамп... Развитие стекольного дела в России пошло по иному руслу. Ямбургский и Императорский заводы работали уже в стиле барокко, классицизма, ампира. Русское народное стекло как таковое сошло на нет. Апо-

геем его развития был XVIII век. Поэтому-то так дороги нам и, если хотите, уникальны эти изделия. Они открывают малоизвестную страницу русского декоративного искусства. Страницу нашего национального мастерства.

Москва

МАЙ ШЕВАЛЛЬ И ПЕР ВАЛЁ

В ТУПИКЕ

Роман

Тринадцатого ноября Мартин Бек сидел в квартире Колльберга неподалеку от станции метро «Шермарбринк» на южной окраине города и с увлечением играл с хозяином в шахматы.

У Колльберга была двухмесячная дочка, и сегодня вечером ему пришлось сидеть дома, выполняя обязанности няньки. В свою очередь, Мартин Бек не очень стремился домой.

Погода была отвратительная. Над

крышами плыла сплошная завеса дождя, плеская в стекла окон; улицы были почти пустые, лишь кое-где на них появлялись прохожие, которых, казалось, в такую слякоть могло выгнать из дому только какое-то несчастье.

Перед посольством Соединенных Штатов на Страндвеген и на соседних улицах четыреста двенадцать полицейских боролись с примерно вдвое большим числом демонстрантов. Полицейские были оснащены гранатами со слезоточивым газом, пистолетами, палками, дубинками, машинами, мотоциклами, коротковолновыми приемниками, мегафонами на батарейках, натренированными собаками и встревоженными лошадьми. Демонстранты были вооружены письмом и картонными транспарантами. Демонстранты не составляли монолитную группу, поскольку среди них были самые различные люди: от тринадцатилетних школьников в джинсах и спортивных куртках и чрезвычайно важных студенческих деятелей до провокаторов, профессиональных крикунов и даже одной восьмидесятилетней актрисы в берете и с голубым шелковым зонтиком. Какой-то большой общий стимул давал им силу выдерживать и ливень, и все, что могло случиться.

Полицейские, в свою очередь, отнюдь не представляли собой элиту полицейского корпуса. Их собрали из разных участков города. Тем же, у кого был знакомый врач, или сумевшим при помощи уловок как-то выкрутиться, посчастливилось избежать этой командировки.

Лошади грызли удила и становились на дыбы, полицейские хватались за кобуры пистолетов и непрерывно махали дубинками. Тринадцатилетняя девочка несла транспарант с примечательным текстом: «Исполняй свой долг! Собирай больше полицейских вместе!» Трое полицейских, килограммов по восемьдесят пять, бросились к ней, разодрали плакат, а девочку потащили к полицейской машине, заламывая ей руки и хватая за грудь.

Всего полиция задержала более пятидесяти человек. Многие из них получили ранения. Кое-кто из задержанных был личностью более или менее известной. Эти люди могли написать в газету, выступить по радио или по телевидению. Когда дежурные в полицейском участке обнаруживали такого, у них мороз шел по коже и они торопились отпустить его. Для других задержанных этот обязательный допрос проходил не столь легко. Ведь кто-то же попал в голову конному полицейскому пустой бутылкой.

Операцией руководил полицейский высокого ранга с военным образованием. Он, кажется, был экспертом по

делам, которые касались общественного порядка, и теперь с удовольствием смотрел на хаос, который ему посчастливилось вызвать среди демонстрантов.

В квартире около станции метро «Шермарбринк» Колльберг собрал фигуры с шахматной доски в деревянный ящичек.

Его жена как раз возвратилась со своих вечерних курсов и сразу же легла спать.

— Ты никогда не научишься играть в шахматы,— посетовал Колльберг.

— Видимо, для этого необходим особый дар,— удрученно ответил Мартин Бек.

Колльберг сменил тему:

— Сегодня вечером на Страндвеген черт знает что делается.

— Возможно. Чего они хотят?

— Вручить письмо послу,— сказал Колльберг — Только вручить письмо. Почему они не пошлют его почтой?

— Тогда бы это не привлекло такого внимания.

Мартин Бек надел шляпу и плащ и направился к двери. Колльберг быстро поднялся.

— Я тебя провожу,— сказал он.

— Зачем тебе выходить на улицу?

— Да немного погуляю.

Мартин Бек и Колльберг были полицейскими, работали в государственной комиссии по расследованию убийств. Временно они не имели каких-либо срочных дел и могли более или менее спокойно отдохнуть.

В городе не было видно ни единого стража порядка. Около центрального вокзала какая-то пожилая женщина напрасно ждала, что подойдет полицейский, отдаст честь и, улыбаясь, переведет ее через улицу. Какой-то тип, собиравшийся разбить кирпичом витрину, мог не бояться, что вой сирены полицейской машины прервет его работу.

Полиция была занята.

Неделю назад шеф государственной полиции в официальной речи заявил, что его подчиненным придется пренебречь многими своими обычными обязанностями, так как необходимо защищать американское посольство от действий тех, кому не нравится война во Вьетнаме.

Первому помощнику комиссара полиции Леннарту Колльбергу также не нравилась война во Вьетнаме, зато он любил шататься по городу в дождь.

В одиннадцать часов демонстрация, можно сказать, закончилась, но дождь не перестал лить.

Почти в ту же самую минуту в Стокгольме произошла одна попытка убийства и восемь убийств.

«Дождь,— уныло думал он, смотря в окно автобуса,— ноябрьская темнота и дождь, холодный и густой. Вестник близкой зимы. Скоро пойдет снег».

Именно теперь в городе не было ничего привлекательного. Неприветливый бульвар, плохо спланированный. Он никуда не ведет, а просто остался грустным воспоминанием, что когда-то давно началось с большим размахом расширение города, но не закончилось. Здесь не было освещенных витрин и прохожих на тротуарах.

Он так долго шатался по улицам в дождь, что вымок насквозь, и теперь чувствовал, как холодная вода стекала по затылку и шее, увы, даже между лопатками. Расстегнул две верхние пуговицы плаща, засунул правую руку в карман куртки, легонько коснулся пистолета, на ощупь тоже холодного и влажного.

От этого прикосновения мужчина в темно-синем поплиновом плаще помимо воли вздрогнул и попробовал думать о чем-то другом. Например, о гостиничной террасе в Андрайче, где он пять месяцев назад проводил отпуск. О тяжелом неподвижном зное, о ярком солнце над набережной и рыбацкими челнами и о бездонном голубом небе над цепью гор на той стороне залива.

Потом он подумал, что, наверное, в это время года там тоже идет дождь и что в домах нет парового отопления, только камин.

И что он уже не на той улице, по которой проезжал недавно, и что скоро ему вновь придется выйти на дождь.

Он услышал за спиной шаги и догадался, что по лестнице спускается тот человек, который сел еще в центре перед магазином Олена на Кларабергсгатан, за двенадцать остановок отсюда.

«Дождь,— подумал он.— Не люблю дождя. Собственно говоря, я его ненавижу. Интересно, когда меня вывясят? Наконец, почему я здесь болтаюсь, почему не лежу дома около...»

И это было последнее, о чем он подумал.

Автобус был красный, двухэтажный, с кремовым верхом и серой лакированной крышей. Как раз в этот вечер он курсировал сорок седьмым маршрутом в Стокгольме от Бельмансру в Юргордене до Карлберга и обратно. Теперь он ехал на северо-запад и приближался к конечной остановке вблизи Норра Сташунсгатан, что находилась всего в нескольких метрах от границы, которая разделяла Стокгольм и Сольну.

Сольна, предместье Стокгольма, является отдельной коммунально-административной единицей, хотя граница между обоими городами существует только в виде ломаной линии на карте.

Фары автобуса были включены. Среди безлистных деревьев на безлюдной Карлбергсвеген он со своими запотевшими окнами казался теплым и уютным. Потом автобус свернул направо на Норрбаккагатан, и звук мотора притих на длинном уклоне к Норра Сташунсгатан. Струи дождя

хлестали по крыше и по стеклам, а колеса, которые тяжело и неумолимо катились вниз, вздымали целые каскады воды.

Конец улицы был также концом уклона. Автобус должен был повернуть под углом в тридцать градусов на Норра Сташунсгатан, а потом проехать еще триста метров до конечной остановки.

На повороте автобус как бы остановился на мгновение, потом покатился через улицу, выехал на тротуар и врезался в проволочное ограждение, которым отделялся пустой двор какого-то склада на Норра Сташунсгатан.

Там он остановился.

Мотор затих, но фары и освещение внутри не потухли. Запотевшие стекла продолжали уютно блестеть среди темноты и холода.

Было три минуты двенадцатого ночи тринадцатого ноября 1967 года.

В Стокгольме.

Кристианссон и Квант патрулировали на радиофицированной машине в Сольне.

На протяжении своей достаточно однообразной службы они задерживали сотни пьяных и много воров.

В этот вечер им ничего не попадалось, только перепало по кружке пива, о чем, наверное, не следовало вспоминать, поскольку это противоречило порядку.

Кристианссон и Квант были похожи друг на друга и осанкой и видом. Оба ростом метр восемьдесят сантиметров, светловолосые, широкоплечие и голубоглазые. Зато они очень отличались темпераментом и имели совершенно разные взгляды по многим вопросам.

Квант был неподкупен. Он никогда не бросал не доведенными до конца тех дел, которые намечал, но, с другой стороны, он, как никто другой, умел намечать как можно меньше.

В угрюмом молчании он медленно тронулся через колонию домиков, мимо железнодорожного музея, бактериологической лаборатории, института для слепых, а далее, петляя, он вел машину через весь большой район высших учебных заведений с их чистенькими корпусами, пока наконец мимо здания железнодорожного управления не выехал на Томтебудавеген.

Это была мастерски отработанная трасса, которая вела кварталами, где почти определенно никого нельзя было встретить. За всю дорогу им не попала ни одна машина, и они увидели только два живых существа — кога, а через некоторое время еще одного.

Проехав до конца Томтебудавеген, Квант остановил машину за несколько метров от границы Стокгольма, не выключая мотора, и начал думать, куда податься далее.

«Интересно, хватит ли у тебя нахальства возвратиться тем же самым путем?» — подумал Кристианссон, но вслух сказал:

— Ты не дашь мне взаймы десятку?

Квант качнул головой, вытаскивал

кошелек из внутреннего кармана и, даже не взглянув на Кристианссона, дал ему десятку. И тотчас же решил, что ему делать. Если он пересечет границу города и проедет пятьсот метров по Норра Сташунггата в северо-восточном направлении, они пробудут в Стокгольме минуты две, не больше. Затем можно было бы свернуть на Евгениавеген, пересечь территорию больницы, поехать по Хагапаркен, далее на север мимо кладбища и, наконец, добраться до своего полицейского участка. Таким образом, их патрулирование закончилось бы и шансы встретить кого-либо сведены до минимума.

Машина пересекла границу и свернула налево на Норра Сташунггата.

Кристианссон спрятал десятку и зевнул. Потом сощурил глаза, взглядываясь в дождь, и сказал:

— Вон черт какой-то старый черт с собакой. И нам машет рукой.

— Это не наш участок, — ответил Квант.

Мужчина с собакой, смехотворно маленьким песиком, которого он тащил за собой по лужам, выбежал на мостовую и стал перед машиной.

— А, черт тебя возьми! — выругался Квант и резко затормозил.

Он опустил боковое стекло и крикнул:

— Какого дьявола вы выскочили на мостовую?

— Там... там автобус, — сказал мужчина, хватая ртом воздух, и показал в глубь улицы.

— Ну и что же? — бесцеремонно перебил его Кристианссон.

— Там... там случилось несчастье.

— Хорошо, сейчас посмотрим, — нетерпеливо сказал Квант. — Дайте дорогу. — Он тронулся с места. — И не выскакивайте больше так на улицу! — крикнул он через плечо.

Кристианссон всматривался в дождь.

— Так, — покорно сказал он. — Автобус съехал с мостовой. Вон тот двухэтажный.

— В нем свет, — сказал Квант. — И передняя дверь открыта. Выйди, Калле, посмотри, что там такое.

Он остановил машину наискосок перед автобусом. Кристианссон открыл дверцу, привычно поправил пистолет и сказал про себя:

— Конечно, посмотрим, что случилось.

Как и Квант, он был в сапогах и кожаной куртке с блестящими пуговицами, а на поясе висели дубинка и пистолет.

Квант остался в машине и наблюдал, как Кристианссон медленно направился к открытой передней двери автобуса, взялся за поручень и неловко поднялся на ступеньку, чтобы заглянуть внутрь. Потом вдруг рванулся назад, согнулся вдвое и одновременно схватился за пистолет.

Квант среагировал быстро. За какие-то секунды он включил красные фары

и оранжевый маяк, который был в каждой патрульной машине.

Кристианссон все еще стоял, согнувшись, около автобуса, а Квант уже успел выскочить из машины, вытащить и снять с предохранителя свой вальтер и даже посмотреть на часы. Стрелки показывали тринадцать минут двенадцатого.

Первым полицейским, который пришел по вызову на Норра Сташунггата, был Гюнвард Ларссон.

Он сидел за своим письменным столом в Доме полиции на Кумгсхольмггата, наверное, уже в десятый раз пробегал глазами какой-то нескладно составленный рапорт, не улавливая его сути, и думал, когда они наконец пойдут домой.

В понятие «они» входили шеф государственной полиции, его заместители, а также разные руководители отдела и комиссары, которые по случаю успешного окончания демонстрации шатались по лестницам и коридорам. Как только все эти лица сочтут, что пора кончать рабочий день и уйдут отсюда, он сделает то же самое, и как можно быстрее.

Зазвонил телефон. Гюнвард Ларссон скривился и взял трубку.

— Ларссон слушает.

— Говорит центральная станция полицейской службы. Радиопатруль из Солнына нашел на Норра Сташунггата автобус, полный трупов.

Гюнвард Ларссон посмотрел на электрические стенные часы, которые показывали восемнадцать минут двенадцатого, и спросил:

— Как патруль из Солнына мог найти автобус, полный трупов, в Стокгольме?

Гюнвард Ларссон был старшим помощником комиссара стокингсхольмской уполномоченной полиции. У него был тяжелый характер, и коллеги не очень его любили.

Он затормозил машину, поднял воротник плаща и вышел под ливень. Красный двухэтажный автобус стоял поперек тротуара, передняя часть его вздыбилась, пробив ограду из стальных прутьев. Увидел Ларссон также черный «плимут» с белой крышей и белой надписью на дверце «Полиция». На машине горели габаритные огни, а в кругу света от подвижных фар стояли двое полицейских с пистолетами в руках. Оба казались неестественно бледными.

— Что здесь произошло? — спросил Гюнвард Ларссон.

— Там... там внутри множество трупов, — сказал один из полицейских.

— Да, — сказал второй. — Совершенно верно. И множество гильз.

— Один как будто бы еще живой.

— И один полицейский.

— Полицейский? — удивился Гюнвард Ларссон.

— Да. Из уполномоченной полиции.

— Мы его узнали. Он работает в комиссии по расследованию убийств.

— Но не знаем, как его зовут. Он в синем плаще. И мертвый.

Оба полицейских говорили неуверенно, тихо, перебивали один другого.

Они были отнюдь не маленького роста и все же рядом с Гюнвардом Ларссоном выглядели не очень внушительно.

Гюнвард Ларссон был ростом метр девяносто два сантиметра и весил девяносто девять килограммов. Он был широкоплеч, словно профессиональный боксер-тяжеловес, и имел большие волосатые руки. Его зачесанные сверху светлые волосы успели намочнуть.

Сквозь шум дождя доносилось завывание многочисленных сирен. Казалось, они приближаются со всех сторон. Гюнвард Ларссон прислушался к вою сирен и спросил:

— Это Солнына?

— Как раз граница. — хитро ответил Квант.

Гюнвард Ларссон равнодушно смерил голубыми глазами Кристианссона и Кванта и быстрым шагом подошел к автобусу.

— Там внутри... как на бойне, — сказал Кристианссон.

Гюнвард Ларссон не прикоснулся к автобусу. Он просунул голову в открытую дверь и обвел взглядом помещение.

— Да, — сказал он спокойно, — там в самом деле, как на бойне.

Мартин Бек задержался на пороге своей квартиры. Он снял плащ, стряхнул с него воду, повесил в коридоре и только после этого запер входную дверь.

В коридоре было темно, но он не включил свет. Из-под дверей комнаты дочери пробивалась полоска света, и он услышал, что там либо играет радио, либо крутится пластинка. Он постучал и зашел.

Дочь звали Ингрид, ей было шестнадцать лет. За последнее время она повзрослела, и Мартину Беку все легче становилось находить с ней общий язык. Девушка была спокойна, деловита, достаточно умна, и ему нравилось разговаривать с ней. Она ходила в последний класс основной школы, у нее были хорошие успехи в учебе, но она не принадлежала к той категории учеников, которых называли зубрилами.

Дочь лежала на кровати и читала. На ночном столике крутился диск проигрывателя. Не поп-музыка, а что-то классическое, Мартину Беку показались Бетховен.

— Привет, — сказал он. — Ты не спишь?

Он сразу умолк, почувствовав бессмыслицу своего вопроса, и минуту думал о всех тех банальных словах, которые были сказаны в этих стенах за последние десять лет. Ингрид отложила книжку и остановила проигрыватель.

— Привет, папа. Ты что-то сказал? Он покачал головой.
— Господи, у тебя совершенно промокли ноги,— сказала девочка.— Там продолжает лить?
— Как из ведра. Мама и Рольф спят?

— Наверное, мама загнала Рольфа в постель сразу после обеда. Говорит, что он простужен.

Мартин Бек сел на краю кровати.
— А он что, не простужен?
— По крайней мере, мне показалось, что он совсем здоров. Но послушно лег. Наверное, чтобы не учить на завтра уроки. Завтра у нас письменная по французскому. Может, проверишь меня?

— От моей проверки мало будет толку. Я не очень-то силен во французском. Лучше ложись спать.

Он поднялся, и девушка послушно нырнула под одеяло, поудобнее устроилась. Закрывая за собой дверь, Мартин Бек услышал ее шепот:

— Держи за меня завтра большой палец в кулаке.

— Спокойной ночи.
Мартин Бек на ощупь зашел на кухню и какое-то мгновение постоял около окна. Дождь как будто бы немного утих, а может, ему только так почудилось. Он думал о том, что происходило на демонстрации перед американским посольством, и о том, назовут ли завтра газеты действия полиции неуклюжими, беспомощными или наглыми и провокационными. Так или иначе, а они отнесутся критически к действиям полиции. Мартин Бек все же перед самим собой признавал, что часто критика имела основания, хотя ей недоставало понимания ситуации.

Он вспомнил, что ему сказала Ингрид несколько недель назад. Многие ее товарищи активно интересовались политикой, ходили на собрания и демонстрации, и большинство из них, наверное, были плохого мнения о полиции. Маленькой, призналась Ингрид, она гордилась тем, что ее отец полицейский, а теперь предпочитает молчать об этом. Мартин Бек зашел в гостиную, прислушался около дверей спальни и услышал негромкое похрапывание жены. Он осторожно раздвинул кушетку, зажег настольную лампу, затянул шторы. Кушетку он купил недавно и перебрался на нее из спальни под тем предлогом, что не хочет беспокоить жену, когда возвращается поздно ночью с работы.

Жену его звали Ингой.
Отношения между ними с годами ухудшались, и он чувствовал облегчение оттого, что теперь не надо было делить с нею постель. Это чувство временами ввергало его в сомнения, но после семнадцати лет супружеской жизни, наверное, нельзя уже было ничего изменить, и он давно уже перестал думать, кто из них виноват.
Мартин Бек сдержал кашель, снял мокрые брюки и повесил их на стул

перед батареей. Пока он, сидя на краю кушетки, стягивал носки, ему пришло в голову, что ночные прогулки Колльберга под дождем могут иметь ту же самую причину: его семейная жизнь постепенно становится нудной и обременительной.

Так скоро? Ведь Колльберг женился лишь полтора года назад.

Мартин Бек поднялся, взял из кармана плаща влажную и помятую пачку «Флориды», разложил сигареты сушиться на ночном столике и закурил одну, которая показалась ему наиболее подходящей. Сигарета была у него во рту и одна нога на кушетке, когда зазвонил телефон.

Телефон стоял в передней. Полгода

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

назад Мартин Бек заказал еще один аппарат, хотел поставить его в гостиной, но, учитывая темпы работы телефонных учреждений, надеяться на второй аппарат можно было разве только через полгода, и то если очень повезет.

Он быстро пересек комнату и поднял трубку, прежде чем прозвенел второй звонок.

— Бек слушает.

— Говорит центральная станция полицейской службы. Обнаружено много убитых пассажиров в автобусе сорок седьмого маршрута вблизи конечной остановки на Норра Сташунсгата. Вас просят немедленно выехать туда.

— От кого поступило известие? — спросил он.

— От Ханссона с пятой. Хаммара также известили.

— Сколько убитых?

— Еще не выяснено. По меньшей мере шестеро.

Мартин Бек подумал: «Заскочу по дороге за Колльбергом. Может, схвачу такси». И сказал:

— О'кэй. Сейчас приеду.

— Еще одно, комиссар.

— Да.

— Среди убитых... кажется, кто-то из ваших.

Мартин Бек сжал рукой трубку.

— Кто?

— Не знаю. Фамилии не сказали.

Мартин Бек положил трубку и прислонился лбом к стене. Леннарт! Наверное, это он. Какого черта ему надо было выходить на дождь? Какого черта его понесло в сорок седьмой автобус? Нет, это какая-то ошибка.

Он поднял трубку и набрал номер Колльберга. Один звонок, два, три, четыре, пять.

— Слушаю.

Это был сонный голос Гюн. Мартин Бек старался говорить спокойно, естественным тоном.

— Привет. А Леннарт дома?

Ему казалось, прошла целая вечность, пока Гюн ответила:

— По крайней мере, на кровати нет. Я думала, он с тобой. Вернее, думала, что ты у нас.

— Он вышел вместе со мной прогуляться. Ты уверена, что его нет дома?

— Может, он на кухне? Погоди, я посмотрю.

Снова минула целая вечность, пока она возвратилась.

— Нет, Мартин, его дома нет.

Голос был тревожный.

— Как ты думаешь, где он? — спросила она. — В такую непогоду?

— Он вышел лишь глотнуть свежего воздуха. А я только что пришел домой, думаю, и он долго не задержится. Не беспокойся.

— Сказать ему, чтоб позвонил, когда вернется? — спросила она уже спокойнее.

— У меня не такое важное дело. Спи. Доброй ночи.

Мартин Бек положил трубку и вдруг почувствовал, что дрожит от холода. Он снова поднял трубку и остался стоять с нею, раздумывая, кому бы позвонить, чтобы выяснить детали происшествия. Потом решил, что лучше всего немедленно поехать самому. Он набрал номер вызова такси и сразу услышал ответ.

Мартин Бек работал в полиции двадцать три года. За это время многие его коллеги погибли во время исполнения служебных обязанностей. Он тяжело переживал каждый такой случай и в глубине души создавал, что работа в полиции становится все более опасной и в следующий раз наступит его черед. Но, когда дело шло о Колльберге, здесь уже было отношение не просто как к коллеге. С годами их привязанность друг к другу крепла, они чудесно дополняли друг друга. А когда Колльберг полтора года назад женился и переехал на Шермарбринк, по соседству с ним, они начали встречаться также в свободное от службы время.

Совсем недавно Колльберг в минуту депрессии, которые изредка бывали у него, сказал:

— Если бы не ты, то, черт знает, остался бы я в полиции.

Мартин Бек думал об этом, натягивая мокрый плащ и спускаясь по лестнице.

Несмотря на дождь и поздний час, около огражденного места со стороны Карлбергсвеген собрались люди. Они с любопытством уставились на Мартина Бека, когда он вылез из такси. Какой-то молодой полицейский в черном дождевике бросился вперед, как бы пытаясь задержать прибывшего, но другой схватил его за плечо, а сам приложил руку к фуражке.

Невысокий мужчина в светлом плаще и кепке подошел к Мартину Беку и сказал:

— Сочувствую вам, комиссар. Я только сейчас узнал, что одного из ваших...

Мартин Бек так посмотрел на говорившего, что у того застряли в горле дальнейшие слова.

Он хорошо знал этого человека в кепке и очень не любил.

Это был свободный художник, журналист, который называл себя репортером-криминалистом. Он писал репортажи об убийствах, сенсационные, неприятные, да еще в большинстве случаев с вымышленными подробностями, поэтому их печатали самые скандальные газеты.

Мужчина отступил, и Мартин Бек перескочил через натянутую веревку. Он увидел, что такую же веревку натянули немного дальше, со стороны Турсплан. На огороженном месте рябило в глазах от черно-белых машин и безликих фигур в блестящих дождевиках. Земля около красного автобуса размякла и чавкала под ногами.

Автобус был внутри освещен, прожекторы тоже горели, но их лучи не проникали далеко сквозь густой дождь. Машина государственной криминально-технической лаборатории стояла за автобусом, повернутая кабиной к Карлбергсвеген. За разорванной проволочной сеткой несколько человек монтировали прожекторы.

Двери автобуса находились на другой от Мартина Бека стороне, но он видел, как за окнами двигались люди и догадывался, что персонал технической лаборатории уже начал свою работу.

Он помимо воли замедлил шаг, думая о том, что сейчас увидит, и стиснул в карманах кулаки, пока широкой дугой обходил серый автобус криминально-технической лаборатории.

В свете, падающем из открытых средних дверей двухэтажного автобуса, стоял Хаммар, его непосредственный начальник в течение многих лет, а ныне шеф полиции, и разговаривал с кем-то, находившимся внутри автобуса. Хаммар прервал разговор и обернулся к Мартину Беку:

— Вы все-таки приехали. А я уже думал, что вам забыли позвонить.

Мартин Бек, не ответив, подошел к двери и заглянул внутрь.

Он почувствовал, как все внутри сжалось и заняло: зрелище оказалось хуже, чем он предполагал.

В холодном ярком свете каждая деталь выступала поразительно четко. Казалось, весь автобус наполнен окровавленными трупами, застывшими в необычных позах.

Мартину Беку больше всего хотелось повернуться и выйти, чтобы не видеть их, но это чувство не отразилось на его лице. Он даже принуждал себя зарегистрировать в памяти все подробности. Люди из лаборатории работали молча. Один из них посмотрел на Мартина Бека и медленно покачал головой.

Мартин Бек осматривал убитых одного за другим. Он не узнал никого из них.

— А наш человек где, наверху? — вдруг спросил он. — Или...

Мартин Бек повернулся к Хаммару и умолк.

Из-за спины Хаммара из темноты появился Колльберг, с непокрытой головой, с прилипшими ко лбу волосами.

Мартин Бек вытаращил на него глаза.

— Привет, — сказал Колльберг. — Я уже начал раздумывать, куда ты подевался. Даже хотел попросить, чтобы еще разок позвонили тебе.

Он остановился перед Марином Беком и внимательно посмотрел на него.

— Тебе надо выпить чашку кофе. Я сейчас принесу.

Мартин Бек покачал головой.

— Нет, надо, — сказал Колльберг. И куда-то ушел. Мартин Бек посмотрел ему вслед, затем пошел к

передней двери и заглянул в середину. Хаммар тяжело ступал сзади.

На переднем месте сидел шофер, навалившись на руль. Наверное, ему прострелили голову. Мартин Бек пристально смотрелся к тому, что раньше было лицом шофера, и где-то в глубине души удивился, что не чувствует тошноты. Он повернул голову и посмотрел на Хаммара, который бессмысленно уставился в дождь.

— Ты можешь представить, что он здесь делал? — почти неслышно спросил Хаммар. — В этом автобусе?

И в тот же миг Мартин Бек увидел того, о ком сказал ему звонивший из центральной станции полицейской службы.

Около окна за лестницей, которая вела на второй этаж автобуса, сидел Оке Стенстрём, помощник следователя из комиссии по расследованию убийств, один из самых молодых сотрудников Мартина Бека. Наверное, «сидел» было не то слово. В синем поплиновом плаще Стенстрём полулежал, упершись правым плечом в спину молодой женщине, которая согнулась пополам на сиденье.

В правой руке Стенстрём держал служебный пистолет.

Дождь шел целую ночь, и хотя согласно календарю солнце должно взойти в семь сорок, было уже почти девять, когда его лучи наконец пробилась сквозь толщу облаков и настал пасмурный, туманный день.

Поперек тротуара на Норра Сташунгсгата, как и десять часов назад, стоял красный двухэтажный автобус.

Однако вокруг него все изменилось. На огромной территории работало более пятидесяти человек, а за натянутой веревкой толпились любопытные. Многие из них торчали здесь с полуночи, но видели только полицейских, медицинских работников и слышали завывание сирен разных типов. Это была ночь сирен — они рождались непрерывным потоком машин, которые, казалось, без цели и какого-либо смысла мчались, завывая, по блестящим от дождя улицам.

Никто не знал ничего определенного, тем не менее одна фраза шепотом передавалась из уст в уста, быстро, концентрическими волнами расходилась среди зрителей, в соседних домах, по городу, пока наконец приобрела последнюю четкую форму, облетела всю страну и к этому часу уже далеко перешагнула за ее границы.

«Массовое убийство».

«Массовое убийство в Стокгольме».

«Массовое убийство в автобусе в Стокгольме».

В Доме полиции на Кунгсхольмсгата было известно ненамного больше. Собственно, никто даже не знал, кому поручено вести следствие. Порядка не было никакого.

— Кто готовит список имен? — спросил Мартин Бек.

— Кажется, Рённ, — ответил Колльберг, не оборачиваясь.

Он прибывал на стену схему. Схема была большая, три метра в длину и более полутора метров в ширину, поэтому с нею нелегко было справиться. Это был план первого этажа автобуса с нарисованными на нем фигурами. Каждая фигура была помечена цифрой. От единицы до девяти.

— Не мог бы кто-нибудь помочь мне? — спросил Колльберг.

— Почему нет, — спокойно сказал Меландер, подымаясь и откладывая трубку.

Фредрик Меландер был высокий худощавый мужчина, важный на вид, с методическим складом характера. Ему было сорок восемь лет, и он был старшим следователем стоковского уголовного розыска. Колльберг ранее работал вместе с ним несколько лет. Сколько именно, он не помнил. Зато Меландер никогда ничего не забывал.

Почти совсем седой человек лет пятидесяти осторожно приоткрыл дверь и нерешительно остановился на пороге.

— Что там у тебя, Эк? — спросил Мартин Бек.

— Я по поводу автобуса, — сказал седой.

Дверь открылась. Гюнвальд Ларссон недоверчиво обвел взглядом свой кабинет. Его светлый дождевик, брюки и русые волосы пропитались водой, ботинки были в глине.

— Черт, так что же удивительного в том автобусе? — спросил Меландер.

— А то, что как раз автобусы этого типа не ходят сорок седьмым маршрутом.

— Не ходят?

— То есть я хочу сказать, что они обслуживают другой маршрут. А там курсируют немецкие автобусы марки «Бюссинг». Также двухэтажные. Этот очутился на маршруте просто случайно.

— Великолепная ведущая нить, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Маньяк, убивающий людей исключительно в английских автобусах. Ты это хочешь сказать?

Эк только посмотрел на него. Гюнвальд Ларссон отряхнулся и спросил:

— Кстати, что за стая обезьян толчется в коридоре?

— Журналисты, — сказал Эк. — Кто-то должен поговорить с ними.

— Только не я, — сразу заявил Колльберг.

— А Хаммар, или министр юстиции, или кто-то другой из высшего начальства не огласит коммюнике? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Оно, наверное, еще не сформулировано, — ответил Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон оглядел кабинет и большой волосатой рукой убрал с лица мокрые волосы.

— Кто-нибудь уже разговаривал с матерью Стенстрёма? — спросил он.

В комнате наступила мертвая тишина, как будто эти слова отняли речь у всех присутствующих, включая вопрошавшего.

Наконец Меландер повернул голову и сказал:

— Да, ей сообщили.

Занятые каждый своим делом, они не заметили, когда вошел Эйнар Рённ со списком убитых в автобусе. Гюнвальд Ларссон первым протянул руку за бумагой.

— Ага, сейчас посмотрим, — нетерпеливо сказал он и, бросив лишь взгляд на листок, возвратил список Рённу. — Такого бисера я отродясь не видывал. Читай сам.

Рённ вынул очки и откашлялся.

— Из восьми убитых четверо жили вблизи конечной остановки, — начал он. — И тот раненый тоже там живет.

— Будь добр по порядку, если можешь, — попросил Мартин Бек.

— Номер первый — водитель Густав Бенгтссон. Две пули в затылок. Ему было сорок восемь лет. Женат, имел двоих детей и проживал на Инедальсгата, пять. Семья оповещена. Это был его последний рейс. Он должен был высадить пассажиров на конечной остановке, а потом отвести автобус до остановки Хорнсберге на Линдхагенсгата. Кассу никто не ограбил, а в кошельке у водителя также было сто двадцать крон.

Рённ посмотрел на своих слушателей поверх очков:

— Пока что о нем все.

— Давай дальше, — сказал Меландер.

— Я буду придерживаться того порядка, что на схеме. Таким образом, дальше идет Оке Стенстрём. Убит пятью выстрелами в спину. Ему было двадцать девять лет, и жил он...

Гюнвальд Ларссон перебил его:

— Это можно пропустить. Мы знаем, где он жил.

— А я не знаю, — сказал Колльберг.

Рённ откашлялся.

— Он жил на Тьеровсгата вместе со своей невестой...

Гюнвальд Ларссон вновь перебил его:

— Они не обручены. Я недавно спрашивал его.

Мартин Бек сердито посмотрел на него и кивнул Рённу, чтобы тот продолжал.

— Он жил с Осой Турелль, двадцати четырех лет, служащей в бюро путешествий.

Меландер вынул изо рта трубку и сказал:

— Ее оповестили.

Ни один из них не посмотрел на снимок обезображенного тела Стенстрёма. Они уже его видели и не хотели смотреть еще раз.

— В правой руке он держал служебный пистолет, сняв его с предохранителя, но ни разу не выстрелил. В кармане у него найден кошелек с тридцатью семью кронами, удостоверение личности, фотокарточка Осы Турелль, письмо от матери и несколько квитанций. А еще водительские права.

блокнот, ручки и ключи. Нам все это возвратят из лаборатории, когда закончат работу. Читать дальше?

— Да, пожалуйста, — молвил Колльберг.

— Девушку на сиденье рядом со Стенстрёмом звали Бритт Даниельссон. Ей было двадцать восемь лет, незамужняя, работала в больнице на Сабатсберге медсестрой.

— Интересно, не ехали ли они вместе, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Не шастал ли Стенстрём слегка налево?

Рённ укоризненно посмотрел на него.

— Надо будет выяснить, — сказал Колльберг.

— Она жила на Карлбергсвеген, восемьдесят семь, вместе с другой медсестрой из Сабатсбергской больницы. По словам этой девушки, которую зовут Моника Гранхольм, Даниельссон возвращалась из больницы. Убита выстрелом в висок. Она единственная из всех жертв, которой досталась только одна пуля. В ее сумочке найдено тридцать восемь мелких предметов. Надо их перечислять?

— На кой черт? — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Под четвертым номером в списке стоит Альфонс Шверин, тот, который остался жив. Он лежал навзничь между задними продольными сиденьями. Известно, что он одинокий и живет на Норра Сташунггата, сто семнадцать. Ему сорок три года, а работает он в одной дорожной конторе. Кстати, как он сейчас?

— До сих пор не пришел в сознание, — сказал Мартин Бек. — Врачи надеются, что он придет в себя, но не уверены, сможет ли он говорить.

— Ну а тот, в углу? Номер пять? — Бек показал пальцем на заднее сиденье в правом углу автобуса. Рённ заглянул в свои заметки.

— Мохаммед Бусси, алжирский подданный, тридцати шести лет. В Швеции родственников не имеет. Жил в своеобразном пансионате на Норра Сташунггата. Наверное, ехал с работы домой из «Зигзага» — гриль-ресторана на Васагата. Это пока что о нем все.

— Араб? — переспросил Гюнвальд Ларссон. — Они любят у себя дома устраивать стрельбища.

— Твое политическое образование просто ошеломляет, — заметил Колльберг. — Тебе необходимо перейти на службу в полицию безопасности.

— Она называется государственной полицией по вопросам безопасности, — поправил его Гюнвальд Ларссон.

Рённ встал, вынул из кучи несколько фотографий, разложил их на столе и сказал:

— Этого парня не опознали. Номер шесть. С крайнего сиденья сразу за средней дверью. В карманах у него были коробок спичек, пачка сигарет и тысяча восемьсот двадцать три кроны разными купюрами. Это все.

— Много денег, — задумчиво сказал Меландер.

Мартин Бек подошел к схеме автобуса на стене.

— Я вот думаю, не было ли их двое? Все заинтересованно посмотрели на него.

— Кого? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Тех, что стреляли. Посмотрите, как все жертвы послушно сидят на своих местах. Кроме того, что остался жив и мог уже потом упасть с сиденья.

Колльберг поднялся и стал около Мартина Бека.

— Ты думаешь, что кто-нибудь успел среагировать, если бы стрелял только один? Да, возможно. Но он же просто скосил их. За одно мгновение, а если еще представить себе, как они, наверное, были ошеломлены...

— Будем дальше читать список? Ведь скоро мы все равно узнаем, сколько там было орудий убийства — одно или больше.

— Разумеется, — сказал Мартин Бек. — Продолжай, Эйнар.

— Под номером седьмым у нас Йон Чельстрём, ремесленник. Он сидел около того, который до сего времени не опознан. Ему пятьдесят два года, женат, жил на Карлбергсвеген, восемьдесят девять. Жена сказала, что возвращался из мастерской на Сибиллегата, где работал сверхурочно. Стало быть, обыкновенный пассажир.

— Если не считать того, что ему начинили живот свинцом, — заметил Ларссон.

— Около окна перед средней дверью сидел Эста Ассарссон, номер восемь. Сорока двух лет. Он жил на Тегнергата, сорок, там размещается также его контора и предприятие — экспортно-импортная фирма, которую он возглавлял вместе с братом. Жена не знает, почему он оказался в этом автобусе. Говорит, что он в то время уже должен был быть на каком-то собрании на Нарваеген.

— Ага, — молвил Гюнвальд Ларссон. — Ступил на запретную стезю.

— Похоже на то. В портфеле у него была бутылка виски «Джонни Уокер», черная этикетка.

Приоткрылась дверь, и заглянул Эк: — Хаммар просит, чтоб через четверть часа все пришли к нему. Обсуждение дела. Следовательно, без четверти одиннадцать.

Он закрыл дверь.

— О'кэй, пойдем дальше, — сказал Мартин Бек.

— На два места впереди Ассарссона сидел номер девятый, фру Хильдур Йоханссон, шестидесяти восьми лет, вдова, которая проживала на Норра Сташунггата, сто девяносто. У нее замужняя дочь на Вестманнагата, фру Йоханссон и нянчила там ребенка. Автобусом возвращалась домой.

Рённ сложил лист и спрятал его в карман пиджака.

— Это все, — сказал он.

Гюнвальд Ларссон вздохнул и разложил фотографии на девять аккуратных кучек.

Меландер вынул изо рта трубку, что-то проворчал и вышел из комнаты. Колльберг, раскачиваясь на стуле, сказал:

— Ну и что мы узнали? Что в обычный день во вполне обыкновенном автобусе девятую обычных людей без какой-либо понятной причины скошены автоматическим пистолетом. Если не считать неопознанного парня, я не вижу чего-то особенного в каждом из этих людей.

— Нет, про одного из них нельзя этого сказать, — молвил Мартин Бек. — Про Стенстрёма. Что он делал в том автобусе?

Через час Хаммар обратился с этим самым вопросом к самому Мартину Беку.

Хаммар собрал у себя специальную следственную группу, которая отныне должна была заниматься только убийством в автобусе. Мартин Бек и Колльберг также входили в нее.

Они обсудили собранные до сего времени факты, попытались проанализировать ситуацию и распределили задания. После того как все, кроме Мартина Бека и Колльберга, разошлись, Хаммар спросил:

— Что Стенстрём делал в этом автобусе?

— Не знаю, — ответил Мартин Бек.

— Кажется, никто даже не знает, чем он вообще занимался в последнее время. Или, может, вы знаете?

Колльберг пожал плечами.

— Не представляю себе, — сказал он. — Выполнял ежедневные обязанности.

— В последнее время у нас было мало дела, — молвил Мартин Бек. — Поэтому Стенстрём достаточно часто был свободен. А до этого он много работал сверхурочно, так что мог себе позволить погулять.

Хаммар с минуту задумчиво стучал пальцами по столу. Наконец он спросил:

— Кто связывался с его невестой?

— Меландер, — ответил Колльберг.

— Думаю, что вам необходимо как можно быстрее поговорить с нею обстоятельнее, — сказал Хаммар. — По крайней мере, она может знать, куда он ехал.

Он умолк на мгновение и добавил: — Если, конечно...

Он вновь умолк.

— Что? — спросил Мартин Бек.

— Если у него ничего нет, с той медсестрой в автобусе. Ты это хотел сказать? — спросил Колльберг.

Хаммар ничего не сказал.

— Либо у него было какое-то поручение, либо что-нибудь подобное, — сказал Колльберг.

Хаммар кивнул.

— Вот и выясняйте.

Продолжение следует
Перевел со шведского
СТ. НИКОНЕНКО

КЁРЛИНГ

Февраль — мягкий месяц в Квебеке — месяц карнавалов, время танцев, развлечений и спортивных игр.

Речь пойдет о любимом тысячами канадцев, да и не только ими, виде спорта — кёрлинге.

Что же такое кёрлинг и откуда он взялся?

Происхождение этой игры — а ей уже, пожалуй, более четырех сотен лет — затерялось в давней истории Шотландии, но в Северной Америке дебют кёрлинга состоялся в 1768 году: игру принесли с собой шотландские солдаты, расквартированные в то время в Квебеке. За короткое время кёрлинг буквально разбежался по всей Канаде. Особенно популярен этот вид спорта был в западных провинциях, где зимы продолжительны и где с избытком хватало натурального льда. Однако появились площадки с искусственным льдом, и кёрлинг стал завоевывать почитателей во всей Северной Америке — и в Канаде, и в Соединенных Штатах, где сегодня существует множество клубов, объединяющих тысячи кёрлеров самого различного возраста. Так что сугубо зимним видом спорта эту игру давно уже никто не считает.

Первое условие кёрлинга — ледяная площадка. Причем естественный или искусственный лед — значения в принципе не имеет, хотя находятся игроки, которые считают, что разница есть, и существенная. На площадке яркой краской нанесен «дом» — круглая «мишень»: в отличие от тира она расположена не вертикально, а горизонтально. В состязании участвуют две команды, состоящие обычно из

четырёх человек. У каждого участника — две отшлифованные гранитные биты с ручкой весом в 17 килограммов. Задача кёрлера — упершись ногой в углубление во льду, пустить биты с таким расчетом, чтобы та, пролетев по дорожке длиной в тридцать с лишним метров, в конце концов замедлила ход и остановилась точно в центре «дома». Товарищи по команде держат в руках специальные метелки и всю орудуют ими, стараясь расчистить путь для биты. Конечно, лед и так гладкий, но ведь малейшая ледышка, крохотный холмик снежной пыли способны повлиять на движение снаряда, и тогда, вполне возможно, бита уйдет в «молоко». Тяжелый гранитный «булыжник» скользит по площадке, вращаясь, — отсюда и название игры: от английского глагола «to curl» — «крутиться», «закручиваться». Все остальное — как в обычных стрелковых соревнованиях: команда, поразившая мишень чаще и успешнее прочих, становится победительницей.

Кстати, немаловажная деталь: у каждой команды своя спортивная

форма, причем чем она ярче и необычнее, тем больше шансов у игроков стать любимцами публики.

Правила игры в кёрлинг были официально утверждены в первой половине XIX века. Кроме Канады и США, кёрлинг популярен в Великобритании, Австрии, ГДР, в Скандинавских странах. Около 20 стран имеют собственные национальные федерации по кёрлингу. И еще: эта игра как показательный вид спорта входила в программу нескольких зимних Олимпиад.

Истинный кёрлер, как правило, фанатик. Он готов с утра до вечера говорить о кёрлинге, о его популяризации и перспективах. Кёрлер уверен, что не за горами тот день, когда все человечество вне зависимости от климатических или географических условий откроет для себя прелесть этой действительно интересной игры.

...И пожалуй, немало удивились бы те самые шотландцы, волею судьбы заброшенные когда-то в далекий Квебек, если бы они своими глазами увидели, что такое кёрлинг сегодня...

В. РИВОШ

ЦИНКОВЫЙ УДАР ПО ФИТОПЛАНКТОНУ

В прибрежных водах Британских островов проведены исследования фотосинтеза в массе планктона. Эксперименты организованы Морской биологической ассоциацией ученых в проливе Ла-Манш — у городов Плимут, Борнмут, Брайтон, Дувр. Они были затем повторены у Бристоля и в заливе Кардиган. Было

установлено, что в этих районах планктон имеет явные признаки замедленного роста. Поскольку он представляет основной источник корма для промысловых рыб, его болезнь приобрела не только экологическое, но и прямое экономическое значение.

Десятки контрольных проб с микрородорослями показали, что скорость фиксации ими соединений углерода за час упала более чем на

20 процентов. Это было объяснено тем, что заводы и фабрики сбрасывают в море сточные воды, содержащие цинк. Малые дозы этого металла необходимы для роста фитопланктона. Однако на сей день его концентрация повысилась в несколько раз по сравнению с природными дозами, и это подавляет рост организмов

НОВОСТИ ЭКОЛОГИИ

ВО ТЬМЕ ИНЖИРА

Большая белизская смоковница — не только большое дерево, что ясно из названия, но и щедрое. Его плодами лакомятся множество животных: и обезьяны-ревуны, и игуаны, и пресноводные черепахи, и черные фиговые осы-бластофаги. С осами история особая: хоть и крохотные они (самка может уместиться на булавочной головке), а без них большое фиговое дерево не смогло бы выжить.

Цветы смоковницы увидеть невозможно: они сокрыты внутри мясистых соцветий — каприфиг (мужских) и фиг (женских). К цветам — точнее, к святым святым цветам — пестикам и тычинкам — можно пробраться лишь через узкое отверстие. Бластофага залезает внутрь, чтобы отложить яйца, и одновременно — поскольку она посещает и фиги и каприфиги — переносит пылью с мужских соцветий на женские. Из яиц ос выдупляются личинки, они питаются сладкой сочной мякотью фиг и впоследствии превращаются во взрослых насекомых. Любопытный, хотя и печальный факт: самцы никогда не вылезают из соцветий на белый свет. Внутри фиги они встречают самок, внутри же вершится короткая осиня свадьба, а затем самцы умирают. Наружу выбираются лишь самки, чтобы отложить яйца в другой фиге и тем самым замкнуть круговорот жизни и ос и смоковниц.

Казалось бы, яйца ос в полной безопасности: соцветие надежно защищает их. Однако это не так. У бластофаг есть враг — оса-паразит (на снимке). Ползая по поверхности фиги, она «шестым чувством» обнаруживает яйца бластофага, пронзает кожуру длинным яйцекладом и откладывает рядом свои яйца. А ее личинки с успехом пожирают не только мякоть соцветия, но и личинок бластофага. Вот и получается, что большая смоковница зависит от жизни, борьбы и смерти двух очень маленьких враждующих существ — фиговых ос.

ЗОНТИК ЗОНТУ РОЗН

Уличных ремесленников часто можно видеть в городках Ломбардии (Италия). Одни склеивают фаянсовую посуду, другие «на ходу» чинят велосипеды, третьи... третьи ремонтируют зонтики. Причем не современные, новейшие, а старые, «деловские». Зонт-автомат починят в специализированной мастерской: поставят новую пружину, выправят спицы (и плату дерут приличную), а с «барахлом» возиться не станут. Мол, на помойку — и дело с концом. Но не всякий выкинет «барахло»: трость еще прочная, материя надежная, да и жаль расставаться — этим зонтом отец (мать) пользовался, и дед (бабка), может быть. Вот и остается прибегать к услугам уличных кустарей — зонтичных дел мастеров.

РАСПЛАТА ЗА УЮТ

Поймать осьминога очень просто. Особенно, когда за дело берутся рыбаки японского острова Футагами. Великое мастерство здесь, кстати, не требуется, успех ловли гарантирован двумя факторами: нехитрым коварством рыбаков и... любовью осьминогов к уединению. Берется сотня или около того примитивных глиняных сосудов (форма неважна, лишь бы были пустотелыми), они связываются канатом из рисовой соломы и опускаются на дно: ни приманок, ни samozахлопывающихся крышек не требуется. Привлечен-

ные удобными «норами» (у спрутов свои представления о комфорте), осьминоги забираются внутрь, и... все. Можно поднимать снасть: головоногие теперь ни за что не покинут надежные убежища, где они чувствуют себя, словно у Нептуна за пазухой.

Для большинства европейцев, приезжающих на остров, местные осьминоги, поданные на стол, кажутся жесткими, как подметка, и безвкусными, как парафин, почему и называют они сие блюдо «футагамским чунингамом». Островитян это не смущает. На их вкус, правильно приготовленный осьминог — отменный деликатес. Причем дешевой и доступной: ловить эти «деликатесы», как теперь все знают, совсем не сложно.

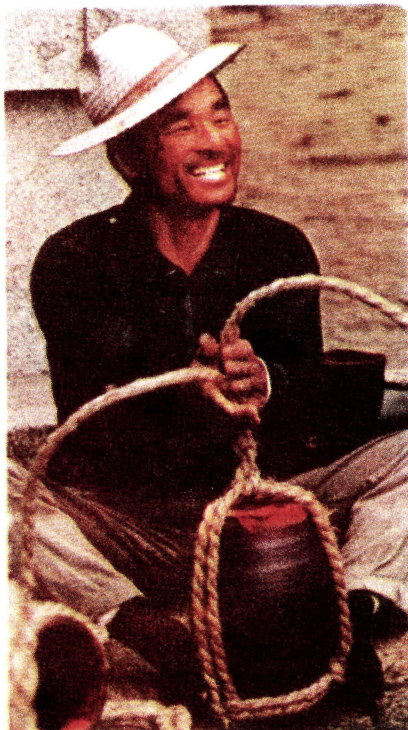

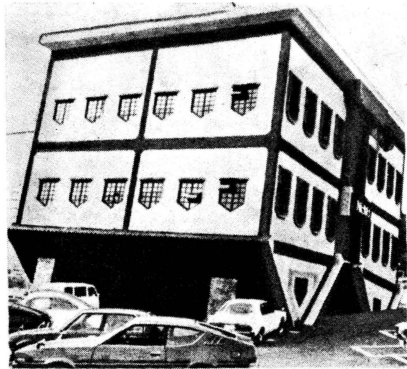
КОГДА НЕЧЕМ ДЫШАТЬ

В западногерманском городе Штутгарте автомобили в последнее время настолько заполнили центр, что из-за выхлопных газов там стало буквально нечем дышать. И вот в один прекрасный вечер терпению жителей окрестных кварталов пришел конец. За ночь они покрыли всю площадь и стоявшие на ней автомашины ковром из дерна. А чтобы ни у кого не оставалось сомнений относительно того, что двигало ими, на одном из домов был вывешен огромный транспарант: «Мы хотим хоть раз вздохнуть полной грудью!»

АГАТА-БЕТТИ-ВИОЛА...-ХИЛЬДА

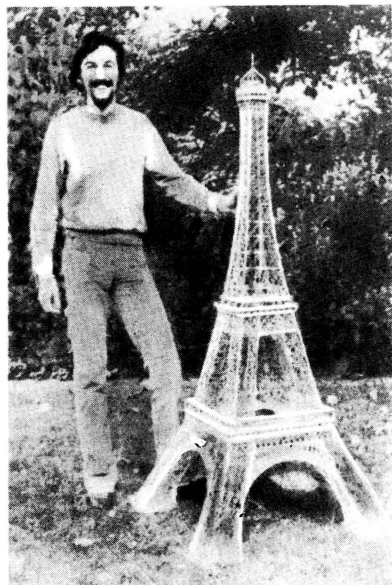
Небывалая жара, охватившая Новую Зеландию, поставила перед дирекцией Оклендского зоопарка трудную проблему: как спасти от голодной смерти четырех киви, содержащихся в нем? Эти бескрылые птицы, обитающие в сырых лесах, кормятся исключительно червями и личинками насекомых, а постоянные поставщики из-за жестокой засухи оказались не в состоянии доставлять их в нужном количестве. Выход нашел кассир зоопарка Кристоф Харгью, предложивший взять плату за вход не деньгами, а натурой. Причем посетители, «уплатившие» сто и более червей или фунт личинок, получали право прибавить свое имя к кличке одного из киви. Уже через две недели эта вынужденная мера была отменена, поскольку птицы оказались обеспечены кормом на два месяца вперед. К тому же они стали абсолютными рекордсменами в пернатом царстве: каждая киви теперь имеет кличку, состоящую из нескольких десятков имен.

ДОМ НАБОРОТ

Существует много конструкций сейсмостойких зданий, разработанных учеными и архитекторами. Однако, с точки зрения Санумы Аманэси, все они страдают одним существенным недостатком: их сооружение стоит слишком дорого. Поэтому, чтобы обезопасить двухэтажное кафе на случай землетрясения, Аманэси решил применить свой оригинальный способ защиты — выстроить здание «вверх ногами». «Какой бы силы ни были подземные толчки, — утверждает он, — они никогда не обрушат мою конструкцию, а будут лишь раскачивать ее, поскольку центр тяжести находится на чердаке, заполненном бетонными плитами». Трудно сказать, выдержит ли дом наоборот испытание землетрясением. Зато уже сейчас это кафе в японском городке Хаядзима стало местом паломничества многочисленных туристов.

ГЛАВНОЕ — ТЕРПЕНИЕ

На выставке шедевров любительского искусства в Швейцарии первую премию получил Мейнрад Каммерландер за модель Эйфелевой башни. В своем решении судьи отметили не только высокую степень соответствия копии оригиналу, но и то, что «архитектор» проявил незаурядное терпение: ведь, чтобы соорудить эту Эйфелеву башню высотой в 165 сантиметров, Каммерландеру пришлось склеить 16 000 спичек, предварительно отрезав у них головки.

ДОРОГУ ЗМЕЯМ!

Дважды в год — с 4 по 25 апреля и с 24 сентября по 15 октября — трехкилометровый отрезок шоссе, проходящего по дну глубокого каньона в Национальном парке Шони (штат Иллинойс, США), пустеет. Не проносятся автомобили, местные жители не рискуют пуститься в путь по этому участку, туристов заранее предупреждают: дорога отдана во власть змеям. Весной и осенью пресмыкающиеся совершают сезонный переход из своих «зимних квартир» в скалах к болотам в долине Миссисипи. Трудно сказать, сколько змей пересекает каждый год шоссе, но через отдельные участки они ползут сплошным потоком. Решение закрывать периодически шоссе было принято несколько лет назад — это оказалось более эффективной мерой, чем каждый раз предупреждать водителей, чтобы не трогали змей: большинство местных видов ядовиты.

КОЛЮЧИЕ ВОСПИТАННИКИ

Быть приемной матерью нелегко. Дети хотя и любимые, но все же не свои, с норовом каждый, а если и внешность еще неординарная, то воспитание превращается в глубокий проблем.

У жесткошерстной таксы Элизабет, живущей в Стокгольмском зоопарке, положение совсем уж щекотливое (в буквальном смысле!). Ибо воспитывает она... четырех ежат-сирот. Дети в общем-то послушные, примерные, но если расшалаются, то обычные собачьи педагогические меры не действуют. Нашкодят ежики, свернутся шариками, оцетинятся колючками и фыркают на негодующую Элизабет. Как тут дать нежную материнскую затрещину?! Вот и разберись, кто кого держит в ежовых рукавицах: мать — детей или колючие детишки — приемную маму.

ЗОЛОТАЯ ГРЯЗЬ

История поиска сокровищ на Западе — это история «лихорадок». «Кладониская лихорадка», «золотая», «нефтяная»... В последнее время много указывается на то, что в Соединенных Штатах начинается новая «лихорадка» — «полюси фивер» (от слова «pollution» — «загрязнение среды»). Причиной тому недавно распознанный кем-то малоизвестный закон от 1899 года, облагающий штрафом частных лиц и предприятий, которые сливают отходы в реки и озера. Воздействие старинного закона — а его никто никогда не отменял — может быть более эффективным, чем многие природоохранные меры американских властей последних лет. Сотни, а то и тысячи небескорыстных ревнителей природы рыщут по стране в поисках злокозненных загрязнителей. Ведь по «закону-1899» штраф переходит в карман того, кто обнаружит факт загрязнения и доложит о нем властям, а размер денежного взыскания с нарушителя может быть очень значительным — до 100 тысяч долларов. Так что «сокровища» лежат буквально под ногами, точнее, плавают на поверхности вод.

ЕЩЕ ОДНА «ВЕНЕЦИЯ»

В султанате Бруней, расположенном на севере острова Калимантан, есть один объект, который обязательно показывают туристам. Это город Кампонг-Айр. В исторических документах он впервые упомянут итальянцем Антонио Пигафеттой, спутником Магеллана по кругосветному путешествию, в 1521 году. Вот что писал путешественник: «Кампонг-Айр представляет собой большой город, построенный целиком в воде». Сейчас поселение существенно не отличается от того, что видел Пигафетта более четырех с половиной веков назад, и по-прежнему поражает своими масштабами: в свайных жилищах, соединенных тонкими деревянными мостками, живет 35 тысяч человек.

Власти Брунея неоднократно предлагали жителям Кампонг-Айра переселиться на сушу, но всегда с трепетом решительный отказ. Особенности «города в воде» налагают на местных полицейских дополнительные обязанности: им часто приходится спасать упавших в воду детей и вести секции плавания.

«ВОКРУГ СВЕТА» 50 лет НАЗАД

МАТЕРИЯ ИЗ АЛЮМИНИЯ

появилась в Англии. Из такой материи шьются костюмы, причем вполне понятно, что эти костюмы отличаются исключительной прочностью. Вместе с тем эта материя очень дешева.

САМЫЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧАСЫ В МИРЕ

Доктор Симсон из Чикаго сконструировал часы, которые заводятся раз в тысячу лет. Если я, например, их заведу, то они останутся только у моего прапрапра-пра-пра, шестнадцать раз правнука. Больше того, вот уже прошло четыре года, как сконструировал их доктор Симсон, а они отстали за это время только на одну тысячную долю секунды. Все дело в том, что их приводит в движение микроскопически малая крупинка радия, заключенная в стеклянной капсулке в механизме часов.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

ЧТО НЕПОНЯТНО В СКАЗКЕ

Этот экзамен на курсах воспитателей Сергей должен был выдержать обязательно. Иначе в лесную школу, куда уже распределили Олю, очаровательную голубоглазую девушку, Сергея могли не направить.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку электронного экзаменатора. «Короткий рассказ на вольную тему детям шестилетнего возраста» — вспыхнуло на экране, а затем последовали условия выполнения задания. Необходимо было, во-первых, увлечь ребят, а во-вторых, сделать рассказ настолько понятным, чтобы они не задали ни одного вопроса. За минуту, которая полагалась на обдумывание, Сергей решил, что скорей всего малышей можно увлечь сказкой, а персонажами ее сделать астрономические объекты: ведь сам Сергей — астрофизик и сможет так подробно рассказать о звездах, планетах и прочем, что спрашивать уже будет не о чем.

И вот он под обстрелом двадцати пар пытливых, а иногда и насмешливых глаз.

— Здравствуйте, дети, — начал Сергей, радуясь, что голос его не дрожит. — Я расскажу вам сказку о звездах. Давным-давно, миллиарды лет назад, вещество во вселенной было плотнее атомного ядра и собрано в одном месте. Но тут произошел Большой Взрыв. Во все стороны начало разлетаться прото вещество, облака которого очень скоро сгустились в звезды. Одна из них на первый взгляд ничем не отличалась от других — не была ни гигантом, ни карликом, ни ослепительно яркой, ни тусклой, но она оказалась капризной, злой и хуже всего — жадной. Время от времени звезда раздраженно вспыхивала и, надувшись плазмой, пожирала все, что оказывалось поблизости. Это была Новая Звезда.

Однажды Новой встретилась звезда, огромная, как орбита Земли вокруг Солнца, — остывающий, неповоротливый, но очень добродушный Красный Гигант. Вначале Новая хотела сыграть с ним злую шутку, но что-то ее остановило. Новая Звезда вдруг почувствовала, что ее существование будет теперь иметь смысл только рядом с Красным Гигантом. Однако как сделать, чтобы он узнал о ней?

Она сорвала с себя корону и протянула ему. Это был не просто подарок: как известно, корона звезды не что иное, как плазма, а именно жаркой плазмы не хватало остывающему гиганту.

Но в удивительно красивом свете короны Новый Гигант вдруг увидел Зеленую Звезду. Она была совсем юная, но далеко не так наивна, как показалось Красному Гиганту. Поняв, что Красный Гигант неравнодушен к ней, Зеленая Звезда решила этим воспользоваться. Красный Гигант был хоть и велик, но из-за своей широкой души менее плотен, чем Зеленая Звезда, да и гравитационным полем — у людей это называется характером — обладал слабым, потому Зеленая начала беззастенчиво вытягивать из него энергию.

Новая видела: еще немного, и Зеленая Звезда превратит Красного Гиганта в белого карлика. Что делать? Тогда Новая Звезда решила направить всю свою энергию в сторону Красного Гиганта.

Смерть ее была взрывоподобным излучением огромной силы. В эту роковую минуту — став Сверхновой! — она почувствовала, что Красный Гигант любит ее, и узнала больше счастья, чем Зеленая Звезда за всю свою жизнь.

Пройдут миллиарды лет. Потухнут и Красный Гигант, и Зеленая Звезда так же, как бесчисленное множество других звезд, на смену им вспыхнут новые. Но никогда не исчезнет во вселенной любовь.

Сергей вытер платком пот со лба. В комнате было тихо, как в межгалактическом пространстве.

— Ну что, дети, — спросил сидевший рядом с Сергеем член экзаменационной комиссии, — интересно было?

— Да! Да! — закричали вдруг все разом. — Пусть дядя расскажет еще!

— Теперь скажите: что в сказке вам не понятно?

Дети молчали. Сергей не помнил себя от счастья. И тут с последнего ряда послышалось:

— А что такое любовь?

САРАИ-НЕБОСКРЕБЫ

Казалось бы, в нашей фотографии ничего особенного. Стоит себе рыбак и распутывает сети. Впрочем, дело не в сетях и не в рыбаке Кевине Боллене, а в сарае, что высится за его спиной. И еще важно то, что Кевин живет в английском городе Гастингсе.

Не зная дату битвы при Гастингсе для английского школьника примерно то же, что для нашего учащегося не помнить дату битвы при Калке. Именно близ Гастингса в 1066 году войска норманнского герцога Вильгельма I разгромили армию англосаксонского короля Гарольда, после чего Вильгельм I стал королем Англии и получил прозвище Завоевателя.

Ныне Гастингс известен как фешенебельный приморский курорт, как город рыбаков и... тоже как место битвы. Только воюют, разумеется, не норманны и англосаксы, а человек и море. Волны Канала — так, с большой буквы, называют жители Британских островов Ла-Манш — по всему побережью юго-восточной Англии неустанно размывают песчаниковые скалы и меловые обнажения. Здесь часты оползни и обвалы, приносящие жителям и хозяйству значительный ущерб. И в Гастингсе, и в соседних Бексхилле и Истборне в море выступают мощные волнорезы, но... беда в том, что, предохраняя берег от эрозии, они в ряде случаев сами же и создают ее: волны до конца не гасятся, а складывавшаяся веками береговая линия «взломана» искусственными сооружениями.

С давних времен тут очень высоко ценилась узкая полоса плодородной прибрежной земли. Настолько ценилась, что и хозяйственные постройки, как правило, не возводились, и жилье строилось более чем компактно (даже по меркам Англии, где на каждую квадратную милю приходится в среднем 600 жителей, плотность застройки здесь рекордная), а рента за аренду земли весьма внушительна.

Но как же быть рыбакам? Им нужны причалы, портовые сооружения, наконец, сараи для сушки и хранения сетей. Рыбаки нашли выход. Здесь издавна строят прочные многоэтажные сараи, причем строят, как дома, на века. Некоторые из них стоят уже по двести лет, не зная ни пожаров, ни ветхости.

— Конечно, тем, кто держит сети на верхних этажах, — не легко: высоко лазить, — говорит Кевин Боллен. — Но мы люди привычные, обходимся без лифтов в наших «небоскребах». Зато и сети в сохранности, и земля свободна. Только за эту землю, пригодную для хозяйства, нужно бороться изо дня в день: море точит берег...

А в общем, на фотографии — ничего особенного. Кроме извечного сюжета: Человек и Море.

В. БАБЕНКО

В номере использованы фотографии из журналов: «Атланте» (Италия), «Мернан» (ФРГ), «Нэчурл хистори» (США), «Нэшл джиографик» (США), «Ориентейшнс» (Гонконг).

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-56; науки — 285-89-38; литературы — 285-80-58; писем — 285-88-68; иллюстраций — 285-89-36; приложение «Искатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1981 г.

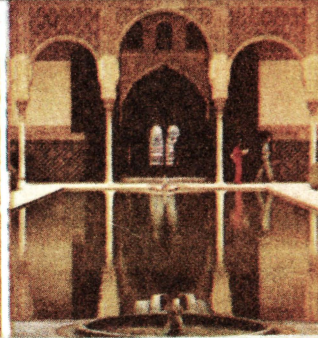
Сдано в набор 05.01.81. Подп. к печ. 25.02.81. А01333. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 11,5. Тираж 2 875 000 экз. Заказ 2067. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

82

ИСПАНИЯ

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО

МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Цена 70 коп.
Индекс 70142

